СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXIII, № 4.

С. М. Кульбакинъ.

КЪ ИСТОРІИ И ДІАЛЕКТОЛОГІИ ПОЛЬСКАГО ЯЗЫКА.

I. Фонетика сважендзскаго говора.
II. Возникновеніе общепольскихъ долготъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Вас. Остр., 9 лин., № 12
1903.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, мартъ 1903 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1901 году три слишкомъ мѣсяца провелъ я въ небольшой деревнѣ Сважендзѣ (Swarzędz-Schwersenz) при городкѣ того же названія, не вдалекѣ отъ г. Познани, — съ цѣлью ознакомиться съ особенностями великопольскаго нарѣчія, малодоступнаго для изученія по печатнымъ матеріаламъ.

Посѣщая близъ лежащія деревни: Грущинъ, Вѣржонку, Вѣрженицу, Кобылье-Поле, я собралъ нѣкоторый матеріалъ, характеризующій въ общихъ чертахъ говоръ названныхъ мѣстъ, безъ опредѣленія точныхъ границъ его.

Замѣчу, что населеніе этихъ мѣстъ чисто польское, нѣмецкій элементъ очень слабъ. Такъ, въ Сважендзѣ изъ 361 чел. жителей—33 нѣмца, въ Грущинѣ изъ 158 ч.—28 нѣмцевъ, въ Вѣрженицѣ 252 поляка и ни одного нѣмца.

За обработку собраннаго матеріала, первоначально имѣвшаго служить мнѣ лишь для самопоученія, я взялся въ виду почти полнаго отсутствія спеціальныхъ изслѣдованій, посвященныхъ великопольскимъ говорамъ: извѣстна лишь небольшая статья г. Лецѣевскаго о говорѣ Miejskej Górki, да двѣ статьи болѣе общаго характера: Кольберга о великопольскихъ говорахъ вообще и Петрова о говорахъ рыпиньскаго и липновскаго уѣздовъ Плоцкой губерніи. Послѣднія двѣ статьи слишкомъ бѣглы и неточны, какъ и великопольскіе тексты Кольберга.

Мнѣ казалось, что при такой бѣдности литературы, посвященной великопольскому нарѣчію, не окажутся лишними и мои наблюденія надъ сважендзскимъ говоромъ, хотя и не претендующія ни на особенную полноту, ни на тонкость фонетическихъ опредѣленій. Въ первомъ отношеніи даю столько, сколько успѣлъ замѣтить за три мѣсяца, во второмъ — столько, сколько позволяло мое ухо и моя фонетическая подготовка.

Долженъ замѣтить, что и сважендзскій говоръ, какъ и вообще польскіе говоры, отличается значительнымъ консерватизмомъ въ области фонетики и представляетъ больше матеріала изслѣдователю въ области морфологіи.

Въ настоящее время я издаю лишь обработку матеріала, относящагося къ фонетикѣ. Морфологія сважендзскаго говора, къ которой будетъ присоединено нѣсколько образцовъ говора, готовится къ печати.

Обрабатывая собранный матеріалъ главнымъ образомъ не съ точки зрѣнія фонетика, но съ точки зрѣнія историка языка, я невольно вышелъ изъ первоначально поставленныхъ себѣ рамокъ характеристики одного говора.

Опредѣляя отношеніе сважендзскихъ звуковъ къ общепольскимъ, я не нашелъ въ научной литературѣ готовыхъ формулъ, которыя служили бы исходнымъ пунктомъ въ моихъ историческихъ опредѣленіяхъ. Вырабатывая эти формулы самъ, я невольно увлекся новой задачей: дать соотвѣтствующій современнымъ научнымъ даннымъ обзоръ основныхъ вопросовъ польской фонетики.

Сознаюсь, — рамки вышли шире картины, въ нихъ вставленной. Но если сдѣланный обзоръ дѣйствительно, какъ мнѣ казалось, заполняетъ нѣкоторый пробѣлъ въ научной литературѣ, то меня, быть можетъ, не упрекнутъ въ отступленіи отъ своей темы.

Далѣе, собравъ матеріалъ для рѣшенія вопросовъ о польскомъ количествѣ, дополняющій сообщенія иныхъ изслѣдователей, — въ объясненіи этого матеріала я перешелъ къ изслѣдованію общаго вопроса о возникновеніи обще-польской долготы.

Вотъ почему, во избѣжаніе несоотвѣтствія названія содержанію работы, я долженъ былъ избрать заглавіе болѣе общее: Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка.

Обѣ части работы тѣсно связаны: въ первой, формулируя вопросы общепольской фонетики, я имѣлъ въ виду результаты изслѣдованія вопроса о польскомъ количествѣ; во второй — я опирался на матеріалъ, сообщенный въ первой.

Естественное влеченіе чувства ведетъ меня къ выполненію симпатичной традиціи, установившейся въ научной литературѣ: при окончаніи перваго, болѣе или менѣе обширнаго, труда вспомнить съ чувствомъ сердечной признательности всѣхъ, чьи уроки, участье, помощь, совѣтъ привели къ началу работы и споспѣшествовали ея окончанію.

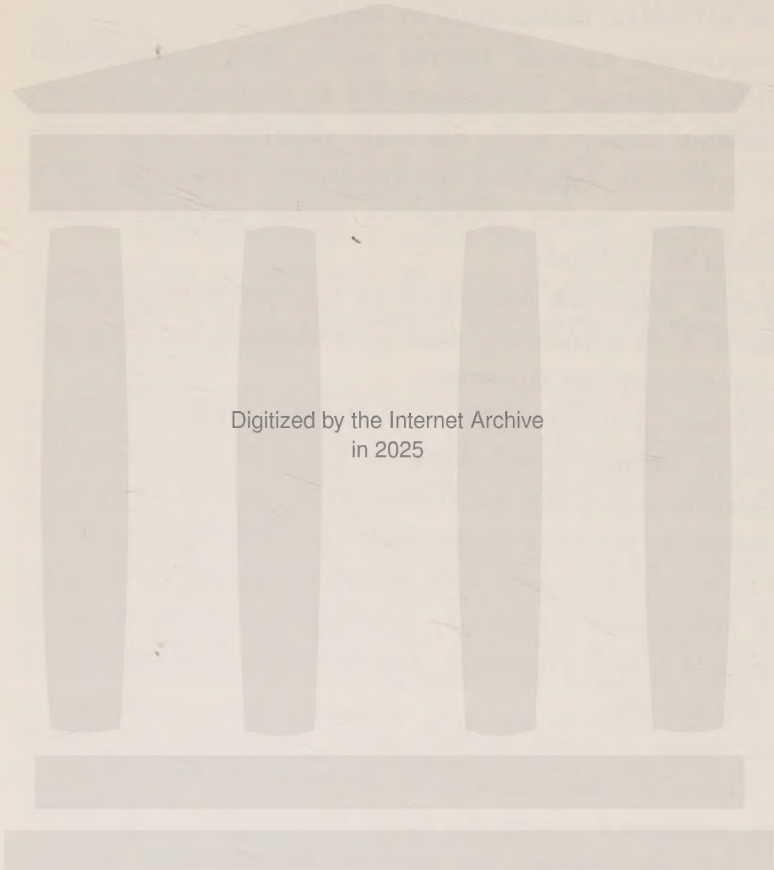
Чувство искренней благодарности долженъ выразить моему учителю А. А. Кочубинскому, подъ руководствомъ котораго протекла вся моя научная подготовка.

Глубокая признательность — Отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ за нравственную и матеріальную поддержку въ теченіи моей научной подготовки, ободрявшую въ работѣ и позволявшую всецѣло отдаться наукѣ, также за честь, оказанную мнѣ напечатаніемъ работы на страницахъ «Сборника» Отдѣленія; особенно благодарю за всегда участливое и доброе отношеніе академиковъ В. И. Ламанскаго и А. А. Шахматова.

Благодарю и моихъ друзей: проф. Бернекера въ Прагѣ, проф. Бѣлича въ Бѣлградѣ и Н. В. Ястребова въ Петербургѣ за совѣты, указанія и помощь въ чтеніи корректуръ; Г. А. Ильинскаго, читавшаго корректуры первыхъ листовъ книги, и всѣхъ, чья помощь такъ или иначе сказалась въ работѣ.

С. Кульбакинъ.

Бѣлградъ 1 марта 1903 г.



Digitized by the Internet Archive
in 2025

https://archive.org/details/sbornik-otdeleniya-russkogo-yazyka-i-slovesnosti_1903_73_4

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

I. Фонетика сваженджскаго говора . . . . . 1—89

Обозначеніе звуковъ сваженджскаго говора . . . . . 1— 4

Отношеніе сваженджскихъ звуковъ къ об.-польскимъ . 4—89

1. Общепольское a . . . . . 4—10

Рефлексы об.-п. a въ говорахъ 4—6. Рефлексы об.-п. a въ Сваженджѣ 6—9. Начальное a 10.

2. Общепольское ě . . . . . 10—15

Рефлексы ě въ польскомъ 10—14. Рефлексы ě въ сваженджскомъ говорѣ 14—15.

3. Общепольскія i, y, u . . . . . 15—21

Долгія и краткія i, y, u въ об.-польскомъ 15—16. Начальныя i, y, u 16 с. Группы ky, gy 16 с. Группы či, ži, ši 16—17. Гласные i, y, u въ сочетаніи съ l въ польскихъ говорахъ, въ частности въ сваженджскомъ 17—21.

4. Общепольскіе носовые . . . . . 21—45

Рефлексы об.-слов. носовыхъ въ польскомъ 21. Исторія вопроса 21—23. Носовые въ полабскомъ 24—26. Носовые въ кашубскомъ 26—27. Оцѣнка взглядовъ 28—31. Количественныя отношенія 32—33. Новыя измѣненія носовыхъ въ польскихъ говорахъ 33—43. Носовые въ сваженджскомъ говорѣ 43—45.

5. Польскіе рефлексы об.-слов. сочетаній or, ol, er, el + согл. . . . . 45—48

Отношеніе польскихъ рефлексовъ къ кашубскимъ 46—47. Количественныя отношенія 48. Сваженджскіе рефлексы сочетаній 48.

стран.

6. Польскіе рефлексы об.-сл. *ъ̂г, ь̂г, ъ̂l̥, ь̂l̥ . . . . . 49—61

Ихъ объясненіе 49—51. Формула Фортунатова и сонантическая теорія 51. Польское -ar и кашубское -ʹar 52—53. Общезап.-слов. формула 54—56. Количественныя отношенія 56—61. Сважендзскіе рефлексы сочетаній 61.

7. Общепольскіе ŏ, ĕ . . . . . 61—67

Начальное о 61—62. Переходъ ʹe въ ʹo 62—63. Вторичное удлиненіе ĕ, ŏ 63—64. Рефлексы ē, ō въ говорахъ 65. Сважендзскіе рефлексы 66—67.

8. Польскіе рефлексы об.-слов. ъ, ь. . . . . 67—79

Эпоха отпаденія и выпаденія ъ, ь 68—69. Условія выпаденія и вокализаціи 69—77. Вторичное удлиненіе рефлексовъ ъ, ь 77. Сочетанія ъ, ь + j 77—78. Сважендзскіе рефлексы 78—79.

9. Польскіе рефлексы об.-слов. согласныхъ . . . . . 79—89

I. Согласные p, b, v, m, n, r, d, t, z, s 79—80. II. ł (велярное) 80—82. III. Согласные k, g, ch 82—82. IV. Согласные въ положеніи предъ j 83. V. Согласные въ положеніи предъ гласными передняго ряда 83—84. VI. Въ положеніи предъ ь 85—87. VII. Об.-слов. čʹ, žʹ, šʹ и ć, dź, ś 87—88. VIII. Согласный j 88. IX. Явленія ассимиляціи 88. X. Частныя явленія сважендзскаго консонантизма 88—89.

II. Условія возникновенія об.-польскихъ долготъ . . . 90—200

1. Исторія вопроса . . . . . 90—103

Паркошъ и Заборовскій 90. Малэцкій 90—91. Бодуэнъ де-К., Ксав. Малиновскій 91. Семеновичъ 91—93. Миклошичъ 94—96. Лось 96. Лескинъ о сербскомъ количествѣ 97—98. Количество въ чешскомъ 98. Въ словинскомъ 99. Показанія болгарскаго 100—101. Лужицкій 102. Польскіе носовые (Лоренцъ) 102—103.

2. Общепольское происхожденіе долготы. . . . . 103—111

Совпаденіе въ показаніяхъ отдѣльныхъ говоровъ въ общихъ категоріяхъ суженныхъ гласныхъ 104—108 и въ отдѣльнымъ словахъ 108—111.

3. Общесловянскіе долгіе гласные предъ старымъ удареніемъ . . . . . 111—119

Носовые 111—112. Долгое a 112. Долгое ĕ 112—113. Сочетанія or, ol, er, el + согл. 113. Сочетанія ъ̂, ь̂ + r, l̥ + согл. 113—114. Отступленія 114—115. Кашубскій 115—

СТРАН.

116. Неясныя акцентуативныя отношенія 116—118. Предударный слогъ въ русскомъ 118—119.

4. Об.-слов. долгіе подъ старымъ удареніемъ . . . . . 119—139

Носовые 119—121. Восходящая долгота въ иныхъ гласныхъ 122—123. Нисходящая долгота 124—125. Кашубскій 126—127. Отступленія 127—133. Неясныя отношенія 133—134. Словацкій языкъ и моравскіе говоры 134—138. Смѣшанные чешско-польскіе говоры 138—139.

5. Долгота во второмъ предъ удареніемъ слогѣ . . . 139—140

6. Долгота въ слогѣ послѣ ударенія . . . . . 140—141

7. Долгота въ конечномъ открытомъ слогѣ . . . . . 141—143

8. Долгота изъ стяженія . . . . . 143—148

Категоріи долгихъ гласныхъ изъ стяженія 143. Формы gen.-dat. s. m. прилагательныхъ на -égo, -ému 143—147. Формы типа znáš—zná. 148. Infinitiva типа váć 148.

9. Первоначально краткіе гласные въ открытомъ слогѣ . . . . . 148—154

Сохраненіе краткости 148—149. Отступленія 149—154.

10. Краткіе гласные въ конечномъ закрытомъ слогѣ. 154—171

Законъ сербскаго удлиненія 154—156. Удлиненіе въ чешско-словацкомъ 156—159. Законъ польскаго удлиненія 159—160. То же—въ кашубскомъ и моравскихъ говорахъ 161. Пониманіе закона 161—163. Формы gen. pl. 163—165. Инфинитивныя формы 165—168. Infinitiva на -nąć 168—170. Причастіе 170. Нарѣчія 170. Форма 3 pl. praes. 171. Луковецкія имена на -yk изъ -ъkъ 171.

11. Краткіе гласные во внутреннихъ закрытыхъ слогахъ . . . . . 172—186

Въ сербскомъ 172. Въ чешскомъ 172—173. Чешскіе долгіе въ закрытыхъ слогахъ. Принципъ мѣны качества долготы 173—177. Словацкій 177. Тотъ же принципъ въ сербскомъ, словинскомъ и болгарскомъ 177—178. Краткіе и сократившіеся долгіе гласные въ закрытомъ слогѣ въ польскомъ 178—182,—при положеніи ударенія за слогомъ съ ъ, ь 182—183. Формы gen. s. уменьшительныхъ типа dąbka въ связи съ f. nom. s. 183—186.

12. Вторичныя именныя, мѣстоименныя, глагольныя и иныя образованія . . . . . 186—205

Вторичныя именныя образованія и гипотеза сокращенія долготы предъ ударяемымъ долгимъ слогомъ 186—

СТРАН.

188. Долгота въ гласномъ суффиксовъ 188—191. Долгій гласный префикса 191—193. Долгота во флексіи 193—195. Мѣстоименныя формы 195—196. Прилагательныя 197—199. Числительныя 199. Нарѣчія 200. Глагольныя формы, кашубскій Verbal-Ablaut 200—205.

13. Къ хронологіи явленій . . . . . 206—210

Результаты 206—208. Замѣчанія о хронологіи явленій 208—210.

Дополненія и исправленія . . . . . 211—216

Къ страницамъ: 5, 9, 11, 15, 19, 20, 43, 45, 48, 63, 68, 74, 79, 83, 85, 88, 97, 98, 99, 111, 141, 154, 156, 164, 169, 171, 178. . . 211—215

Неточности транскрипціи . . . . . 215—216

Опечатки 216

Списокъ сокращеній . . . . . 217—219

Указатель именъ . . . . . 221—222

Указатель говоровъ . . . . . 223—224

Фонетика Сважендзскаго говора.

Для обозначенія звуковъ сважендзскаго говора употребляю слѣдующіе знаки:

1. *Чистые гласные*:

Знакъ a обозначаетъ гласный задняго (нелабіализованнаго) ряда нижній (velar-niedrig, back-low).

Знакъ o — гласный задняго лабіализованнаго ряда (velar-gerundet, back-round), средній (mittel, mid).

Знакъ u — гласный задняго лабіализованнаго ряда верхній (velar-gerundet-hoch, back-round-high).

Знакъ y — гласный средняго нелабіализованнаго ряда верхній (palato-velar-hoch, mixed-high).

Знакъ e — гласный средняго нелабіализованнаго ряда средній (palato-velar-mittel, mixed-mid). Та же буква послѣ смягченныхъ согласныхъ обозначаетъ — гласный передняго нелабіализованнаго ряда средній (palatal-mittel, front mid).

Знакъ i — гласный передняго нелабіализованнаго ряда верхній (palatal-hoch, front-high).

Знакъ ü — гласный передняго лабіализованнаго ряда верхній (palatal-gerundet-hoch, front-round-high).

Ср. Sievers[5], 103. Русскую терминологію заимствую у акад. Фортунатова (Сравн. яз.). Болѣе тонкія различія въ положеніи языка такъ-же, какъ разницу между «открытыми» и «закрытыми» или «узкими» и «широкими» въ смыслѣ «gespannt» и «ungespannt» (narrow и wide) оставляю необозначенными,

такъ какъ не всегда могъ бы съ увѣренностью эти различія установить. Кажется, гласные a, o, u, e являются, обычно, «открытыми» (ungespannt). Нѣкоторыя детали—при описаніи отдѣльныхъ фонетическихъ явленій.

2. *Носовые гласные*:

ǫ — звукъ задняго лабіализованнаго ряда.

ę — средняго нелабіализованнаго ряда, послѣ смягченныхъ согласныхъ — звукъ передняго нелабіализованнаго ряда.

Оба носовые гласные отличаются по отношенію къ соотвѣтствующимъ чистымъ o, e бо́льшимъ подъемомъ языка т. е. стоятъ ближе къ верхнему гласному соотвѣтствующихъ рядовъ: u, i, являются повышенно-средними (raised mid или lowered high).

Спорадически — y̨ — средняго нелабіализованнаго ряда верхній.

Всѣ носовые гласные характеризуются слабой степенью насалированія т. е. образуются при небольшомъ отворѣ въ носовую полость.

3. *Дифтонги*: o̯u̯, u̯u̯, ü̯u̯, въ которыхъ первую слоговую часть представляютъ гласные o, u, ü, вторую неслоговую — неслоговое u (нисходящіе дифтонги); дифтонги u̯o, u̯e, u̯y, наоборотъ, въ первой части содержатъ неслоговое u, во второй слоговые o, e, y (восходящіе дифтонги).

Что касается дифтонгическихъ сочетаній a̯i̯, e̯i̯, i̯i̯, y̯i̯, o̯i̯, u̯i̯, то долженъ оговориться, что не въ состояніи былъ строго отличить вообще i̯ отъ j и потому не могу съ увѣренностью говорить о нихъ; пишу вездѣ j.

4. *Согласные:* a) *сонорные:* α) *плавные:* r обозначаетъ альвеолярное r («alveolares gerolltes Zungenspitzen — r»)

l — палатальное l.

ł — задненебное l (velares); артикуляція его характеризуется слѣдующими моментами: 1) отсутствіе зубного затвора, какой мы наблюдаемъ, напр., при произношеніи русскаго твердаго л; конецъ языка лежитъ низко, языкъ оттягивается назадъ; 2) су-

женіе образуется задней частью языка противъ мягкаго нёба; 3) закругленіе губъ, нѣсколько меньшее, чѣмъ при гласномъ u.

β) *Носовые:*

Губной m.

Зубной n; замѣчу, что по отношенію къ главному объекту моихъ наблюденій, крестьянкѣ Михалинѣ Скржипчакъ, могу установить альвеолярный варіантъ зубного n (alveolares), по крайней мѣрѣ въ положеніи не предъ зубнымъ t, d: конецъ языка подымается къ альвеоламъ верхнихъ зубовъ, не касаясь этихъ послѣднихъ, тогда какъ при t, d онъ находится у верхнихъ зубовъ (ср. Sievers[5] 61 c.).

Задненёбное (velares) ŋ.

Палатальное ń.

Палатализованное m̀.

b) *Мгновенные:*

Губные — глухой p и звонкій b.

ṕ, b́ обозначаютъ палатализованный губной взрывъ.

Зубные: глухой t и звонкій d.

Задненёбные — глухой k и звонкій g (передніе задненёбные — vordere velare k^1, g^1).

Палатальные средненёбные ḱ, ǵ.

c) *Фрикативные:* глухой задненёбный ch; звонкій средненёбный фрикативный j. Губнозубные: звонкій v и глухой f; мульированный звонкій v̓.

Съ точностью установить границу между губно-зубными и губно-губными артикуляціями v вообще трудно; но мнѣ казалось, что свежендзское v относится къ области губно-зубныхъ артикуляцій; отъ u̯ оно рѣзко отличается даже акустически.

Нёбно-зубные: глухой s и звонкій z, повидимому, слѣдуетъ ближе опредѣлять, какъ альвеолярные.

Такъ же опредѣляетъ s, z литературнаго выговора западной Галиціи проф. Розвадовскій (Mater. i prace. I 1, 111 c.).

Палатальные нёбнозубные ś, ź.

Нёбнозубные: глухой š и звонкій ž.

Точнымъ опредѣленіемъ ихъ затрудняюсь; ср. вообще объ этихъ звукахъ у Sievers'а[5] 131 с. Проф. Розвадовскій опредѣляетъ ихъ, какъ «predorzalno — alveolarne»; во всякомъ случаѣ š, ž въ сравненіи съ s, z—звуки болѣе задніе и образуются бо́льшимъ подъемомъ языка, чѣмъ s, z.

d) *Нёбнозубные аффрикаты:*

Глухой c и звонкій $\widehat{dz}$ представляютъ слитное сочетаніе мгновенной t, d и фрикативной s, z.

Глухой ć и звонкій $\widehat{dź}$ — слитное сочетаніе мгновенной смягченной t́, d́ и фрикативной ś, ź.

Глухой č — слитное сочетаніе мгновенной t и фрикативной š; въ сравненіи съ c характеризуется тѣмъ же, чѣмъ š въ сравненіи съ s.

5. *Количество.* Различія между долгими и краткими гласными нѣтъ, какъ и въ большинствѣ другихъ польскихъ говоровъ.

6. *Удареніе* — обычно на предпослѣднемъ слогѣ.

ОТНОШЕНІЕ СВАЖЕНДЗСКИХЪ ЗВУКОВЪ КЪ ОБЩЕПОЛЬСКИМЪ.

1. Общепольское a.

Гласный a, первоначально долгій, какъ можно думать въ виду показаній сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, былъ полученъ польскимъ языкомъ изъ общесловянскаго по крайней мѣрѣ отчасти долгимъ, такъ какъ условія сокращенія его въ польскомъ не всегда совпадаютъ съ условіями сокращенія въ другихъ словянскихъ языкахъ,—отчасти же, быть можетъ, и краткимъ (напр. въ открытомъ концѣ слова ср. II ч. изслѣдованія). Долгое a затѣмъ сокращалось или сохранялось въ зависимости отъ положенія главнаго ударенія въ словѣ, но независимо отъ закрытости или открытости слога и качества слѣдующаго согласнаго.

Позже краткое об.-п. a, оказавшись въ закрытомъ конечномъ слогѣ въ виду отпаденія конечнаго полугласнаго, получало удли-

неніе, если слогъ оканчивался однимъ изъ звонкихъ или сонорныхъ (плавныхъ и носовыхъ) согласныхъ; такое же вторичное удлиненіе произошло во внутреннихъ закрытыхъ слогахъ.

Наконецъ, къ той же — общепольской эпохѣ относится возникновеніе долгаго a изъ стяженія двухъ гласныхъ.

Данныя памятниковъ и историческія свидѣтельства дѣлаютъ вѣроятной мысль, что долгое a, какъ и другіе долгіе гласные, существовало еще въ XIV вѣкѣ, и что долгота была соединена въ немъ съ измѣненіемъ артикуляціи въ направленіи къ гласному o.

Двойное написаніе aa съ одной стороны, o вм. ā съ другой — уже въ лат. грамотахъ XIII вѣка; ср. выводы г. Лося въ статьѣ «O samogłoskach długich w języku polskim przed wiekiem XVI» (Prace Fil. 1887, II 1, c. 119—143).

Съ теченіемъ времени долгота исчезла и осталась лишь вторая характерная черта, — тотъ характеръ артикуляціи, который въ современныхъ народныхъ говорахъ польскихъ отличаетъ рефлексъ o.-п. долгаго a, — такъ называемое á ścieśnione или pochylone, — отъ обыкновеннаго a, какъ рефлекса o.-п. a краткаго. Впрочемъ, въ бжезиньскомъ говорѣ á является долгимъ см. Rozpr. VIII, 186 c.

«Наклоненное» a (pochylone), какъ видно изъ существующихъ діалектологическихъ работъ, является общей чертой народныхъ польскихъ говоровъ на всей территоріи польскаго языка.

Характеръ артикуляціи этого звука не во всѣхъ говорахъ одинаковъ; въ однихъ á совпало съ рефлексомъ o.-п. ǒ т. е. является въ видѣ o; въ другихъ говорахъ, повидимому, является звукомъ, отличнымъ отъ o, хотя изслѣдователи не даютъ точнаго опредѣленія этого звука. При этомъ судьба á въ положеніи предъ носовыми согласными m, n, обычно, нѣсколько иная, чѣмъ въ иныхъ сочетаніяхъ: въ нѣкоторыхъ говорахъ, вообще сохраняющихъ особую артикуляцію á, отличную отъ артикуляціи гласнаго o, — въ положеніи предъ m, n вмѣсто á является o; въ иныхъ говорахъ, гдѣ обычно á совпадаетъ съ o, предъ m, n оно является въ видѣ «ó» (u).

Въ группѣ говоровъ, условно выдѣленныхъ проф. Флоринскимъ подъ именемъ малопольскихъ, находимъ á, какъ звукъ, отличный отъ o, въ говорѣ зебжидовскомъ («á pośredniczy między a i o, więcej się jednak zbliża brzmieniem do ostatniego» Rozpr. IX, 155 с.), бжезиньскомъ Rozpr. VIII, 189; опочиньскомъ Rozpr. XI, 152 с. и лясовскомъ Rozpr. VIII, 81 с. Въ послѣднихъ двухъ предъ m, n (въ опочиньскомъ и предъ l, ŕ) á является въ видѣ o. Въ Славковѣ Zbiór X, 211 и ропчицкомъ повѣтѣ Zbiór XIV, 32 с. на мѣстѣ o.-п. долгаго a вообще является o. Изъ силезскихъ говоровъ: въ оппельнскомъ «á nähert sich dem o.... vor nasalcons. wird á zu o oder gar zu ó» (L. Malinowski «Ueber d. oppeln. Mund.» 6 с.); въ ляскомъ á = o, предъ m, n = ó Rozpr. XII, 18 с. Изъ малоизученныхъ мазурскихъ говоровъ въ д. Луковцѣ на мѣстѣ á—o; въ повѣтѣ прашницкомъ o, предъ m, n—ó. Spraw. V, 72—126. Въ Закопанахъ (горальскій) «á ma brzmienie średnie między a i o, często bardzo bliskie o, a nieraz niczym się nie różni od samogłoski o» Rozpr. X, 171 с.

Общія указанія относительно произношенія рефлекса o.-п. долгаго a въ говорахъ герцогства познанскаго дастъ Kolberg (Zbiór I, 1—36 сс.): въ восточныхъ и сѣверныхъ уѣздахъ á болѣе наклонно къ o, — въ Полукахъ и Крайнѣ = o; на югѣ эта наклонность меньше, подъ Равичемъ и Кротошиномъ á = ай: kaĭzać, żaĭden; въ говорѣ Wschowska á = o и oĭ: mosz и moŭsz, gospodoŭrz. Относительно говоровъ прилегающихъ къ познанской области уѣздовъ рыпиньскаго и липновскаго плоцкой губерніи A. Petrow (Zbiór II) свидѣтельствуетъ: á выговаривается какъ o, иногда какъ u: pon — pun.

Въ говорѣ Miejskiej Górki (Rozpr. IX, 115) á = o^{n}, предъ m, n — u.

Въ сважендзскомъ говорѣ рефлексомъ o.-п. ă является a, рефлексомъ же o.-п. ā: o, u, o̯u̯.

O изъ o.-п. ā слышится въ Сважендзѣ, обычно, внутри слова (независимо отъ открытости или закрытости слога) и въ конечномъ закрытомъ слогѣ предъ согласнымъ неносовымъ; предъ носовыми m, n является u; o̯u̯ слышится, обычно, въ конечномъ открытомъ слогѣ, за исключеніемъ формы личнаго мѣстоименія jo (= ja), нарѣчій tero, zaro, d͡ziśo и предлога dlo (въ тѣсномъ сочетаніи со слѣдующимъ словомъ); далѣе въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ закрытомъ конечномъ слогѣ: предъ спирантами ć, š, č и сложнымъ šč; къ послѣдней категоріи случаевъ относятся, главнымъ образомъ, примѣры ā, получившагося изъ стяженія

гласныхъ: 2 л. ед. ч. наст. вр. глаголовъ типа znam, čytam — znoųš, čytoųš и формы неопред. наклоненія, какъ śoųć, loųć, gžoųć. Однако при choćoš (= chociaž), skotoš (= skotarz), gospodoš, rogoč и т. п. отъ того же лица слышалъ я: skotoųš, gospodoųš, rogoųč и даже внутри слова предъ спирантами ć, ch: poųćiš (= pacierz), poųchńe (= pachnie) 3 л. ед. ч. наст. вр. — при poćiš, pochńe. Съ другой стороны, формы 2 л. мн. ч. наст. вр. znoće, čytoće, а при обычныхъ loųć, śoųć можно иногда слышать loć, śoć. Въ виду такихъ фактовъ опредѣлить первоначальныя отношенія трудно, тѣмъ болѣе, что относительно другихъ великопольскихъ говоровъ, за исключеніемъ говора Мѣйской Гурки, обстоятельныхъ свѣдѣній нѣтъ. Указанія Кольберга слишкомъ общи. Поэтому воздерживаюсь отъ гаданій.

Примѣры a изъ о.-п. ă въ сважендзскомъ говорѣ: baba, čapla, čaša, jama, kaša, rana, skała, sława, žaba; masło, pasmo, sadło, stado; g. s. brata, časa, gadu, gradu, kraju, płaču, raka, raju, swata; n. s. brat, čas, płač, rak, svat.

Примѣры o, u, oų изъ о.-п. ā въ сважендзскомъ говорѣ въ большинствѣ случаевъ тѣ же, что и въ другихъ говорахъ польскаго языка, которые до сихъ поръ были описаны; діалектическія отклоненія очень незначительны, какъ относительно рефлексовъ ā, такъ и относительно рефлексовъ другихъ долгихъ гласныхъ, и это позволяетъ говорить объ условіяхъ возникновенія долготъ въ общепольскомъ языкѣ.

Рефлексы о.-п. ā находимъ въ сважендзскомъ говорѣ въ слѣдующихъ случаяхъ:

Въ именныхъ образованіяхъ:

Въ *коренномъ гласномъ* первичныхъ именныхъ образованій, съ проведеніемъ рефлекса ā во всѣхъ падежахъ: płošč — g. s. płošča; chvoła, trova, poť—pova; въ существительномъ сложномъ, съ префиксомъ: pšyjoćel (= przyjaciel). Въ коренномъ гласномъ въ формѣ им. п. въ виду отпаденія конечнаго полугласнаго: goj—g. s. gaju; grot — g. s. gradu (grando); kroj — g. s. kraju; sot—

g. s. sadu; ros — g. s. razu; vor — g. s. vara; pun — g. s. pana; Jun — g. s. Jana (имя собственное); сюда же относятся формы им. п. ж. р. именъ темы — i: twoš — g. s. tważy, kloč — g. s. klačy; несклоняемая форма прилагательнаго неопредѣленнаго им. п. м. р.: rod — ж. р. — rada.

Въ коренномъ гласномъ именныхъ образованій съ суффиксомъ: provda (=*pravьda), zdrojca (=*zdradьca), roćca (=radьca), vopno (=*varьno); storek (лит.-п. starek), storka, storušek; сюда же относится краткая форма прилагательнаго (п. s. n.), получившая значеніе нарѣчія: dovno (=*davьno) и мѣстоименныя образованія въ функціи прилагательныхъ: žodnyj, koždyj.

Въ гласномъ суффиксовъ: a) суфф.—ak: žebrok, robok, polok, ptok, rybok, łajdok, bijok, ćelok, d͡žećok, kurčok, pśok; b) суффиксъ — ar-: likoš, gospodoš, kozloš, skotoš; c) суффиксъ — ač-: rogoč, groč, bogoč; d) суфф. — al-: kovol.

Рефлексъ ā — o остается при этомъ и въ косвенныхъ падежахъ: žebroka, roboka, likoža, rogoča, kovola и т. п.

Суффиксъ — ak — въ той же формѣ является въ именахъ фамильныхъ: Novok, Kośćelńok, Šymkovok, и отсюда имена фамильныя женскія: Novočka, Šymkovočka, Kośćelńočka и т. п.

Во флексіи: въ формѣ им. п. ед. ч. именъ ж. р. темы — ja: zḿijoų, doloų, ṕečoų, vežoų, bužoų, voloų, roloų, kuchńoų, ṕešńoų, šyjoų, mšoų, sukńoų, sušoų, višńoų, grobloų, braćoų; сюда же — слова заимствованныя на — ija: familijoų, kolacyjoų, parachvijoų, имена собственныя: Maryjoų, Zofijoų, Francyjoų, Turcyjoų. Отмѣчу, что исключеніемъ является — źeḿa и что при roloų можно слышать также rola.

То же въ формѣ g. s. именъ средняго рода: młuceńoų, śečeńoų, vybrańoų, pokoleńoų, umarćoų: čas do umarćoų.

Въ им. п. ед. ч. ж. р. прилагательныхъ полной формы: młodoų, głuṕoų, dobroų и т. п.

Въ глагольныхъ формахъ:

Формы *неопредѣленнаго наклоненія* съ о.-п. ā, получившимся изъ стяженія: gžoų́ć, śḿoų́ć śe, boų́ć śe, loų́ć, chvoų́ć, d͡žoų́ć.

Формы неопредѣленнаго наклоненія съ о.-п. ā не изъ стяженія: posać (=пасти), sod͡źić, polić (ср. отглагольное существительное poleńe), chvolić, skokać, godać, kozać, zakozać, stovać, fstovać, pšestovać, znojść, sprošać, zgroƀać, rozmovać, pšeguńać, ǫobočyć, vsodzać, pumogać, skłodać, upodać (ср. dać, spać, gaćić съ рефлексомъ ă); въ 3 л. ед. ч. наст. вр. poǫchńe (figa poǫchńe); въ 3 л. мн. ч.: vynojdom.

Въ формахъ *настоящаго времени* глаголовъ III класса (съ основой на — a) за исключеніемъ 3 л. мн. ч.: znum, znoǫš, znoǫ, znumy, znoće; godum, godoǫš, godoǫ, godumy, godoće. Сюда же относятся глаголы V класса dam, mam: dum, doǫš и т. д., mum, moǫš и т. д.

Въ формахъ причастія м. р. прош. времени на —ł тѣхъ же глаголовъ: čytoǫ, broǫ, ṕisoǫ, kozoǫ, doǫ; но формы ж. р.: čytała, brała, ṕisała и т. д. Это о изъ ā сохраняется и въ формахъ прошедшаго сложнаго: brołem, čytołem, ṕisołem и. т. п.

Въ гласномъ префикса сложныхъ словъ: въ особую группу должны быть выдѣлены случаи, когда рефлексъ о.-п. ā находимъ въ гласномъ префикса сложныхъ словъ, будь это существительное, прилагательное или глаголъ:

Префиксъ na: norut (=narod), nożend͡źe (=nażędzie); noboženstvo, но: načyńe.

Префиксъ za: zokun, zoduch, zopołki, zoćerka, zosuńka, zobočyć, zovistny.

Въ формахъ личнаго мѣстоименія: jo (= ego); nos, vos = nas, vas; num, vum = nam, vam.

Въ числительныхъ: dvanośće, tšynośće, čtyrnośće и т. д. до dźevętnośće, что сохраняется и въ порядковыхъ: dvanostyj и т. д.

Въ формахъ превосходной степени: nojlepšyj, nobažej, novencej и т. п.

Въ нарѣчіяхъ tero, zaro (также teros), d͡źišo, choćoš.

Въ предлогѣ: dlo mńe, dlo ńego.

Заимствованныя слова, въ которыхъ литературному польскому a соотвѣтствуетъ o въ свежендзскомъ говорѣ (также и въ другихъ польскихъ го-

ворахъ), должны быть выдѣлены въ особую группу, такъ какъ иногда, быть можетъ, стоятъ внѣ связи съ о.-п. ā: мы не можемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлить съ точностью, какъ эпоху заимствованія, такъ и діалектъ изъ котораго они заимствованы; таковы сважендзскіе: gvołt (Gewalt), kworta (Quarte), plostyr (Pflaster), špitol (Spital), korole (Koralle), fołšyvy (falsch), fołda, tuńec (Tanz), tuńčyć (tanzen), bol (Ball), pora (Paar), voga (Wage); отъ нѣмецкаго колониста въ познанской области слышалъ я: bol (Ball), pō̆ur (Paar), vok (Wage)....

Начальное a (послѣ паузы) произносится, обычно, безъ придыхательнаго элемента: напр. союзы: a, ale (=sed), albo, также иностранныя слова: angryst, alkeš. Отъ союза ale=sed нужно отличать утвердительное: chale=да, отношеніе котораго къ первому союзу для меня неясно.

Устанавливая отсутствіе придыханія при начальномъ a (der gehauchte Einsatz), я не опредѣляю, произносится ли оно со вступительной гортанной экспозіей (экспозіей голосовыхъ связокъ — der feste Einsatz) или безъ нея (der leise Einsatz).

2. Общепольское ě.

Польскій языкъ получилъ изъ общесловянскаго звукъ, въ которомъ совпали рефлексы индо-европ. ē и дифтонговъ oi̯, ai̯. Звукъ этотъ *условно* обозначаю знакомъ ě.

Весьма возможно, что звукъ этотъ представлялъ дифтонгическое сочетаніе i͡e, какъ думаютъ ак. Фортунатовъ и ак. Шахматовъ въ виду малор. *міра* изъ **миера*, словацкаго miera и чешскаго míra (изъ чешско-словацкаго *mi͡era), лужицкаго mi͡era (пишется mèra) и сербохорватскаго si͡eno, — въ нѣкоторыхъ говорахъ sijeno Изв. VI 4, 269 с. Иначе ак. Соболевскій: данныхъ, доказывающихъ, что ě было въ об.-слов. дифтонгомъ, нѣтъ; ничто не говоритъ о глубокой древности сербскаго дифтонга, и малорусскіе говоры, развившіе дифтонги изъ новаго ē, очевидно, могли развить ихъ и изъ совпавшаго съ ē древняго ě. Ж. М. Н. Пр. 292 т., 427—428 с. Относительно лужицкаго ě замѣчу, что въ настоящее время произношеніе его врядъ ли можетъ быть опредѣлено, какъ дифтонгическое; д-ръ Мука опредѣленно говоритъ что ě—«kein Diphtong, sondern ein einfacher Vocal». Hist. und vergl. Laut— und Formenl. 20 с. По опредѣленію проф. Флоринскаго — «i произносимое съ окраской краткаго e, какъ бы i°» Лекціи II, 603 с. На мой слухъ, ни въ верхне-лужицкомъ (напр. въ будышинскомъ говорѣ), ни въ н.-лужицкомъ (напр. въ Шпревальдѣ), не слышно дифтонга.

На польской почвѣ звукъ этотъ, какъ можно полагать въ виду его перехода предъ извѣстными согласными (t, d, r, n, ł, s, z)

въ ′а, являлся въ видѣ е широкаго съ предшествовавшею мягкостью — ′ä (проф. Брандтъ «Кр. фон. и морф. п. яз.» 5 с.; акад. Шахматовъ Изв. VI 4, 275 с.), по крайней мѣрѣ предъ указанными согласными.

Прекрасную параллель представляетъ въ данномъ случаѣ старо-словянское ѣ, вѣроятно, также произносившееся, какъ ′ä ср. д-ръ Oblak Arch. XVII, 161 с., ак. Шахматовъ Изв. VI 4, 275 с.

д-ръ Lorenz принимаетъ для польскаго *jä, какъ рефлексъ об.-сл. *ě — въ виду того, что при «диспалатализированіи» его (Entpalatalisirung) все же наблюдается смягченіе предшествующей согласной, тогда какъ при такомъ же процессѣ въ гласномъ ь сочетанія ьг этого смягченія нѣтъ: «das erklärt sich daraus, dass das ursl. ě, wie das Čechische und Slovakische zeigen, schon in gemeinsam westslavischer Zeit in einen Doppellaut, etwa jä, übergegangen ist, während das ь Monophtong blieb.» Arch. XXIV 20 с. Но процессъ измѣненія: wiedę въ wiode д-ръ Лоренцъ обозначаетъ тѣмъ же терминомъ «Entpalatalisirung» ibid. 11 с., мягкость предшествующей согласной видимъ и здѣсь: слѣдуетъ ли отсюда, что и об.-сл. *е являлось въ польск. въ видѣ дифтонга *je?....

По мнѣнію ак. Шахматова, въ об.-п. * ′ä совпали два звука: * об.-сл. ѣ и * об.-сл. ä, «возникшее путемъ грамматической аналогіи, вліяніемъ однихъ звуковъ на другіе»; такое * ä видитъ ак. Шахматовъ въ польскомъ суффиксѣ — ′an: rumianу—изъ об.-сл. *rumänyj Изв. VI 4, 282 с.

Но об.-сл. *rumänyj, кажется, не достаточно твердо обосновано. Старословянскій и чешскій, какъ и польскій, не даютъ никакихъ указаній на *—än-, а русское *румяный* и лужицкое sukŋany удобно объясняются вліяніемъ -an, являвшагося послѣ смягченныхъ согласныхъ; ак. Шахматовъ отвергаетъ это объясненіе «въ виду того, что большинство славянскихъ языковъ представляетъ обратное вытѣсненіе -an черезъ -en». Но вліянія аналогіи не всегда принимаютъ одно и то же направленіе въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ: ср. распространеніе -m въ 1 л. ед. ч. наст. вр. изъ V класса глаголовъ на другіе классы въ различныхъ словянскихъ языкахъ и наоборотъ: исчезновеніе этого -m въ нѣкоторыхъ глаголахъ V класса — въ русскомъ языкѣ. Остается сербское и словинское -en; достаточно ли ихъ для обоснованія об.-сл. *-än?

Измѣненіе об.-п. ě (*′ä) въ ′а предъ извѣстными согласными относится къ доисторической эпохѣ въ жизни польскаго языка: то же измѣненіе находимъ въ кашубскомъ и полабскомъ, хотя въ послѣднемъ не можемъ съ точностью опредѣлить гласный, обозначаемый въ такихъ случаяхъ то буквой o, то буквой a; а діалектически и въ лужицкомъ языкѣ: въ вымершемъ жоравскомъ (Sorau) и полувымершемъ губинскомъ (Guben) говорахъ ср.

Mucke Hist. und vergl. Laut— und F... 63 с. Повидимому, явленіе это было діалектическимъ въ эпоху единства западно-словянскихъ языковъ.

Въ виду такой глубокой древности указаннаго звукоизмѣненія весьма вѣроятной является мысль Малэцкаго (Gramm. hist.-poróvn. I, 135—137), что ь внутри словъ въ открытомъ слогѣ еще не выпадалъ въ эпоху, когда это звукоизмѣненіе имѣло мѣсто, т. е. въ эту эпоху еще сохранялось *vĕrьnyj (*v́ărьnyj), хотя логически это ненеобходимо: ь могло выпасть, но ŕ оставаться мягкимъ въ эпоху *ắ>ắ; позже ŕ отвердѣвало, такъ какъ мягкость его ничѣмъ не поддерживалась, тогда какъ въ случаяхъ вродѣ *v́ăŕitь мягкость эта сохранялась и ŕ позже измѣнялось въ ř.

Въ современныхъ польскихъ говорахъ находимъ четыре рефлекса общепольскаго ĕ: въ положеніи предъ зубными d, t, n, плавными r, ł и твердыми спирантами s, z является ́a или ́á т. е. «наклоненное» a съ предшествующей мягкостью, которое сохраняется, какъ особый звукъ, въ говорахъ, вообще имѣющихъ особый звукъ á изъ об.-п. ā, или звучитъ, какъ o, o̯u̯ въ говорахъ, гдѣ об.-п. ā является въ видѣ o или o̯u̯. Во всѣхъ иныхъ положеніяхъ изъ об.-п. ĕ (*ắ) находимъ ́e или ́é т. е. наклоненное e съ предшествующей мягкостью (или безъ нея послѣ отвердѣвшихъ спирантовъ); въ нѣкоторыхъ говорахъ это é изъ ĕ, какъ и é другого происхожденія, совпадаетъ съ i (y) ср. ниже, въ главѣ объ e. Къ числу послѣднихъ относится и сваженздскій говоръ.

проф. Флоринскій отмѣчаетъ еще одинъ рефлексъ об.-п. ĕ: «въ лясовскомъ говорѣ (близъ Сандомира) вм. общепольскаго a (изъ ĕ) слышится иногда (передъ m, n) нѣмецкое ä (e широкое, близкое къ a): śäno, v́äno» Лекціи II, 416 с. Но было бы ошибочно считать это ä самостоятельнымъ рефлексомъ об.-п. ĕ: въ лясовскомъ говорѣ всякое открытое a предъ m, n измѣняется въ a° Arch. V, 634 с.; авторъ діалектологическаго изслѣдованія о лясовскомъ говорѣ, г. Матусякъ пишетъ: noga°ma, rêka°ma, ta°nten = tamten, v ja°max, pi̯a°ny, s pa°nem и т. д. и, естественно, также: ze śća°ny (Arch. 636, 639, 641, 646, 647 с.).

Полную аналогію польскимъ рефлексамъ об.-сл. ĕ: ́a, ́á, ́e, ́é представляетъ кашубскій языкъ: въ соотвѣтствіи польскимъ ́a, ́á въ кашубскомъ—́a и ́ô (гласный долгій, являющійся и на мѣстѣ

об.-сл. ā); въ соотвѣтствіи польскимъ ′e и ′é въ кашубскомъ — ′ö (e) и ē (гласный долгій).

Въ древнепольскихъ памятникахъ гласному ′á (′o, ′o̧) современныхъ говоровъ соотвѣтствуетъ aa: dzaal = pars, biaal = albus: современному ′é соотвѣтствуетъ ee: chleeb, byeeg (см. Семеновичъ «Über die Quant.» 17, 23 сс.), т. е. древнепольскій, повидимому, зналъ въ этихъ случаяхъ ′ā и ′ē; современнымъ ′a, ′e соотвѣтствуетъ одинарное написаніе гласной. Какъ мы увидимъ во второй части изслѣдованія, долгота въ такихъ случаяхъ является или въ виду извѣстнаго положенія первоначальнаго ударенія въ словѣ или же въ закрытомъ слогѣ при такомъ положеніи первоначальнаго ударенія, при которомъ въ открытомъ слогѣ является ′a, ′e т. е. краткость.

Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ мы могли бы слѣдующимъ образомъ формулировать судьбу об.-слов. ĕ въ польскомъ языкѣ: об.-сл. ĕ, — гласный исконно-долгій (какъ можно думать въ виду его происхожденія изъ ē и дифтонговъ) являлся и въ польскомъ долгимъ по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ положеніяхъ, — въ другихъ быть можетъ — краткимъ. Въ виду дифференціаціи его — ′a — ′e получилось изъ одного рефлекса ĕ — *′ä — четыре: ′ă, ′ā, ′ĕ, ′ē. Долгота ′ā и ′ē при извѣстныхъ акцентуативныхъ условіяхъ сохранялась и далѣе, при другихъ сокращалась на почвѣ польско-кашубской. Рефлексъ ′ā имѣлъ далѣе ту же судьбу, что и ā изъ об.-п. и об.-сл. ā. Рефлексъ ′ē, подобно ā, съ долготой связывалъ, вѣроятно, извѣстное измѣненіе качества — въ направленіи къ гласной i, затѣмъ съ потерей долготы уже въ историческую эпоху удержалъ качественное отличіе отъ ′ĕ и является въ современныхъ говорахъ въ видѣ ′é (é) или i (y).

Обычно эти é и i (y) кратки, такъ какъ польскій языкъ вообще потерялъ различіе между краткими и долгими гласными. Необходимо однако отмѣтить, что, по свидѣтельству г. Zawilińsk'аго, въ бржезиньскомъ говорѣ (малопольскомъ) é, какъ и á, является долгимъ: наклоненные гласные — «łatwo odróżnić od podobnie brzmiących otwartych przez pewnego rodzaju przycisk wywołujący ich przedłużenie.... Np. zágadka potrzebuje w pierwszéj swéj części zá — niemal tyle czasu do wymówienia, ile go starczy na wymówienie drugiej części — gadka». Rozpr. VIII, 186 c.

Краткія ′a и ′e въ открытомъ слогѣ оставались краткими, откуда и въ современныхъ польскихъ говорахъ ′a, ′e (въ кашубскомъ тоже —′a, ′ö — e).

Въ конечномъ закрытомъ слогѣ предъ согласными звонкими и въ закрытомъ внутреннемъ слогѣ, ′a и ′e получали вторичное удлиненіе и являлись въ видѣ ′ā ′ē, откуда затѣмъ ′á ′é (′o, ′o̯u̯, i, y). Удлиненіе это имѣло мѣсто позже, нежели дифференціація ′ā ′ē въ зависимости отъ извѣстнаго положенія ударенія въ словѣ, но также, повидимому, въ эпоху общей жизни кашубскаго и польскаго языковъ.

При хронологическомъ опредѣленіи указанныхъ явленій я оставлялъ въ сторонѣ полабскій языкъ, такъ какъ при современномъ состояніи свѣдѣній о немъ нѣтъ возможности съ увѣренностью сказать, были ли ему извѣстны эти явленія. Матеріалъ, какой находимъ, напр., у Шлейхера въ его грамматикѣ полабскаго языка не приводитъ ни къ какимъ твердымъ выводамъ въ вопросахъ о долготѣ.

Примѣры рефлексовъ об.-п. ě въ Сважендзскомъ говорѣ:

a) ′a: stšała, śćana, ḿara, v́ara, śara, lato, ḿasto, śano, ćasto, ćaƚo, v́atr—v́atra, kv́at—kv́atu, las—lasu, śv́at—śv́atu, blask—blasku, kolano, śḿaƚyj, opov́adac.

b) ′o: ǵv́ozda, gńozdo, d͡ź́oƚo, d͡ź́ot — d͡ź́ada, ślot—ślodu, polono, pojost—pojazda, sumśot—sumśada, u̯oβ́ot—u̯oβ́adu, βoƚyj, ṕosek—ṕosku, klotka, coƚki, žotko (= rzadko).

Въ причастіяхъ прош. вр. на — ł глаголовъ съ темой неопредѣленнаго наклоненія на — ě: v́id͡ź́ou̯, v́id͡ź́oƚem, śed͡ź́ou̯, śed͡ź́oƚem и т. п.

c) ′e: žepa (= rzepa), śeḿe, gńeva g. s., chleba g. s., ḿed͡ź́i g. s., śńegu g. s., v́ek — v́eku, ḿechy, ź́vežu g. s., chleva g. s., pov́eka, ḿešunc, d͡ź́evucha, d͡ź́evuška.

Прилагательныя: v́ernyj, levyj, leńivyj, ṕešyj, ślepyj, ḿed͡ź́anyj.

Инфинитивныя формы: jeść; ḿeć, ć́ešyć, v́ed͡ź́eć, uḿeć; ḿežyć, d͡ź́elić, śed͡ź́eć, u̯oβ́ecać.

d) i (y): žyka, śv́ica, βida, cyna, licha, gžych — gžychu, śḿich—śḿichu, stšycha, pliśńe, gńif n. s., chlip n. s., ḿić n. s., śńik n. s., ź́viš n. s., chlif n. s., śić—śići, śif—śivu, kv́iće, likoš, d͡ź́ivče.

Прилагательныя: śv̓ižyj, śm̓išnyj, ćimnyj.

Въ инфинитивныхъ формахъ: stšylać, gžyšyć, gn̓ivać śc, śp̓ivać, živać, źm̓iń̓ić, ličyć.

Въ формахъ настоящаго времени глаголовъ viem и jem: v̓im, v̓iš, v̓i, v̓imy, v̓iće (но: 3 pl. v̓edzom); jim, jiš, ji, jimy, jiće (но: 3 pl. jedzom).

Изъ приведенныхъ примѣровъ два: supa и b̓ida отклоняются отъ правила о переходѣ рефлекса об.-п. *ě въ ′a предъ твердыми зубными. проф. Брандтъ объясняетъ лит.-польское bieda (при biada) вліяніемъ biedny, а лит.-пол. sepa тѣмъ, что—«звукъ s... отвердѣлъ раньше перехода ѣ въ ia, а условіемъ такого расширенія, кромѣ твердости слѣдующаго согласнаго, повидимому, нужно считать еще и мягкость предшествующаго» Кр. фон. и морф. п. яз. 5 с. или, какъ выражается проф. Флоринскій, «sepa имѣетъ s, вѣроятно, потому, что с неспособно къ смягченію» Лекціи II, 416 с. Однако, находимъ переходъ *ě въ ′a въ словахъ: cały, całować, całkiem: sepa могло возникнуть подъ вліяніемъ sepić.

Новое объясненіе предлагаетъ Dr. Lorentz Arch. XXIV, 26 с.: ě изъ и.-евр. *ē, болѣе открытое, всюду измѣнялось въ ′a, ě изъ индо-евр. oi, ai было болѣе закрытымъ звукомъ и подвергалось тому же измѣненію лишь въ *закрытомъ* слогѣ или въ открытомъ, если было краткимъ, но, *будучи долгимъ, въ открытомъ слогѣ оно* не подвергалось диспалатализаціи («entpalatalisirung»): отсюда—b̓éda, sépa, sébárz, b̓és — b̓ésa, kob̓éta. Правило это удобно объясняетъ указанные факты, но нѣсколько искусственно: въ иныхъ словянскихъ языкахъ ě изъ ē и ě изъ oi, ai совершенно совпали; только въ польскомъ языкѣ должно было сохраниться различіе; и это различіе сохранилось только при двойномъ условіи: долготѣ и открытости слога; все правило основано на 5 примѣрахъ и въ заключеніе противорѣчитъ ему польское ǵv̓ozda изъ *ǵv̓ēzda, каш. gwiôzda, гдѣ ě будучи долгимъ, въ открытомъ слогѣ и изъ дифтонга, — ср. литовское źwaigzdê, — все таки подвергается «диспалатализаціи». Быть можетъ, и въ словѣ v̓ánek, — напр. въ опочиньскомъ говорѣ Rozpr. XI, 172 с., — долгота является фонетической, въ такомъ случаѣ имѣемъ второй примѣръ, гдѣ ě въ открытомъ долгомъ слогѣ изъ дифтонга переходитъ въ ′a (лит. vainìkas).

3. Общепольскія i, y, u.

Гласные i, y, u, исконно долгіе, были получены польскимъ изъ общесловянскаго по крайней мѣрѣ отчасти долгими, отчасти же быть можетъ и краткими (ср. II ч. изслѣдованія); долгими они были внутри словъ въ извѣстныхъ положеніяхъ по отношенію къ главному ударенію слова, а также получались вслѣдствіе вторичнаго удлиненія въ закрытомъ слогѣ.

Въ современномъ польскомъ языкѣ, какъ литературномъ,

такъ и въ народныхъ говорахъ изъ этихъ об.-н. *ī, ū, ȳ находимъ краткіе i, u, y.

Относительно бржезиньскаго говора, гдѣ á и é являются, по свидѣтельству г. Завилиньскаго, долгими, не находимъ никакихъ указаній на долготу при i, u, y.

Въ памятникахъ древнепольскихъ удвоеніе буквы для обозначенія долготы гласнаго, обычное при ā, ē, ō, — очень рѣдкое явленіе по отношенію къ гласнымъ i, u, y (ср. rozuum въ Вислицкомъ статутѣ). Вѣроятно, это объясняется тѣмъ, что ī, ū, ȳ отличались отъ ĭ, ŭ, ў только количествомъ, тогда какъ ā, ē, ō соединяли съ этимъ количественнымъ отличіемъ отъ ă, ĕ, ŏ еще и качественное, слѣд. различіе было ярче. Изъ этого необозначенія долготы при ū, ī, ȳ, конечно, нельзя заключать, чтобы условія сохраненія и сокращенія ихъ были иныя, нежели при ā, ē, ō.

Съ исчезновеніемъ долготы въ польскомъ вообще, об.-н. ī, ȳ, ū совершенно совпали съ об.-н. ĭ, ў, ŭ, тогда какъ ā, ē, ō сохранили качественное отличіе отъ ă, ĕ, ŏ. Кашубскій, сохранившій вообще различіе между краткими и долгими, сохранилъ его и при u, i (изъ *i и *y).

Гласные i, u въ началѣ слова въ свяжендзскомъ говорѣ, какъ и въ говорѣ Miejsk'ой Górki (Rozpr. IX, 137), произносятся безъ придыхательныхъ неслоговыхъ i̯, u̯, которые наблюдаются напр. въ нѣкоторыхъ малопольскихъ говорахъ: збржидовскомъ Rozpr. IX, 150 с., лясовскомъ Rozpr. VIII, 74 с., бржезиньскомъ Rozpr. VIII, 184, опочиньскомъ Rozpr. XI, 149 с.

Происходитъ ли при этомъ предварительный взрывъ голосовыхъ связокъ («der feste Einsatz») или экспирація начинается при предварительномъ сближеніи ихъ (der leise Einsatz), сказать не могу.

Внутри словъ общепольскимъ является передвиженіе артикуляціи въ слогахъ ky, gy изъ средняго ряда въ передній: въ связи съ переходомъ k, g въ смягченные у измѣнилось въ этихъ сочетаніяхъ въ i.

Обратное передвиженіе артикуляціи изъ передняго ряда въ средній, также общепольское, — въ слогахъ ći, ći, ši, ži: отвер-

дѣніе согласныхъ č, c, š, ž и измѣненіе i въ звукъ средняго ряда, который можно обозначить буквой y, хотя, вполнѣ ли этотъ звукъ совпадаетъ съ y въ иныхъ первоначальныхъ сочетаніяхъ, какъ býć и т. п., затрудняюсь сказать.

Оба отмѣченныя передвиженія находимъ также въ русскомъ и лужицкомъ языкахъ.

Одной изъ характернѣйшихъ чертъ сважендзскаго говора является рядъ фонетическихъ измѣненій, относящихся къ гласнымъ i, y, u, внутренне между собою связанныхъ: процессы ассимиляціи и диссимиляціи, основанные на особомъ характерѣ артикуляціи согласнаго ł, который я уже описалъ въ началѣ работы. Именно, какъ я отмѣтилъ, ł произносится безъ зубного затвора съ образованіемъ задненёбнаго суженія и округленіемъ губъ; артикуляція его, такимъ образомъ, очень близка къ артикуляціи, какъ гласнаго u, такъ и гласнаго o, что является исходнымъ пунктомъ цѣлаго ряда звуковыхъ измѣненій въ сочетаніяхъ ł съ означенными гласными.

Ср. опредѣленіе небнаго l (velares l), данное Storm'омъ, -y Сиверса: «Storm gibt dagegen an, dass die hintere Zunge gehoben und der ganze hintere Mundcanal verengt werde und dass hierdurch der velare Klangcharakter entstehe; diese Articulation erkläre auch die häufigen Uebergänge des l in u, o»... Sievers[5], 123 c.

Въ конечномъ закрытомъ слогѣ слова ł измѣняется въ u̯. Это измѣненіе наблюдается и въ формахъ именныхъ (въ им. п. ед. ч.): vuu̯; Michou̯, kou̯ (=kieł), koźiu̯ и въ причастныхъ формахъ: fstou̯, dou̯, čytou̯,—въ формахъ ж. р., въ открытомъ слогѣ ł сохраняется: fstała, dała, čytała и т. п.

Какъ видимъ, гласный o (изъ ā) въ формахъ fstou̯, dou̯ и т. п. не подвергается дальнѣйшимъ измѣненіямъ. Но если согласному ł въ конечномъ закрытомъ слогѣ предшествуетъ гласный y, то происходитъ ассимиляція y слѣдующему u̯ (изъ ł): группа yu̯ (изъ ył) измѣняется въ группу uu̯ (губное округленіе, необходимое для произношенія u̯ производится раньше уже при y, и артикуляція языка, быть можетъ, передвигается нѣсколько далѣе назадъ): buu̯ = był; śe uuu̯; то же при отвердѣвшихъ спирантахъ: na-

učiu̯, u̯obočiu̯, žiu̯ służiu̯; въ открытомъ слогѣ сохраняется первоначальное сочетаніе uɫ: byɫa, umyɫa, žyɫa, učyɫa.

Въ сочетаніи iu̯ изъ первоначальнаго iɫ — i, ассимилируясь слѣдующему u̯, измѣняется въ ü, звукъ лабіализованный передняго ряда; въ этомъ случаѣ ассимиляціи заключается лишь въ передвиженіи во времени губного округленія т. е. округленіе это образуется уже при произношеніи і въ iu̯: zrobü̯, prośü̯, nośü̯; въ открытомъ слогѣ сохраняется первоначальное iɫ: zrobiɫa, prosiɫa, nosiɫa.

Возможно, что и въ формахъ bu̯, žu̯ мы имѣемъ лишь передвиженіе губного округленія во времени т. е. лабіализованное у; но строго отличить этотъ звукъ въ bu̯, žu̯ отъ u въ иныхъ положеніяхъ я не могъ и потому пишу u. Объ измѣненіи ʹiɫ въ ʹuɫ ср. маленькую замѣтку проф. Бодуэна де К. въ 1870 г. въ Beiträge VI, 246.

Описанные или же сходные процессы ассимиляціи отмѣчены изслѣдователями и въ другихъ польскихъ говорахъ: великопольскихъ, малопольскихъ, силезскихъ, мазурскихъ, хотя не всегда можно рѣшить, въ какой степени точно они формулированы. А. Петровъ отмѣчаетъ въ добржиньскихъ говорахъ (рыпиньскій и липновскій уѣзды плоцкой губерніи) измѣненіе iɫ, uɫ въ iuɫ, uɫ: «piuɫem, biuɫem, buɫem» Zbiór II... Неизвѣстнымъ остается, скрывается ли подъ транскрипціей А. Петрова дѣйствительно ʹu или ü, возникла ли форма «biuɫem» и т. п. подъ вліяніемъ *bü̯ или же переходъ і въ «iu» имѣетъ мѣсто и въ открытомъ слогѣ предъ ɫ; у Петрова нѣтъ указаній для рѣшенія этихъ вопросовъ; въ текстахъ его находимъ «zgubiɫem», «naprawiɫ» 19 с. и. т. п., т. е. литературныя формы.

Изъ малопольскихъ говоровъ въ бржезиньскомъ, по свидѣтельству г. Завилиньскаго -iɫ, -uɫ измѣняются въ причастныхъ формахъ прош. вр. на ɫ въ ʹuw, uw: patřuw, lubuw Rozpr. VIII, 184 с.; въ зебржидовскомъ говорѣ Rozpr. IX, 151 с. -iɫ измѣняется въ ʹuw: syńuw, но -uɫ въ -yw: «kuřyw» и т. п. Въ этой формулировкѣ такъ же, какъ и относительно добржиньскихъ говоровъ невполнѣ ясно, измѣняется ли і предъ w (= ɫ) дѣйствительно въ ʹu или же въ ü т. е. лабіализованное i; при первомъ,

буквальномъ пониманіи знака ˊu было бы непонятно, почему и «yw» не переходитъ въ -uw; для измѣненія «yw» въ «uw» необходимо кромѣ передвиженія губного округленія во времени также передвиженіе артикуляціи языка; для перехода «-iw» въ üw (üu̯?) нужна лишь лабіализація i.

Въ мазурскихъ говорахъ r. Sembrzycki отмѣчаетъ: biuł = bił; ziuł = żył. Wisła III, 81 c. Изъ силезскихъ говоровъ аналогичное явленіе находимъ въ оппельнскомъ говорѣ, изслѣдованномъ Л. Малиновскимъ («Ueber d. oppeln. M.): patřuu̯, podźeluu̯, причемъ тутъ этотъ процессъ распространяется и на положеніе группы ił въ открытомъ слогѣ: śuua = siła и т. п.. что̀ объясняется тѣмъ, что въ данномъ говорѣ ł и въ открытомъ слогѣ перешло въ u̯. Тоже въ мазурскомъ говорѣ, описанномъ г. Уляновской Zbiór VIII, также и въ закрытыхъ, и въ открытыхъ слогахъ: «robiuł», «postawiuł», «wiuła» (= wiła) «pusćiuła».

Также въ переходныхъ чешско-польскихъ говорахъ — ляшскихъ: ǔuł, ṕuł, nośuł, buł, no biła, piła, była. Rozpravy filologické věnované Janu Gebauerovi Praha 1898, 53 c.

Если процессъ ассимиляціи y, i слѣдующему u̯ въ Свяженцзѣ является чертой, болѣе или менѣе распространенной въ польскихъ говорахъ, то совершенно оригинальнымъ явленіемъ представляется наблюдаемый въ немъ процессъ обратнаго характера: процессъ диссимиляціи въ группѣ łu внутри слова.

Близость того и другого элемента въ этомъ сочетаніи дѣлаетъ его неудобнымъ: должно произойти или полное уподобленіе одного другому и затѣмъ сліяніе или же дифференціація двухъ элементовъ.

Первый пріемъ: ассимиляція и сліяніе, дѣйствительно, наблюдается въ нѣкоторыхъ великопольскихъ говорахъ: Кольбергъ отмѣчаетъ въ сѣверныхъ уѣздахъ putno, mucą, dugo, suma изъ płótno, młócą, długo, słóma Zbiór I, 9 c. Также въ пышницкомъ говорѣ, по свидѣтельству г. Блатта: stuc вм. stłuc chodny вм. chłodny Rozpr. II ser, V т., 381 c.

Въ бржезиньскомъ говорѣ: gupi, dugo, suga, suchać. Rozpr. VIII, 204 с. Въ зебржидовскомъ dugi, dubać, gupy. Rozpr. IX, 171 с. Говоръ сважендзскій избираетъ второй пріемъ: дифференціацію двухъ близкихъ звуковъ, ł и u, путемъ уничтоженія губного округленія при второмъ изъ нихъ, измѣненія его въ направленіи къ звуку средняго ряда нелабіализованному — y. Этотъ процессъ захватываетъ, какъ u изъ ó (ō), такъ и u въ соч. łu изъ *ъł. Не могу съ увѣренностью сказать, происходитъ ли при этомъ дифференціація и въ другомъ отношеніи: въ отношеніи степени и мѣста подъема языка; звукъ, который получается изъ u во второй части сочетанія łu, въ акустическомъ воспріятіи колеблется между u^{y} и y, порой слышится ясно и опредѣленно ły: первый элементъ артикулируется съ губнымъ округленіемъ, при переходѣ ко второму оно уничтожается.

Указанное фонетическое измѣненіе замѣчается въ сочетаніи łu не во всѣхъ положеніяхъ этого сочетанія: въ Сважендзѣ я слышалъ: łyško=łuźko; łyf=łów; łyj=łój; łyć=łódź; łyno=łuno; słyńce—słyneczko; słyma; słyń=słóń; płyca, płykać; dłyń; čłynki; также въ род. п. мн. ч. słyf=słóv; głyf=glóv. Но въ словѣ tłustyj сочетаніе tłu мнѣ приходилось обычно слышать неизмѣненнымъ. Также при dłu^{y}gi нерѣдко слышно отъ лицъ, постоянно употребляющихъ группу ły въ иныхъ положеніяхъ, długi.

Аналогичное измѣненіе находимъ въ группѣ u̯u, сравнительно рѣдкой, возникшей изъ u̯o съ приставнымъ u̯, которое является въ Сважендзѣ предъ каждымъ начальнымъ o: мѣстоименныя формы on, ona являются въ Сважендзѣ въ видѣ u̯un, u̯una—изъ u̯un, u̯una, [такъ какъ предъ n вскякое o въ Сважендзѣ измѣняется въ u.] Такимъ же образомъ, род. п. мн. ч. отъ слова око является въ видѣ u̯uč изъ *u̯óč, причемъ самое удлиненіе o является въ данной формѣ нефонетическимъ.

Аналогичный процессъ диссимиляціи будетъ указанъ ниже, въ соотвѣтствующей главѣ въ группѣ ło.

Послѣ губно-зубного спиранта v соотвѣтствующаго измѣненія гласнаго u не находимъ: vuja. vdovuf g. pl., krovuf g. pl.

Описанное фонетическое явленіе въ Сважендзѣ наблюдается, главнымъ образомъ, у лицъ молодого поколѣнія, отчасти людей средняго возраста, но не у стариковъ. Однако выступаетъ оно настолько отчетливо, что игнорировать его невозможно. Совершенно отчетливыя сочетанія ły и u̯y слышалъ я въ с. Вѣржонкѣ (Wierzonka) въ 20 километрахъ на сѣверо-востокъ отъ Сважендза: słyńce, słyń, słyma, młyćić, člynek; u̯yn, u̯yna.

4. Общепольскіе носовые.

Польскій языкъ получилъ изъ об.-словянскаго носовые гласные *ǫ и *ę, и тѣже ǫ и ę,—оставляя пока въ сторонѣ діалектическія черты и нѣкоторыя вторичныя явленія въ судьбѣ этихъ звуковъ, — находимъ въ современномъ польскомъ. Однако соотвѣтствіе польскихъ ǫ и ę об.-словянскимъ *ǫ и *ę, какъ извѣстно, не полное: на мѣстѣ об.-сл. *ǫ находимъ въ польскомъ ǫ и ę такъ же, какъ и на мѣстѣ об.-сл. *ę —'ǫ, 'ę. Разъясненію процесса измѣненій, конечнымъ результатомъ котораго является настоящее употребленіе об.-сл. *ǫ и *ę въ польскомъ, удѣлилъ свое вниманіе цѣлый рядъ ученыхъ.

Ср. L. Malinowski «Ueber die oppeln. M.» 1873 г., 26—27 сс.; проф. Бодуэнъ де К. Beiträge VIII, 1876, 203 с.; проф. Потебня «Къ исторіи звуковъ» 209—220 и въ Arch. III, 614 и слѣд. изъ той же книги; въ статьѣ «Ueber einige Erscheinungen des slavischen Palatalismus» Arch. III, 371 s.; проф. Калина «Ueber die Schreibung der Nasalvocalen in den altpolnischen Denkmälern» Arch. IV, 29 с.; проф. Нерингъ Arch. V, 138 с.; D-r Leciejewski въ Arch. VI, 520 с. и «Der Lautwerth der Nasalvocale im altpolnischen» Wien 1886 г.; проф. Брюкнеръ въ Arch. VIII, 596 с. X, 261 с.; ак. Ягичъ Arch. V, 138 с.; 170 с. X, 248 с; проф. Миккола Betonung und Quantität 3—10 с.; D-r Lorentz Arch. XXIV, 4—6, 28—33 сс. Взгляды г. Крыньскаго «Носовые звуки въ славянскихъ языкахъ» 36—92 сс. и г. Kolař'a «O nosowkách polabských a jich poměru k polským a staroslovanským» Čas. Č. M. 1875 г. въ дальнѣйшемъ изложеніи опускаю въ виду ихъ малоцѣнности.

По мнѣнію проф. Потебни, об.-сл. носовые совпали въ древнепольскомъ въ одномъ носовомъ а, которое при удлиненіи дало ǫ, въ остальныхъ же случаяхъ сохранилось, какъ ą, въ оппельнскомъ и было ослаблено въ ę въ литературномъ языкѣ «Къ ист.

звуковъ». Подкрѣпленіе своей мысли проф. Потебня видѣлъ въ русскомъ *я*, чешскомъ, словацкомъ, верхне-лужицкомъ ′a изъ *ę.

Л. Малиновскій исходилъ для польскихъ рефлексовъ *ǫ, *ę изъ ą и ę, которымъ отвѣчали въ долгихъ слогахъ ą̄, ę̄. Оба долгіе — ą̄ и ę̄ дали ǫ. Въ виду такого совпаденія, а также уничтоженія различія между мягкими и твердыми слогами, оба краткихъ — ą̆ и ę̆ смѣшались, изъ этого смѣшенія въ малопольскомъ — ę, въ другихъ говорахъ, какъ мазурскіе, — ą. Противъ произвольнаго предположенія смѣшенія ą и ę и потери различія мягкости и твердости возражалъ проф. Бодуэнъ де-К. Beitr. VIII. Самъ критикъ предполагалъ то же измѣненіе ę въ ǫ, но не въ виду долготы ę: онъ ставитъ этотъ переходъ въ параллель переходу ′e въ ′o; съ другой стороны имъ предполагается переходъ ą въ ę, какъ болѣе легкій физіологическій звукъ.

Мнѣніе проф. Потебни было принято проф. Неринговъ Arch. V, 138 и д-ромъ Лецѣевскимъ, который попытался обосновать этотъ взглядъ детальнымъ анализомъ древнепольскихъ памятниковъ.

Противъ излишняго довѣрія древнепольской графикѣ одновременно возражали проф. Брюкнеръ и ак. Ягичъ; указывая на неразличеніе въ др.-п. памятникахъ c и cz, y и i, c и k, проф. Брюкнеръ считаетъ грубой методологической ошибкой ожидать въ этихъ памятникахъ болѣе точнаго различенія чуждыхъ латыни носовыхъ гласныхъ Arch. X.

Тоже Бодуэнъ де К. «О древне-польскомъ языкѣ до XIV в.» 1870 г., 81 с.

Въ древне-польскомъ были лишь носовые ę, ′ę, ǫ, ′ǫ, и діалектическое ą современнаго польскаго языка (силезское) — явленіе новое Arch. VIII.

Проф. Брюкнеръ принимаетъ также совпаденіе об.-сл. *ę и *ǫ въ одномъ носовомъ, но это совпаденіе — въ звукѣ ę, точнѣе носовомъ гласномъ между ą и ę, — онъ переноситъ на эпоху доисторическую (приблизительно 900—1000 гг.). Альтернацію этого «ę — звука» — ǫ — ę, въ зависимости отъ количества,

предполагаютъ уже древнѣйшіе памятники польскаго языка Arch. X.

Одновременно съ проф. Брюкнеромъ, ограничивая значеніе показаній древнихъ памятниковъ, ак. Ягичъ полагалъ, что, если въ древнепольскомъ не было еще ę изъ *ǫ, то уже были два различавшіеся количествомъ рефлекса об.-сл. *ǫ: ǫ и ą: это ą приблизительно въ XV вѣкѣ перешло въ ę; точно такъ же кажется ак. Ягичу невѣроятнымъ, что об.-сл. *ę являлось въ древнепольскомъ исключительно въ видѣ ′ą; подъ многими графическими ią скрывалось ię, которое является первоначальнымъ рефлексомъ об.-сл. *ę въ польскомъ языкѣ; было въ древнепольскомъ рядомъ съ ię и ią, но оно возникло изъ ię при извѣстныхъ условіяхъ, какъ положеніе предъ твердымъ слогомъ или «тоническое концентрированіе, какъ въ żąć, jąć вм. żęci, jęci» Arch. X.

Указанія проф. Потебни на ′a, какъ рефлексъ *ę въ другихъ, ближайшихъ къ польскому, языкахъ ак. Ягичъ признаетъ лишь по отношенію къ русскому; въ чешскомъ и в.-лужицкомъ ia вторично; первоначальнымъ является вообще положеніе предъ мягкимъ слогомъ ср. biały и bielić, niosę и niesiesz; словацкое ia является въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ при предшествующемъ согласномъ развился j (i), послѣ губныхъ сохраняется ä: mäso; нижне-лужицкій говоритъ въ пользу ie изъ *ę.

Такимъ образомъ, критическія замѣчанія ак. Ягича, направленныя противъ схемы развитія польскихъ носовыхъ, предложенной проф. Потебней и принятой проф. Нерингомъ и Лецѣевскимъ, даютъ новое представленіе процесса этого развитія, отличное отъ схемы проф. Брюкнера.

Первая схема можетъ быть представлена слѣдующимъ образомъ:

об.-сл. *ǫ
об.-сл. *ę
} др.-п. ą : ą̄ (′ą̄) → н.-п. ǫ (′ǫ)
ą̆ (′ą̆) → н.-п. ę (′ę).

Схема проф. Брюкнера имѣетъ видъ:

об.-сл. *ǫ
об.-сл. *ę
} въ X вѣкѣ ą̄ : ą̄̆ (′ą̄̆) → др.-п. ǫ (′ǫ) — н.-п. ǫ, ′ǫ
ą̆̆ (′ą̆̆) → др.-п. ę (′ę) — н..п. ę, ′ę.

Схематизируя замѣчанія ак. Ягича, получаемъ:

об.-сл. *ǫ → др.-п. ą, ǫ (изъ ą̄?) → въ XV в. ę (изъ ą), ǫ → н.-п. ę, ǫ

об.-сл. *ę → др.-п. ′ę ⟨ ′ę . . . . . ; ′ą . . . . . .

Ак. Ягичъ не предполагаетъ полнаго совпаденія об.-сл ǫ и ę, такъ какъ въ извѣстномъ положеніи ′ę остается всегда ′ę, но частичное совпаденіе имѣетъ въ виду и его схема: такъ какъ древнепольское *ǫ изъ об.-сл. *ǫ естественнѣе всего восходитъ къ болѣе древнему ą̄, то происходитъ совпаденіе рефлексовъ об.-сл. *ǫ: — ą и ą̄ съ рефлексомъ об.-сл. *ę въ извѣстныхъ условіяхъ (твердость слѣдующаго слога или «тоническое концетрированіе»), — ′ą.

При указанныхъ попыткахъ объяснить развитіе польскихъ носовыхъ, былъ мало затрагиваемъ вопросъ, какъ относятся въ данномъ случаѣ къ польскому ближайшіе къ нему языки, — кашубскій и полабскій. Этотъ пробѣлъ пополнили въ недавнее время проф. Миккола Beton. und Quant. и д-ръ Лоренцъ Arch. XXIV.

О положеніи полабскаго языка въ вопросѣ проф. Миккола высказывается малоопредѣленно.

«Schleicher und Brückner legen beide und mit Recht grosses Gewicht auf die analoge Vertretung der Nasalvocale im Polnischen und Polabischen»... 3 c. im polabischen — «dem urslavischen ǫ in unbetonter Stellung ą, in betonter meistens ǫ, selten ą entspricht. Ebenso wird das ursl. ę durch ą und i̯ǫ vertreten.... Diese Vertretung deckt sich nur zum Theil mit derjenigen in polnischen, vorausgesetzt, dass ą dem poln. ę, ię, und ǫ, i̯ǫ dem poln. ą, ią entspricht.» 4 c.

Наоборотъ, вполнѣ опредѣленно отрицаетъ д-ръ Лоренцъ всякое соотвѣтствіе между полабскими и польскими носовыми: въ то время, какъ польскіе ę и ǫ являются въ зависимости отъ отношеній количественныхъ, въ полабскомъ д-ръ Лоренцъ находитъ ясный законъ: об.-сл. *ę предъ твердыми зубными и ł является въ видѣ ′ǫ, предъ «гуттуральными», первоначально мягкими согласными и въ концѣ слова—въ видѣ ą Arch. XXIV, 4 c.

Долженъ замѣтить, что этотъ законъ д-ра Лоренца можетъ

считаться столь-же доказаннымъ, сколько и обратное утвержденіе о количественныхъ основаніяхъ въ постановкѣ полабскихъ ǫ и ą.

Во первыхъ, значительная часть примѣровъ, соотвѣтствующихъ открытымъ д-ромъ Лоренцомъ условіямъ, такъ-же хорошо соотвѣтствуетъ и принципу количественныхъ различій: ср. полаб. dėšǫ́ty, pǫ́ty, dėvǫ́ty и dėsą́t, dėvą́t, pą́t съ польскими dźesiąty, dźewiąty, piąty и dzesięć, gźewięć, pięć; также полаб. dėsątarŭ́, dėvątdėšǫ́t, dėvątnadist, dėvątarŭ́, pątdėšǫ́t, pątarŭ́ съ польскими dziesięcioro, dźewięcioro, dzieviętnascie, dźiewięćdziesiąt, pięćdziesiąt, pięcioro; полабское zą́t и пол. zięć; полаб. pojącaiña и пол. pajączyna; полаб. tilą råmą, stiną, jodńą и т. д. съ польскими cielę ramię и т. д. Если польское различіе между ą и ę въ указанныхъ примѣрахъ самъ Лоренцъ объясняетъ принципомъ количественнымъ, то отчего тотъ же принципъ неприложимъ къ полабскому? Установленнымъ г. Лоренцомъ правиламъ сохраненія и потери долготы въ польскихъ носовыхъ отлично соотвѣтствуютъ и полабскія формы acc. s. f.: zimą, nidëlą и т. п., формы 1 s. pr.: ricą, pŭją, plocą и т. п., формы plǫ́sat, plǫ́sal ср. русское: плясáть, плясáлъ. Нѣкоторыя разногласія между польскимъ и полабскимъ возможны и естественны; такія разногласія, сводящіяся къ діалектическимъ колебаніямъ въ количествѣ и еще глубже къ колебаніямъ акцента, замѣчаются и между кашубскимъ и польскимъ, хотя вообще и тотъ, и другой языкъ подчиняются однимъ правиламъ въ сохраненіи долготы. Мало удивительно поэтому полабское gŕǫda при польскомъ grzęda: ср. русское грядá, шток. gréda, но въ чаковскомъ при grēdà и gréda.

Къ убѣжденію въ количественномъ основаніи различія между полабскимъ ǫ и ą на основѣ изученія источниковъ пришелъ и В. К. Поржезинскій Изв. VII 2, 201—202 с.

Во-вторыхъ, д-ру Лоренцу приходится давать произвольныя объясненія цѣлому ряду отступленій отъ его закона: въ blaizą̀ta, jogną̀ta -ą взято изъ единственнаго числа; svąty°, можетъ быть, не им. ед. ч., но им. мн. ч. или нарѣчіе; pǫsė̀ — новообразованіе

по образцу ṕǫsat, jǫtrėnu° имѣетъ ǫ изъ jǫ́tra.... Если къ этому присоединить общую шаткость и неполноту матеріала, который мы имѣемъ въ грамматикѣ Шлейхера, то законъ д-ра Лоренца окажется очень слабо обоснованнымъ, и, мнѣ кажется, слѣдовало бы устранить на время полабскій совершенно изъ круга нашихъ разсужденій, пока мы не получимъ болѣе полныхъ и критически очищенныхъ фактическихъ данныхъ.

Относительно кашубскаго — проф. Миккола отмѣчаетъ явленіе, которое отличаетъ его отъ польскаго: здѣсь польскимъ ę, ię отвѣчаетъ — ą, ią и польскимъ ą, ią — ǫ, ǫ, но на мѣстѣ об.-сл. *ę въ извѣстныхъ условіяхъ: именно *предъ первоначально мягкимъ слогомъ* въ кашубскомъ находимъ: въ краткихъ слогахъ ë, въ долгихъ ī: польскому zięć соотвѣтствуетъ zëc, польскому jąć — jīc, польскому żąć — žīc и т. п.

Указанное кашубское явленіе признаетъ и Dr. Lorenz, объясняя нѣкоторыя отступленія отъ правила вліяніемъ польскаго языка. Arch. XXIV.

Проф. Миккола переноситъ ту двойственность, въ какой является об.-сл. *ę на кашубской почвѣ, на древнепольскій, видя въ кашубскомъ явленіи подтвержденіе мысли ак. Ягича, что об.-сл. *ę являлось въ древнепольскомъ въ видѣ ′ę и ′ą, въ зависимости отъ извѣстныхъ условій.

Въ древнѣйшую эпоху жизни польскаго языка, говоритъ проф. Миккола, «рефлексомъ прасловянскаго ę было, вѣроятно ą̈», подобно тому, какъ основнымъ звукомъ польскихъ ie : ia изъ прасловянскаго ě нужно предполагать e͡a или j̈ä. Такъ же, какъ j̈ä дало съ одной стороны ′a, ′ā (др.-п. iá, каш. ′ô), съ другой стороны ′e, ′ē (др.-п. ié, каш. ′ẽ), такъ изъ ą̈ развилось съ одной стороны ′ą, ′ą̄ (каш. ′ǫ), съ другой — ′ę, ′ę̄ (каш. ë, ī).

«Sowie für poln. ie : ia aus ursl. ě als Grundlaut e͡a oder j̈ä anzusetzen ist, so ist der Vertreter des ursl. ę *im ältesten Polnisch* wohl ą̈ gewesen. Ebenso wie j̈ä einerseits ′a, ′ā (ap. iá, kasch. ′ô), andererseits ′e, ′ē (ap. ié, kasch. ′ẽ) gegeben hat, so hat sich aus ą̈ einerseits ′ą, ′ą̄ (kasch. ′ǫ) andererseits ′ę, ′ę̄ (kasch. ë, ī) entwickelt. Ursl. ǫ wird dagegen nur durch ą, ǫ vertreten, weil a überhaupt im Polnischen dem Einflusse der folgenden Silbe nicht unterliegt». Beton. und Quant. 7 c.

Это *ą̯ изъ об.-сл. ę (ср. ę — звукъ, лежащій между ą и ę, проф. Брюкнера) проф. Миккола возводитъ затѣмъ въ степень обще-ляхитскаго рефлекса *ę: изъ него въ полабскомъ ′ą, въ польскомъ ′ę, въ кашубскомъ ′ą и ′ę; общеляхитскимъ рефлексомъ *ǫ — было ą, которое въ польскомъ въ долгихъ слогахъ перешло въ ǫ чрезъ посредство ą̄, а въ краткихъ измѣнялось въ ę, удержавшись, какъ ą, въ силезскихъ говорахъ.

«In der ältesten Periode der lachischen Spracheinheit waren die Vertreter der urslavischen ǫ und ę auseinandergehalten: jenem entsprach ą, diesem ′ą̈, aus welchem letzeren in einem Teil des Sprachgebietes ′ą, in einem anderen ′ę, in einem dritten (Kasch) ′ą und ′ę sich entwickelt haben. Für diese Ansicht spricht der schlesische Dialekt, wo ursl. ǫ als ą, ursl. ę als ′ę erscheint (Malinowski Die oppelnische Mundart 20 ff.). Den Übergang von ą zu ę, der einem sehr grossen Teil des polnischen Sprachgebietes eigen ist, möchte ich mit der geschlossenen ä — ähnlichen Aussprache des Kurzen a in Zusammenhang bringen». Beton. und Quant. 8 c.

Мы видимъ, что взглядъ проф. Микколы на судьбу об.-сл. *ǫ въ польскомъ совпадаетъ съ представленіемъ проф. Потебни и ак. Ягича:

об.-сл. *ǫ → др.-п. ą̆, ą̄, откуда — ą, ǫ въ силезскихъ говорахъ; ę, ǫ въ остальныхъ, въ виду перехода ą въ ę.

Затѣмъ то, что говоритъ проф. Миккола о судьбѣ об.-сл. *ę, не даетъ яснаго представленія: съ одной стороны изъ общеляхитскаго ą̯ въ польскомъ является ′ę, съ другой стороны, — признаніе мысли ак. Ягича, что въ древне-польскомъ об.-сл. *ę являлось, какъ и въ кашубскомъ, въ видѣ ′ę и ′ą и параллелизированіе судьбы об.-сл. *ę и *ě — на польской почвѣ *ą̯ и *ä.

Это параллелизированіе прекрасно подходитъ къ кашубскому, но совершенно не подходитъ къ польскому.

Въ польскомъ *′ä (=*ě) долгое въ положеніи предъ мягкимъ первоначально слогомъ даетъ ′é (i): ср. приведенные въ главѣ объ ě примѣры: zminić, stšylać, gžyšyć, sić — sići, ḿić — ḿedźi. Въ тѣхъ же условіяхъ *ą̯ (изъ *ę) не даетъ ожидаемаго *′ę̯ или *į, но ′ǫ: tšǫść, pśǫść, ćǫć.

Развитіе кашубскихъ носовыхъ можно представить себѣ безъ совпаденія *ę и *ǫ въ одномъ рефлексѣ:

об.-сл. *ǫ → *ą { ą̄ → ǭ ; ą̆ → ą }

об.-сл. *ę → *ą̈ { ą̄̈ — { ą̄ предъ твердымъ слогомъ → ǭ ; ę̄ предъ мягкимъ слогомъ → (ī) 1 } ; ą̆̈ — { ą̆ предъ твердымъ слогомъ → ą ; ę̆ предъ мягкимъ слогомъ → ë. } }

Наоборотъ, исходя изъ тѣхъ же рефлексовъ об.-сл. *ǫ и *ę, которые мы принимаемъ за начальный пунктъ для кашубскаго: *ą и ą̈, мы неминуемо придемъ къ совпаденію этихъ рефлексовъ въ польскомъ языкѣ, въ одинъ изъ моментовъ дальнѣйшаго ихъ развитія. Предположимъ вмѣстѣ съ ак. Ягичемъ, что об.-сл *ę являлось въ древнѣйшую эпоху жизни польскаго языка въ видѣ ˊę (или ˊą̈) и затѣмъ въ положеніи предъ твердымъ слогомъ или при «тоническомъ концентрированіи» измѣнялось въ ˊą; въ приведенныхъ формахъ trzǫść, przǫść, ćǫć носовой находился предъ мягкимъ слогомъ; формы эти восходятъ, конечно, не къ *tręsti, *pręsti, *tęti, но къ *tręstь, *pręstь, *tętь; при этомъ отпаденіе конечнаго ь никакого вліянія не имѣло: какъ мы увидимъ позже, при спеціальномъ изслѣдованіи происхожденія польской долготы, такое удлиненіе имѣло мѣсто въ польскомъ лишь тогда, когда слогъ замыкалъ звонкій согласный.

Основанія для появленія ˊǫ изъ об.-сл. *ę количественныя: долгота обусловливалась, повидимому, положеніемъ носового предъ старымъ удареніемъ; относительно trzǫść согласныя показанія даетъ русскій и сербскій: р. *трясти́*, с. trésti; ćǫć ср. съ р. истя́ть; *pręstь могло имѣть удареніе на конечномъ ь по аналогіи другихъ глаголовъ этого класса.

Если-бы измѣненіе ˊę въ ˊǫ было вызвано положеніемъ предъ твердымъ слогомъ, то такой переходъ былъ бы очень вѣроятенъ: ср. v́ędę — v́odę, ńesę — ńosę и т. п. Но разъ основанія этого измѣненія квантитативныя, непосредственный переходъ ˊę̄ въ ˊǭ является неправдоподобнымъ. Всѣ измѣненія гласныхъ, связан-

ныя съ долготой, въ польскомъ и кашубскомъ характеризуются однимъ и тѣмъ же направленіемъ: *вертикальнымъ передвиженіемъ артикуляціи*; данный гласный переходитъ *въ болѣе высокій гласный того же ряда:* ā > ō; ō > ū, ē > ī, откуда позже ŏ, ŭ, ĭ; въ кашубскомъ по тому же правилу ę̄ даетъ ī чрезъ посредство *ī̯; тѣмъ же объясняется то обстоятельство, что гласные *ī, *ȳ, *ū остаются гласными i, y, u, такъ какъ каждый изъ нихъ представляетъ наиболѣе высокій подъемъ артикуляціи въ своемъ рядѣ. Горизонтальнаго передвиженія артикуляціи не замѣчаемъ при этомъ нигдѣ: увеличивается степень подъема, но мѣсто его остается тоже самое.

Уже проф. Бодуэнъ де К. вѣрно замѣтилъ: «das ę kann sich nur in ę̇... und endlich in į verengen, nie aber in.... o̧» Beitr. VIII 203 c. Но это вѣрное соображеніе повело лишь къ параллелизированію перехода ′ę > ′o̧ и ′e > ′o. Отчего же въ такомъ случаѣ mięso не дало *mo̧so, какъ ńesę — ńosę?

Такимъ образомъ, форма trzǫść изъ *tręsti понятна только при предположеніи посредствующей ступени: tŕą̄sti; ′ǫ изъ об.-сл. *ę предполагаетъ болѣе раннее ′ą̄. А такъ какъ въ измѣненіи *ę̄ въ ′ą̄ долгота не можетъ имѣть значенія, то такое же измѣненіе мы должны предполагать и въ ę̆ т. е. между современнымъ ′ę и об.-сл. *ę принять посредствующую ступень ′ą. Эта посредствующая ступень не зависѣла ни отъ качества слѣдующаго слога, ни отъ «тоническаго концентрированія», какъ показываютъ формы trzǫść, przǫść, но являлась при всѣхъ условіяхъ. Развѣтвленіе об.-сл. *ę на ′ę при однихъ условіяхъ, ′ą при другихъ, предполагаемое ак. Ягичемъ, кажется мнѣ невѣроятнымъ. Съ другой стороны, и современное п. ǫ, соотвѣтствующее об.-сл. *ǫ, легко возводится къ *ą̄, а на измѣненіе об.-сл. *ǫ въ ą указываетъ кашубскій.

Мы возвращаемся, слѣд., къ мысли проф. Потебни.

Гипотеза проф. Брюкнера маловѣроятна въ виду только что высказанныхъ соображеній объ общемъ направленіи звукоизмѣненій, связанныхъ съ долготой: предполагаемый проф. Брюкнеромъ переходъ *ą̈, — такъ можно, кажется, транскрибировать

«ę — звукъ» проф. Брюкнера, лежащій между ą и ę, — въ ǫ является слабой стороной его гипотезы.

Наоборотъ, вполнѣ возможенъ и вѣроятенъ переходъ об.-сл. *ę въ ′ą чрезъ посредство *ą̈; въ этомъ случаѣ достаточно хотя бы указанной проф. Потебней аналогіи русскаго языка, предполагающаго такой же процессъ: *ę > *ą̈ > *′ą > ′a, — независимо отъ качества слѣдующаго слога.

Первоначальнымъ замѣстителемъ об.-сл. *ę въ чешскомъ акад. Ягичъ Arch. XVI, 510—512 считаетъ ⁱa; иначе акад. Шахматовъ: pęta — pⁱąta — pⁱata въ чешско-словацкую эпоху, затѣмъ въ туже эпоху ⁱa (изъ *ę) измѣнилось въ ä, откуда въ чешскомъ a предъ твердыми, e предъ мягкими согласными и въ концѣ слова; для верхне-лужицкаго ак. Шахматовъ принимаетъ также переходъ ę, «хотя бы и чрезъ посредство a, въ a, которое какъ и всякое первоначальное a (въ положеніи послѣ смягченной согласной) измѣнялось предъ смягченными согласными въ é (e закрытое), а въ конечномъ открытомъ слогѣ въ o». Отчетъ о присужденіи премій проф. Котляревскаго въ 1898 году, 67; 71 сс. Разсмотрѣніе этихъ спорныхъ вопросовъ о чешскихъ и в.-лужицкихъ рефлексахъ *ę оставляю въ сторонѣ, такъ какъ считаю достаточной для польскаго аналогію русскаго измѣненія *ę.

Иной вопросъ, къ какой эпохѣ пріурочить измѣненіе об.-сл. *ę въ польское *′ą. Оставляемъ въ полной силѣ возраженія ак. Ягича и проф. Брюкнера противъ довѣрія польской графикѣ. Пусть an, am, ą, древнепольскихъ памятниковъ скрывало подъ собой и ǫ и ę. Грамоты XII—XIII в., какъ видимъ изъ примѣровъ, приведенныхъ проф. Бодуэномъ де-Куртене («О др.-п. языкѣ» 20 с.), употребляя преимущественно an, am на мѣстѣ *ǫ и *ę знаютъ также и en, em, on, om: слѣд. совпаденіе *ǫ и *ę падаетъ на доисторическую эпоху въ жизни польскаго языка. Возможно, что и графическая традиція имѣла за собой фактическія основанія. Но если и не придавать никакого значенія фактамъ графики, то предположеніе совпаденія *ǫ и *ę въ носовомъ *ą (ą, ą̄, ą̈, ą̄) является, въ виду приведенныхъ выше соображеній, наиболѣе вѣроятнымъ объясненіемъ фактовъ.

Что касается измѣненія *ą въ ę, то проф. Потебня допускалъ уже для XI—XII вѣка измѣненіе первоначальнаго *′ą діалектически въ ′ę: быть можетъ къ этой эпохѣ слѣдуетъ отнести и измѣненіе *ą въ ę (*rąka > rękа, которое ак. Ягичъ

[illegible]

Прим. Можно ставить это изображение на таком основании: из Х-языковых [illegible] [illegible] [illegible]

случаѣ переходъ *'ą въ 'ę имѣетъ мѣсто и въ силезскихъ говорахъ. Нѣкоторыя отступленія—результатъ аналогіи: такъ oppelьнскія boją śe, biją 1 s. pr.— подъ вліяніемъ mogą, idą и т. п.; acc. s. chvilą — подъ вліяніемъ rąką, gorą; наоборотъ, въ gen. s. сохраняется 'e изъ 'ę: studńe, kurńe; также въ формахъ: mńe, će, śe изъ mię, ćę, śę. N. s. n. lvą, kśǫžą, ćelą. L. Malinowski Oppeln. M. 23 c. объясняетъ вліяніемъ acc. s. f. a — темъ (rąką и т. п.); но такая аналогія невѣроятна; можетъ быть, фонетическимъ было ą въ силезскихъ kśǫžą, dźevčą въ связи съ отвердѣніемъ шипящихъ; по аналогіи этихъ формъ — lvą, ćelą и т. п. Во всякомъ случаѣ въ иныхъ силезскихъ говорахъ и въ этихъ формахъ существуетъ 'e изъ 'ę: dźeće Rozpr. IX, 283 c.

Въ зависимости отъ твердости согласнаго находится, вѣроятно, и ą въ формѣ přecą = przed się: c изъ ć, которое — изъ d+ś (чрезъ посредство tś); не опредѣляю, явилось ли ą изъ ę подъ вліяніемъ твердости c, какъ въ rąka изъ *ręka или наоборотъ: переходъ *ą въ ę не совершился въ виду твердости c, какъ онъ совершился въ śe изъ śę.

Что касается заимствованныхъ словъ съ носовымъ гласнымъ, какъ dzięk- dziękować нѣм. Dank, wędrować нѣм. wandern, то особаго значенія въ вопросѣ они не имѣютъ; въ словѣ dzięk смягченіе d въ dź предполагаетъ очень раннее заимствованіе, — въ эпоху до совпаденія об.-сл. *ǫ и *ę въ одномъ ą,— въ формѣ *dęk- или *dąk-, откуда *d'ąk-, d'ąk-, d'ęk-, dźęk-, а въ кашубскомъ dzek (Ramult); ср. ciężki изъ *tęžъkyj; будучи заимствовано въ эпоху совпаденія об.-сл. носовыхъ въ *ą, слово дало бы: *dęk, какъ *rąka дало ręka. Наоборотъ, слово wędrować, вѣроятно, заимствовано позже съ носовымъ въ формѣ *ą, откуда затѣмъ ę; изъ стараго *ę было бы 'ę: ср. więcej и т. п.

Остается вопросъ, въ зависимости отъ какихъ условій развились изъ предполагаемаго одного об.-п. носового современные ę и ǫ. Миклошичъ въ извѣстной работѣ «o долгихъ гласныхъ въ славянскихъ языкахъ» Denkschr. XXIX предполагалъ въ об.-сл. *ǫ и *ę — ǫ, ę краткіе и ǫ, ę долгіе и выводилъ изъ об.-сл. *ǭ — *ę̄ польское ą (ǫ), изъ об.-сл. *ǫ̆ — *ę̆ польское ę. Такая точка зрѣнія должна быть признана несостоятельной въ виду того, что мы такимъ образомъ не получаемъ устойчивыхъ основаній для опредѣленія об.-сл. долгихъ и краткихъ ǫ — ę: какъ указалъ г. Лоренцъ Arch. XIX 133 c., мы не можемъ въ виду сербскаго rúka, словинскаго rǿka, чешскаго ruka, польскаго ręka заключать ни къ об.-сл. rǭka, ни къ об.-сл. rǫ̆ka. И такихъ примѣровъ много: ср. серб. pȕto, и чеш. pouto; c. dûb и ч. dub; c. mûž и ч. muž; c. zûb и ч. zub и т. п. Такимъ образомъ, отъ сведенія польскаго различія между ǫ и ę къ количественному различію общесловянскихъ носовыхъ приходится отказаться и

искать условій количественнаго различія между польскимъ ǫ и ę въ отдѣльной жизни польскаго языка. Съ точки зрѣнія проф. Лескина, признающаго об.-сл. носовые долгими и ищущаго условія ихъ сокращенія въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ въ положеніи и качествѣ первоначальнаго ударенія, польскіе носовые изслѣдованы были г. Лоренцомъ Arch. XIX, и выводы его съ незначительными поправками, какъ увидимъ во второй части настоящей работы, должны быть признаны вѣрными.

Польскіе ǫ и ę изъ об.-сл. *ǫ и ′ǫ, ′ę изъ об.-сл. *ę въ современныхъ говорахъ подвергаются вторичнымъ измѣненіямъ, *общее направленіе* которыхъ характеризуется двумя моментами: 1) подъемомъ артикуляціи и 2) передвиженіемъ во времени отвора въ носовую полость.

Первый моментъ измѣняетъ носовые гласные ǫ — ę (′ǫ — ′ę) въ звуки, болѣе высокіе своего ряда: ę (′ę) измѣняется въ направленіи къ у̨ (į), ǫ (′ǫ) — въ направленіи къ ų (′ų). Второй моментъ первоначально заключается въ томъ, что отворъ въ носовую полость, производимый во время артикуляціи гласныхъ о — е, удерживается на мгновеніе и по окончаніи ея; во второй стадіи этого передвиженія отворъ въ носовую полость производится позднѣе артикуляціи гласныхъ о — е.

Оба момента въ указанномъ звуковомъ передвиженіи (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ говорахъ) тѣсно связаны, такъ какъ измѣненіе о—е въ направленіи къ и—і затрудняетъ образованіе носовыхъ гласныхъ.

Въ зависимости отъ положенія носовыхъ гласныхъ въ словѣ, передвиженіе это даетъ различные результаты, а различные говоры представляютъ различныя стадіи въ процессѣ передвиженія.

Въ концѣ слова носовой ę теряетъ носовой резонансъ, причемъ, обычно, не замѣчается даже подъема артикуляціи; это

измѣненіе, характеризующее всѣ нарѣчія и говоры польскаго языка, извѣстно и литературой рѣчи ср. Mater. i prace I 1, 104 с. Наоборотъ, конечное ǫ въ литературной рѣчи сохраняетъ ринезмъ ibid., въ говорахъ же находимъ чистое o или om, чаще послѣднее.

Такъ, o является въ говорахъ прусскихъ мазуровъ Wisla III, 82 с. Spraw. V, 81 с., а изъ малопольскихъ — въ пышницкомъ говорѣ, описанномъ Бланомъ въ Rozpr. II ser. V т. 379 с.; om — въ малопольскихъ говорахъ: опочиньскомъ Rozpr. XI, 162 с., писаржовицкомъ Spraw. IV, 7 с., страдомскомъ (bedom, dadzom) Zbiór XVII, 33 с., велуньскомъ и радомскомъ (kolacyjom gotowanom, sukniom) Zbiór IV, 194—195; изъ великопольскихъ om находимъ въ говорѣ Мѣйской Гурки Rozpr. IX, 126 с. Въ нѣкоторыхъ говорахъ изслѣдователи отмѣчаютъ рядомъ то и другое: въ текстахъ, относящихся къ зебржидовскому говору, находимъ: zmáv̓ajom, śpewajo 3 pl. pr., prowadzom и prowadzo; za řyckom Rozpr. IX, 184—186 сс.; тоже въ горальскихъ Rozpr. III, 354 с. и въ переходныхъ польско-словацкихъ говорахъ въ Тренчинскомъ комитатѣ (pusco, utopio и robiom, utopiom «Rozpravy filologické věnované Janu Gebauerovi» Praha 1898 г., 145—146 сс.).

Нельзя принимать -om изъ конечнаго ǫ вообще за фактъ нефонетическій, результатъ аналогіи. Такое объясненіе приложимо въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр. относительно лясовскаго говора Rozpr. VIII, 104—105 сс., гдѣ -om является рядомъ съ -o въ instr. s. f.: z tom matkom при z tô matkô, но 3 pl. pr. ńesô, ćerp̓ô, acc. s. f. dⁿobrô, smutnô. Но какой аналогіей объяснить появленіе -m въ иныхъ говорахъ въ формахъ acc. s. f. прилагательныхъ и 3 pl. pr.? Фонетически переходъ отъ ǫ къ om въ концѣ слова не представляетъ ничего невозможнаго: губное округленіе при окончаніи артикуляціи ǫ легко переходитъ въ губной затворъ и легкій губной взрывъ; такое конечное ǫ съ легкимъ губнымъ взрывомъ датируется относительно бржезиньскаго говора написаніями: dobrǫᵐ, starǫᵐ, mnǫᵐ, рядомъ съ которыми впрочемъ на-

ходимъ также nogǫ, rękǫ и s flaskom, s pomocom Rozpr. VIII, 196—197. Въ Закопанахъ: kupiǫ^{m} при kupóm Rozpr. X, 176 с.; въ Sromowcach Wyżnich: śpywajǫm Mat. i prace I 1, 57 с. Въ области великопольскаго нарѣчія — въ рыпиньскомъ уѣздѣ плоцкой губ. г. А. Петровъ отмѣчаетъ ǫm изъ ǫ: rękǫm Zbiór II, 5 с.

Конечной стадіей этого развитія ǫ въ концѣ слова: ǫ—ǫ^{m} -ǫm — является -om. Переходъ отъ ǫ^{m} къ ǫm, съ полнымъ образованіемъ губного взрыва, могъ произойти при передачѣ данныхъ сочетаній отъ одного поколѣнія другому. Измѣненіе же ǫm въ om могло быть связано съ подъемомъ артикуляціи, хотя изслѣдователи пишутъ обычно om, только у Крыньскаго относительно закопаньскаго говора находимъ sóm, kupióm Rozpr. X, 176 с., у Лецѣевскаго относительно Мѣйской Гурки -um Rozpr. IX, 126 с., и какъ увидимъ ниже, подъемъ артикуляціи имѣетъ мѣсто и въ свaжендзскомъ говорѣ.

Внутри словъ этого подъема не находимъ лишь въ литературномъ языкѣ, но въ діалектахъ обычно наблюдается измѣненіе o, e въ направленіи къ u, i или полное совпаденіе съ ними.

Въ положеніи носовыхъ ǫ, ę предъ согласными губными p, b, зубными t, d и средне-нёбными k, g, при нѣкоторомъ продленіи носового отвора, возникаютъ соотвѣтствующіе носовые согласные: предъ p, b губной m, предъ t, d — зубной n, предъ k, g средне-нёбный ŋ. Это явленіе наблюдается и въ литературномъ языкѣ Mat. i prace I 1, 104 с. Ср. то же въ кашубскомъ Bronisch 16 с. Далѣе, въ связи съ подъемомъ артикуляціи стоитъ постепенный переходъ получившихся такимъ образомъ сочетаній: ęmp, ǫmp, ęnt, ǫnt, ęŋk, ǫŋk и т. д. въ сочетанія ump, ump, unt, unt, uŋk, uŋk; отдѣльные говоры (или по крайней мѣрѣ ихъ изслѣдователи) датируютъ различные моменты этого процесса.

Въ нѣкоторыхъ изслѣдованіяхъ и текстахъ находимъ написанія, которыя врядъ ли передаютъ факты живого народнаго языка: такъ изслѣдователь зебржидовскаго говора, г. Bieła пишетъ: bǫbén, dębu, dęty, gęba, jęk, trǫba, bǫbel Rozpr. IX,

165—167 сс.; г. Siewerуn Udzieła въ текстахъ изъ Ропчицъ: świętęgo, wstępuje Zbiór X, 115—117 сс.; проф. Kopiernicki въ пѣсняхъ горалей: rąbać, cielętom, gęby Zbiór XII, 122—123 сс.; послѣдній выдаетъ себя написаніемъ rombanicka = siekiera и общей непослѣдовательностью своего правописанія.

Состоянію литературнаго языка болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ показанія г. Dobrzyckiego относительно говора Крженцина, г. Zawilińskiego относительно бржезиньскаго говора, г. Wojciecha Jańczégo относительно говора Sromowiec Wyżnich: въ Крженцинѣ: dǫᵐb, dęᵐba, řǫⁿd, pręⁿta Rozpr. II ser. XI, 343 с. въ бржезиньскомъ smęⁿtek, trǫᵐba, kǫⁿtek, gęᵐba, zęᵐby Rozpr. VIII, 197 с.; въ Сромовцахъ: smęⁿtek, skǫᵐpstfo, zapřǫɒgać, но kǫęᵐpko Mater. i prace I 1, 57 с.; г. Łoś для опочиньскаго говора датуетъ: ę, ęⁿ, ęn, en, ė, ėⁿ, į, įɒ изъ одного ę предъ зубными или гортанными и аналогичное разнообразіе звуковъ и сочетаній изъ ǫ Rozpr. XI, 158—162 сс. Насколько всѣ эти варіаціи существуютъ въ дѣйствительности въ одномъ и томъ же говорѣ, въ народномъ произношеніи, затрудняюсь рѣшить. Такое же разнообразіе находимъ въ характеристикѣ силезскихъ говоровъ L. Malinowskiego Rozpr. IX, 265 с.

Конечная стадія въ процессѣ развитія носовыхъ, — исчезновеніе носового отвора въ моментъ артикуляціи гласнаго, отражается въ пышницкомъ говорѣ, описанномъ г. Blatt'омъ, страдомскомъ (г. Witanowski), въ велюньскомъ (г. Grajnert); въ Пышницѣ: demba, bende, śventa, dźećontko Rozpr. II s. V, 378—379 сс.; въ страдомскомъ: majontku, gołombek Zbiór XVII, 55—56 с. и др., въ Wieluniu: uglonda, zkondby Zbiór IV, 194 с. Остается лишь неувѣренность, точно ли сочетанія em, en, om, on (изъ ę, ǫ) въ чисто-народномъ, чуждомъ вліянія школы, произношеніи не представляютъ въ гласныхъ o, e измѣненія въ направленіи къ u, i: г. Witanowski пишетъ pinkná'ś 55 с. Тотъ же подъемъ артикуляціи гласныхъ o, e въ данныхъ сочетаніяхъ датируютъ варіанты г. Лося: ė, įⁿ, į, in, ǫ, примѣры изъ говоровъ прусскихъ мазуровъ г. Sembrzyckiego: rinkie, binde Wisła

III, 82 c.; примѣры, какъ «pikny» г. Ciszewskiego изъ Sławkowa Zbiór X, 211 c.; dróng, łónka г. Grzegorzewicza изъ Прашницы Spraw. V, 81 c.; zèmby, gèmba, swènty, rumbać, dump, welbrunt (=wielbląd) въ Мѣйской Гуркѣ Rozpr. X, 125—126 cc.

Для хронологіи указанныхъ явленій небезынтересно, что въ нѣкоторыхъ памятникахъ XVI в. при общей непослѣдовательности правописанія носовыхъ невольно бросается въ глаза *особенно частое* употребленіе сочетанія en вм. ę предъ зубными: poczento, urzendu и т. п.; предъ губными — am, em: gamby, potempyl. см. въ статьѣ L. Malinowskiego «Sliady dyjalektyczne w oznaczeniu samogłosek nosowych.... etc.» Rozpr. VII т. По отношенію къ переходу группъ ęd, ęk въ группы — end, eŋk, слѣдуетъ оговорить нѣкоторые частные случаи. Изъ формъ będę, będą фонетически ожидали бы bende, bendǫ (bendo, bendom), такъ-же какъ изъ będzie — beńdźe. Дѣйствительно, въ прашницкомъ говорѣ Grzegorzewicz отмѣчаетъ: beńdźe Spraw. V, 81 c.; Witanowski въ страдомскомъ говорѣ — bendzie Zbiór XVII, 55 c.; проф. Kopiernicki у горалей bende Zbiór XII, г. Blatt въ Пышницѣ bende Rozpr. II s. V 378 c. Но при этомъ во многихъ говорахъ находимъ bede— bed͡źie—bedǫ или byde (béde)—byd͡źe (béd͡źe)— bydǫ (bédǫ): въ Sławkowie bedzie Zbiór X, 211 c , въ прашницкомъ говорѣ при «beńdzie» — bede, bedo 3 pl. 81 c. въ Закопанахъ Rozpr. X, 176 — bedzie, въ писаржовицкомъ говорѣ Spraw. IV, 8 c. bede и byde, въ страдомскомъ при bendziemy — bedzies bedom, bede, bedzie c. 54, 55 и др. Zbiór XVII, въ Wieluniu (Grajnert), bédzie Zbiór IV, 195 c., у горалей, при bende — bede, bedzie, въ зебржидовскомъ говорѣ bede — bedziesz Rozpr. IX 166 c., въ говорѣ Miejskej Górki bède, bèdzieš и т. д. Rozpr. IX, 146 c. Принимать эти формы за фонетическія трудно: ęd во всѣхъ говорахъ дало end, и n въ данномъ сочетаніи не исчезло ни въ какомъ другомъ словѣ. Мнѣ кажется, что bédzie г. Grajnert'a и bède, bèdzieš и т. д. въ книгѣ г. Лецѣевскаго обозначаютъ лишь bydzie, byde, bydźeš и т. д.; тексты г. Grajnerta вообще не отличаются обозначеніемъ фонетическихъ тонкостей, а è г. Лецѣевскаго, быть можетъ, основано на извѣстномъ пониманіи факта. Формы byde, bydziesz и т. д., вѣроятно, возникли подъ вліяніемъ формъ być, był, była, było, byli, а формы bede, bedźeš и т. д. представляютъ контаминацію литературнаго będe и т. д. или фонетическаго bende и т. д. и аналогичныхъ byde, bydźeš и т. д.

На мѣстѣ литературнаго польскаго piękny находимъ въ говорахъ pękny—pikny: piekny въ Закопанахъ Rozpr. X, 178 c.; pieknie у горалей Zbiór XII, 121 c., pękny въ силезскихъ говорахъ Rozpr. IX, въ зебржидовскомъ Rozpr. IX, 165 c., Крженцинѣ; наоборотъ, въ Страдомѣ: «pinkne, pinknaś» Zbiór XVII, 55 c. Въ формахъ pękny — pikny, по мнѣнію проф. Розвадовскаго, «сохраненъ чистый гласный» (т. е. первоначальный) Mat. i prace I 1, 57 c. Возможно и такое пониманіе: ср. верхне-луж. pjekny. Но тѣ же формы могли получиться и изъ pęŋkny, pikny путемъ упрощенія группы — ŋkn. Встрѣчающееся въ цѣломъ рядѣ говоровъ mentki (или mętki) = mękі зебржид. Rozpr. IX, 165, опочиньскомъ Rozpr. XI, 158—162 и др. могло возникнуть, какъ думалъ Аппель, подъ вліяніемъ сближенія съ корнемъ męt въ mąść — mętosić. P. Фил. В. IV (1880) 267 c.

По поводу судьбы носовыхъ вообще въ положеніи предъ нёбными k, g должно замѣтить, что многіе изслѣдователи польскихъ говоровъ вообще не различаютъ нёбный ɔ̃ и зубной n и, употребляя написанія menka, monka (г. Blatt о пышницкомъ говорѣ Rozpr. II s. V, 379 с.), rinkie (Sembrzycki о говорахъ прусскихъ мазуровъ Wisła III, 82 с.), łónka, dróng (г. Grzegorzewicz о прашницкомъ говорѣ Spraw. V, 81 с.) и т. п., не оговариваютъ опредѣленно значенія знака n. Между тѣмъ, возможно, что въ нѣкоторыхъ говорахъ на мѣстѣ ɔ̃ явилось n, основанное на неточномъ акустическомъ воспріятіи со стороны новаго поколѣнія первоначально нёбнаго носового взрыва ɔ̃ («звуковая мѣна» — springender Lautwechsel).

Въ Сваженздѣ я слышалъ отъ крестьянки изъ Września: d͡źiŋkuje съ зубнымъ n. Нёбное ɔ̃ въ положеніи предъ k, g изъ ę—ǫ отмѣчено напр. г. Лосемъ въ опочиньскомъ говорѣ: dzi̯ŋ̊kovać, li̯ŋ̊kać śe, г. Janczym въ Sromowcach Wyżnich: zapr̥ǫ̃gać, śǫ̃gać Mater i prace I 1, 57 с.; тоже ɔ̃ можно подозрѣвать и въ говорѣ Мѣйской Гурки: пиша stę̃ga, г. Leciejewski прибавляетъ: «почти styŋga», пишетъ muŋka, łuŋka и однако замѣчаетъ «przed gardłowymi ǫ brzmi nieco nosowo» Rozpr. IX, 126—127 с.; дѣйствительно, акустическое впечатлѣніе, производимое группами oɔ̃k — eɔ̃g очень близко къ таковому при группахъ ǫk — ęg.

Въ положеніи предъ спирантами s, z, š, ž, ch и палатальными ś, ź подъемъ артикуляціи носовыхъ и передвиженіе носового отвора во времени чисто фонетическимъ путемъ приводитъ къ измѣненію ę — ǫ въ направленіи къ y̨ (i̯) — ų и утратѣ носового резонанса: группы ęs — ǫs, ęz — ǫz и т. д. измѣняются въ направленіи къ ys (is) — us, yz (iz) — uz и т. д.

Въ литературномъ языкѣ подъемъ артикуляціи отсутствуетъ, и въ связи съ этимъ носовой резонансъ сохраняется Mat. iprace I 1, 104 с. Кромѣ того проф. Розвадовскій замѣчаетъ разницу въ судьбѣ носовыхъ предъ глухими спирантами s, ś, š, ch и предъ звучными ź, z, ž: предъ послѣдними онъ слышитъ еще слабое

n, ń, ɔ послѣ носового ibid. Такъ какъ по мѣсту образованія первый рядъ согласныхъ отъ второго не отличается, то не видно фонетической основы появленія этихъ n, ń, ɔ; быть можетъ, они появились въ говорѣ, какъ результатъ неточнаго акустическаго впечатлѣнія, возникающаго подъ вліяніемъ звучности слѣдующаго согласнаго.

Нѣкоторые изслѣдователи датируютъ такое явленіе и для народныхъ говоровъ, но обычно въ одинаковой мѣрѣ, какъ предъ звучными, такъ и предъ глухими спирантами: такъ Кольбергъ отмѣчаетъ въ великопольскихъ говорахъ gołunzka, но и gunska Zbiór I, 9 c.; въ пышницкомъ говорѣ (г. Blatt) — ćonza, но и genś Rozpr. II s. V, 378—379 c., въ Wieluniu (г. Grajnert) uvionzał и szczęnśliwie Zbiór IV, 185 c. Въ Сваженджѣ (ср. ниже) — лишь въ одномъ словѣ: vęńźeńe.

Исчезновеніе носового резонанса въ ę — ǫ предъ указанными спирантами, глухими и звучными, датируется слѣдующими фактами отдѣльныхъ говоровъ: въ оппельнскомъ—ńesceśće, sceślivi (L. Malinowski 25 c.); sceśce, zavozać въ силезскихъ говорахъ Rozpr. IX, 264—265 cc.; «ḿyso» въ говорѣ Sromowiec Wyżnich Mat. i prace I 1, 57; «miyso» въ Sławkowie Zbiór X, 211 c. ср. «ḿenso» въ прашницкомъ говорѣ Spraw. V, 81 c. Въ послѣднемъ словѣ потеря ринезма соединена съ подъемомъ артикуляціи т. е. переходомъ e въ i: ср. въ этомъ отношеніи — mosizny въ опочиньскомъ говорѣ Rozpr. XI, 160 c.; «vǫs, kǫsek» (ǫ = o носовое) въ силезскихъ говорахъ Rozpr. IX, 264 c., вышеприведенные примѣры Кольберга golunzka, gunska. Лучшую иллюстрацію связи того и другого процесса: подъема артикуляціи и уничтоженія отвора въ носовую полость представляютъ факты говора Miejskiéj Górki: ḿès$_{n}$o, jèzyk, mèšćyzna, ẁèźeńe, kusek, dusać śe, powusło, kśuże, wusy, ẁuzać, muż, guśe и т. п. Rozpr. IX, 126—127 cc. По мнѣнію г. Лецѣевскаго ibid., въ этихъ примѣрахъ n ассимилировалось слѣдующимъ согласнымъ и выпало. Но, конечно, предположеніе здѣсь n не имѣетъ никакого основанія; измѣненіе e, o въ y (i), и затрудняло образованіе отвора въ

носовую полость, одновременное съ артикуляціей гласныхъ, и онъ исчезъ.

Особо стоитъ слово somśad, sómśad, sumśad, которое находимъ въ цѣломъ рядѣ говоровъ: прашницкомъ Spraw. V, 81 с.; пышницкомъ Rozpr. II s. V, 379 с. и другихъ. Вѣроятно, m явилось подъ вліяніемъ какого либо сближенія съ инымъ словомъ.

Въ положеніи носовыхъ гласныхъ предъ зубными аффрикатами dz, c, dź, ć, č судьба ихъ—та же, что и въ положеніи предъ мгновенными зубными d, t: возникаетъ зубной взрывъ при отворѣ въ носовую полость, а во время артикуляціи гласныхъ этотъ отворъ исчезаетъ. Проф. Розвадовскій характеризуетъ литературное произношеніе группъ ę, ǫ + dz, c, dź, ć, č написаніями: pęńdźić, pęnćïna (съ твердымъ n), męɒčyć, poɒček, т. е. предъ č — взрывъ нёбный носовой.

Является ли ɒ предъ č и въ народныхъ говорахъ, трудно рѣшить въ виду имѣющихся у насъ данныхъ: большинство изслѣдователей вообще не различаетъ n и ɒ, тамъ же, гдѣ это различеніе находимъ, имѣемъ дѣло съ говорами мазурскими, замѣняющими č чрезъ c; таковъ говоръ Sromowiec Wyżnich (gorǫⁿcsy, paj̨ǫⁿcęna Mater. i prace I 1, 57 c.) и говоръ опочиньскій (břęⁿcyć Rozpr. XI, 160 c.). Въ Сважендзѣ — n. Предъ c, dz, ć, dź находимъ ęn, ǫn (ęń), (ǫń) въ силезскихъ говорахъ: v́ęncej, kśęndza, do kvitńęńcaⁿ Rozpr. IX, 263 c., въ оппельнскомъ ṕę́ńćoro «Ueber die oppeln. M.», 20, въ Sromowcach — skrǫⁿcać, zapǫⁿdzać, ṕęⁿć, lecęⁿcy, lezęⁿcy, ḿęⁿdzy Mater. i prace I 1, 57 c.; въ бржезиньскомъ говорѣ sǫⁿdźić Rozpr. VIII, 197 c., въ Wieluniu — więnc Zbiór IV, 194 c. Относительно силезскихъ говоровъ находимъ при этомъ указанія, что параллельно возникновенію переходнаго носового согласнаго идетъ измѣненіе носовыхъ гласныхъ въ направленіи къ y̨ (į), ų: въ положеніи предъ указанными зубными аффрикатами находимъ у L. Malinowskiego также ę́n, ę́ń; тоже въ опочиньскомъ говорѣ Rozpr. XI, 160 c.: prę́ⁿdza, pį́ⁿć, dźesį́ńć. Рядомъ съ послѣдними формами въ томъ же говорѣ находимъ у г. Łos'я и примѣры, датирующіе конечную стадію про-

цесса: paminć, vincy, zinć; тоже въ иныхъ говорахъ: «ksiyndza» у г. Ciszewskiego въ говорѣ Славкова Zbiór X, 211 с., «pjinć» въ говорахъ прусскихъ мазуровъ Wisła III, 82 с., zamknunć и т. п. въ говорѣ Miejskéj Górki Rozpr. IX, 126 с. Для меня неясно значеніе такихъ написаній, гдѣ носовой резонансъ гласнаго исчезъ безъ подъема артикуляціи: обозначаютъ ли примѣры, какъ: do kśendza, у г. Лося рядомъ съ paminć и т. п. факты самостоятельнаго фонетическаго развитія или результатъ школьнаго вліянія на народную рѣчь; тотъ же вопросъ является по отношенію «piniondze, ksionc, miesionc» у г. Ciszewskiego рядомъ съ «ksiyndza» и «miyso», по отношенію ṕeńendze у г. Grzegorzewicza рядомъ съ dróng, lónka, zdónzyły Spraw. V, 81 с.,— pińendzy, sceńściá, umencyli у г. Witanowskiego рядомъ съ piknie, pinknie, śwínty Zbiór XVIII, 49, 53, 55 сс. — dźeśenć, jencḿenisko, ćeknonć, zmáznońć, hulnonc, lezoncych у г. Blatta Rozpr. II s. V, 378—379 сс.

Въ формахъ infinitiv'ныхъ на -nąć рядомъ съ (-onc) -unc находимъ порой въ одномъ и томъ же говорѣ -oc: у г. Blatta capnoc, cknoc; въ противоположность пышницкому jencḿenisko у г. Dobrzyckiego (Krzęcin) находимъ jescḿeń Rozpr. II s. XI, 1898 г., 44 с. Послѣдній примѣръ, весьма вѣроятно, представляетъ упрощеніе звуковой группы -ncm; быть можетъ и -noc (-nuc-) — вторичное явленіе: изъ nonc (nunc).

Въ положеніи предъ ł, l носовой резонансъ, по свидѣтельству проф. Розвадовскаго, исчезаетъ въ произношеніи образованныхъ классовъ общества: začoụ = zaczął, začeụa = zaczęła, začeli = zaczęli Mat. i prace I 1, 104—105.

Въ народныхъ говорахъ находимъ съ одной стороны формы, аналогичныя формамъ, приведеннымъ проф. Розвадовскимъ, съ другой стороны формы совершенно иного типа, какъ — wźon (wźun) — wźena — wźeno — wźeni; ср. тоже въ кашубскомъ Bronisch 16 с.

ср. въ Стонавкѣ—vźón, vźena, vźeno, vźeni Rozpr. XII, 25 с.; въ силезскихъ говорахъ pŕyjeni, vźǫ̨n и vźóna Rozpr. IX, 263; въ прашницкомъ говорѣ: kopnéła, minéła, stanćły и — odjon, wźon, zacon, wyjeni, ćena (= cięła), dźwignonem Spraw. V, 81 с.; въ оппельнскомъ говорѣ — viṅuụ = viṅǫł «Ueber d. oppeln. M.» 25, въ Сромовцахъ vźǫ̨n, vźęna и zginoụ, zginyụa, stanyụo Mat. iprace I 1, 57 с.;

въ Крженцинѣ kŕyknéli, minéųy Rozpr. XI, II s. 343—344 cc., у горалей zacón, wzión Rozpr. III, 360 c.; въ Пышницѣ vsuneli śe, staneli Rozpr. II s. V, 378 c.; въ бржезиньскомъ говорѣ vźón, vźena Rozpr. VIII, 197 c.; въ Мѣйской Гуркѣ wźun, klun и stanuł, ćugnuł, drapnuł Rozpr. IX, 135 c.

Несомнѣнно, что формы zginóų или zginuų, zginéła или zginuła и т. п., гдѣ носовой резонансъ утраченъ предъ ł, являются фонетическими; зубной взрывъ предъ ł, образующимся суженіемъ нёбнымъ и губнымъ, неестественъ; съ подъемомъ артикуляціи въ направленіи къ u, y—ǫ и ę теряли носовой резонансъ; наоборотъ, въ формѣ множественнаго числа przyjęli и т. п. въ положеніи предъ мягкимъ l зубно-носовой взрывъ могъ легко возникнуть: и дѣйствительно, L. Malinowski отмѣчаетъ въ силезскихъ говорахъ рядомъ съ přyjeńi и přyjenli. Формы kŕykneli, začeli скорѣе получились путемъ аналогіи формъ kŕyknela, začeła, чѣмъ путемъ фонетическимъ.

Обратно, n въ формахъ wźun, wźena, wźeno или začun, začena, začeno могло возникнуть лишь подъ вліяніемъ формы wźenli, začenli; получившаяся такимъ путемъ форма wźónł, začónł фонетически измѣнялось въ wźón, začón, какъ umarł измѣнялось въ umar, szedł въ šet и т. п. Возникли ли формы wźena, wźeno изъ wźenła, wźenło непосредственно или подъ вліяніемъ wźón, а также,— явилось ли wźeni подъ тѣмъ же вліяніемъ или фонетически изъ wźenli, не рѣшаю; вліяніе аналогіи мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ. Что касается выше приведенной формы vźǫn въ силезскихъ говорахъ у L. Malinowskiego и Ф.Ф. vźǫn, vźęna въ Сромовцахъ, то онѣ не имѣютъ значенія въ вопросѣ, въ виду широкаго развитія секундарнаго ринезма, какъ въ силезскихъ говорахъ, характеризованныхъ L. Malinowskim, такъ и въ Сромовцахъ: ср. въ послѣднемъ говорѣ dǫm изъ dom; strǫna изъ strona; sęn изъ sen Mat. i prace I 1, 58 c.

Обособленное положеніе среди говоровъ польскихъ занимаетъ лясовскій говоръ, описанный г. Матусякомъ въ Rozpr. VIII, Arch. V: здѣсь ǫ и ę измѣнились въ гласные ô и ê, утративъ носовой резонансъ, во всѣхъ положеніяхъ: bôbel; vôǵel, vôs, kôpać śe, môka, dôb, gêśe, vêkse и т. д.

Для полноты обзора слѣдуетъ упомянуть о касиньскомъ говорѣ, описанномъ L. Malinowskim въ Rozpr. VIII: здѣсь также находимъ нѣкоторыя изъ описанныхъ выше явленій, какъ ḿéso, ṕékny; но оригинальную черту говора представляетъ ǫ на мѣстѣ ę другихъ говоровъ: cǫść, dźev́ǫć, gr̆ǫda, ḿǫki, ćozki и т. п.,—явленіе несомнѣнно позднее, какъ и признаетъ L. Malinowski 248 с.: этотъ процессъ захватываетъ и старое е въ положеніи его предъ носовыми согласными: plemę > plǫḿǫ.

Обращаюсь къ сважендзскому говору.

Въ концѣ слова ę потеряло носовой резонансъ, изъ ǫ развилось сочетаніе om; гласный о въ этомъ сочетаніи является бо́льшею частью въ неударяемомъ слогѣ и потому акустически неясенъ; его можно опредѣлить, какъ о, склонное къ u; подъ удареніемъ слышится — um. Примѣры: d͡źivče, cołkom źime acc. s., pore acc. s. f. = parę; dobrom płate acc. s. wode, igle acc. s. f., ide, moge, bode 1 s. pr.; vodom, kavom, vudkom instr. s. f., kolacyjom acc. s. f.; godajom, pišom, (žaby) rechcom, pujdom, jedzom, śejom, muv́om, zroḃom, žyjom, boľom, mogom, d͡zvuńom и т. п., ńe chcum, sum 3 pl. z ńum instr. s. f.

Внутри слова, въ положеніи предъ зубными d, t—ę измѣнилось въ сочетаніе — чистый гласный + n; гласный этотъ колеблется между е, склоннымъ къ у, и вполнѣ яснымъ у: такъ отъ одного и того же лица слышалъ я ve^{y}nda, ve^{y}ndrovać, pe^{y}ntel, pe^{y}ntlina, nade^{y}nty, zakle^{i}nty, ḿe^{i}nta, ṕe^{i}nta и pryntko, žyndym = rzędem, d͡źevčynta, zv́ežynta, nadynty, zaklinty, pacholinta.

ǫ + d, t измѣнилось въ o^{u}nt или unt: vo^{u}ntka, mo^{u}ntnou̯ voda, ṕo^{u}ntek, d͡źev́o^{u}ntyj, d͡źeśo^{u}ntyj, žo^{u}ndać, mo^{u}ndry или žałundek, vuntka, vuntroba, velbrunt, kluntva. Можно слышать также параллели съ on, en, но онѣ безспорно, стоятъ подъ вліяніемъ литературнаго языка: такъ говорятъ напр. крестьяне съ чужимъ человѣкомъ «po pańsku»; въ этомъ случаѣ можно слышать и bende. Главный объектъ моихъ наблюденій, крестьянка Михалина Скржипчакъ на вопросъ, почему она раньше говорила bende, въ послѣдній же разъ «byde», объяснила, что «bende» —

po pańsku, a byde — «po chłopsku»; дальнѣйшія мои наблюденія подтвердили справедливость этого объясненія. Такимъ образомъ, народная парадигма вспомогат. глагола будущаго вр. имѣетъ въ Сважендзѣ видъ: byde, bydźeš, bydźe, bydźemy, bydźeće, bydom; отъ одного старика, близкаго къ книгѣ, слышалъ я и bedc, bedźeš и т. д. Предъ губными p, b—ǫ, ę даютъ сочетаніе: гласный, въ акустическомъ впечатлѣніи колеблющійся между $e^{ɤ}$ ($'e^{i}$) и y (i); o^{n} и u, + губной носовой m: $pe^{ɤ}mpek$, $ze^{ɤ}mby$, $ge^{ɤ}mby$, $do^{n}mp$, $zo^{n}mp$, $zo^{n}mpki$ или gymba, dymbovy, ǫotrymbi, symp (= sęp), źimba, pšeźimbić še, vymborek, trumba, rumbać, kumpać śe, skumpyj, jažumbek, jastšump. Предъ средне-нёбнымъ k, g—ǫ, ę измѣнились въ сочетанія $o^{n}ɒ$ — uɒ, $e^{ɤ}ɒ$ — yɒ: $me^{ɤ}ɒka$, $re^{ɤ}ɒka$, $pe^{ɤ}ɒknunć$, $te^{ɤ}ɒgoǫ$ n. s. f., $ẏe^{i}ɒkśyj$, $će^{i}ɒǵim$, $mo^{u}ɒka$, pšyćo^{n}ɒgłam или $vyɒǵel$, ćiɒǵim, tyɒǵi, dźviɒk, vyɒguš (= węgorz), choruɒǵef, łuɒka; ḿiɒki.

Форма ṕikny является при ṕiɒkny.

Предъ спирантомъ ch ясна тенденція исчезновенія носового резонанса: отъ главнаго объекта моихъ наблюденій я слышалъ vęch (ę=$ę^{ɤ}$); pęchyš (=$pę^{ɤ}$chyš), pychyš и въ другой разъ вполнѣ отчетливо pychyš; тоже колебаніе — и у другихъ лицъ.

Предъ s, š — ǫ, ę сохраняютъ носовой резонансъ, но измѣняются въ направленіи къ ų, $y_{ę}$ (į): vǫski (= $vǫ^{n}$ski); gǫśur; dǫsoǫ, vǫsy; vǫśuna (гусеница); męski (= $mę^{ɤ}$ski); gęśi; gęśorka; также предъ группой ść: część; vźǫść; mǫš (=$mǫ^{n}$š т. е. mąż); kśǫška, vstǫški; носовой резонансъ исчезъ въ трехъ словахъ: ḿiso (или ḿe^{i}so), ščeśće рядомъ съ ščęśće, $me^{ɤ}$ščyzna или myščizna.

Слово sąsiad такъ же, какъ и въ другихъ говорахъ, — въ формѣ sumśot.

Что касается соотвѣтствующихъ звучныхъ спирантовъ z, ź, ž, то предъ ž судьба ǫ — ę въ Сважендзѣ та же, что и предъ š: kśęžyc съ ę = $ę^{i}$, ćęžor; предъ z я слышалъ также ǫ, ę: ẃǫzać, język; предъ ź—ę и $ę^{n'}$: рядомъ съ jęźoro, gałęźe, отчетливо — ẃę^{n}źeńe.

Предъ аффрикатами c, ć, dz, dź, č находимъ то же, что и предъ зубными мгновенными d, t: re^{y}nce, ṕe^{i}ńć, d͡źeśe^{i}ńć, źe^{i}ńć, v́e^{i}ncej, v́e^{i}nc, che^{y}ńć, kre^{y}ńćić, ṕeče^{y}ńć, zajo^{u}nc, mośo^{u}nc (= mośądz), zaṕo^{u}ńć, schno^{u}ńć, kśo^{u}nc или ḿeśunc, buńć (= bǫdź), zmažnuńć, zamknuńć, vetknuńć, rynce, ṕińć.

se^{y}ńdźa, pe^{y}ńdźiłam, ke^{y}ńdźur, ṕeńo^{u}nd͡ze и pynd͡zel (кисточка), žołyńd͡źe, nynd͡za.

je^{i}nčmeń, pe^{y}nčok (= pęczak — сортъ крупы)), me^{y}nčyć или jinčmeń, pynčok.

Предъ ł, l находимъ фонетическія формы: zǵinuu̯, zǵinyła, zǵinyło, ćo^{u}ɒgnuu̯, ćo^{u}ɒgnyła, ćo^{u}ɒgnyło и т. п. и нефонетическія: vźun, vźena, vźeno, vźeni и т. п.

---

5. Польскіе рефлексы об.-слов. сочетаній or, ol, er, el + согл.

Изъ общесловянскихъ сочетаній *or, *ol, *er, *el въ положеніи предъ согласнымъ въ польскомъ языкѣ получились группы ro, ło, re, le съ открытымъ или наклоненнымъ гласнымъ (ró, łó, ré, lé), въ началѣ же слова при ro, ło находимъ и ra, ła (ramię, rataj, łaknąć).

По мнѣнію проф. Tore Tornbiörnsson'a, польскія ro, ło получились непосредственно изъ *r̥o, *l̥o, которыя уже въ об.-сл. эпоху явились на мѣстѣ первоначальныхъ *or, *ol «Die gemeinslavische Liquidametathese». Upsala 1902. Нѣкоторымъ затрудненіемъ при обоснованіи этой гипотезы являются малорусскія полногласныя формы, въ которыхъ въ большинствѣ случаевъ второе о не подвергается замѣстительному удлиненію и тѣмъ выдаетъ свое позднее происхожденіе. Проф. Tore Tornbiörnsson стремится устранить это затрудненіе двоякимъ предположеніемъ: или удлиненіе bobъ > bōbъ предшествовало об.-слов. перестановкѣ gordъ > gr̥odъ, или перестановка была болѣе раннимъ фактомъ, но о въ r̥o не подвергалось удлиненію въ виду особаго положенія: въ сочетаніи съ r̥ 25 с. Первое предположеніе во всякомъ случаѣ должно быть отвергнуто, такъ какъ у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ отодвигать малорусское удлиненіе bobъ — bōbъ въ об.-сл. эпоху. (Къ этому вопросу вернусь ниже). Далѣе извѣстныя затрудненія представляютъ также полабскія и кашубскія сочетанія or ar. Относительно полабскаго и кашубскаго or проф. Tore Tornbiörnsson защищаетъ (В. В. XX, 135 с.) позицію проф. Потебни (къ ист. звук. I, 149): полаб-

*

ское or — позднее изъ r̥o, которое представляетъ общезападно-словянскую перестановку; «.... polab. gord aus *grodъ und dies aus *gord hervorgegangen ist. Das kaš. gard ist aus denselben Gründen ebenso zu erklären». Die gemeinslav. L. — Metathese 20 c. «Dasselbe Verhältniss finden wir in der dem polabischen nahe stehenden kašubischen Sprache, die — or oder — ar = vorslav. — or hat». B. B. 135 c. прим. Подробнѣе проф. Torc T. не выясняетъ процесса, какимъ кашубское ar получилось изъ об.-сл. *r̥o. Возможны два представленія: или о въ сочетаніи *r̥o получило удлиненіе еще въ об.-слов. эпоху и затѣмъ послѣдовала перестановка, или же, наоборотъ, перестановка предшествовала удлиненію. Въ первомъ случаѣ удлиненіе о въ ā естественно было бы связано съ измѣненіемъ r̥ въ r т. е. пришлось бы предположить для кашубскаго ступень, которую прошли, по мнѣнію самого автора, чешскій и южно-словянскіе языки: *r̥o > ra (см. 15 с. книги); но тогда уничтожается мотивъ спеціально полабско-кашубской перестановки: мотивъ этотъ онъ видитъ именно въ r̥: gradъ = grando не измѣняется въ gardъ. Во второмъ случаѣ: *r̥o > or̥ > ar удлиненіе переносится въ кашубскую эпоху и тогда является непонятнымъ, почему *спеціально кашубское* удлиненіе о дало a; удлиненіе о въ a мы знаемъ лишь въ прасловянскую эпоху; въ кашубскомъ же ō даетъ ò (Ramułt, Бронишъ ō). Если же г. Torc T. предполагаетъ *r̥o > r̥ā (> ar), то ему слѣдовало дать фонетическую мотивировку такого процесса, какъ онъ далъ ее для *r̥o > rā. Итакъ, съ одной стороны въ малорусск. r̥o о не удлиняется, даже при потерѣ количества слѣдующаго слога, — въ виду сочетанія съ r̥; съ другой стороны въ *об.-слов. эпоху діалектически* удлинялось о въ r̥o въ виду того же сочетанія съ r̥? Ср. также Arch. X, 48, XXIV, 568; Изв. VII 2, 305.

Сочетаніе ro, связывая польскій языкъ съ лужицкимъ, отдѣляетъ его съ другой стороны отъ сосѣдней кашубской языковой области, гдѣ формой органической является въ соотвѣтствіи польскому ro — ar (ôr). Что форма — ar — органическая, доказываетъ и сравнительное обиліе примѣровъ (ср. послѣднее сопоставленіе ихъ у Лоренца въ Arch. XXIV, 35 с.), и то обстоятельство, что чередованіе ar — ôr (словинц. кабатк. àr — ȁr) является, повидимому, въ тѣхъ же условіяхъ, что и вообще чередованіе a — ô, — въ зависимости отъ стараго положенія ударенія: ср. напр. у словинцовъ и кабатковъ: sàrka р. сорóка; vàrna р. ворóна и хȁrna, vȁrta р. воротá, bȁrda р. бороздá, bȁrna р. боронá. Тоже чередованіе, повидимому, имѣло мѣсто и въ зависимости отъ звучности или незвучности конечнаго согласнаго съ отпавшимъ послѣ него полугласнымъ: xàrt, словинц. kàrt (хворостъ), màrk (мракъ — морокъ) и mȁrs (морозъ), pȁrx (порогъ).

Об.-сл. *ār (изъ *or съ діалектическимъ удлиненіемъ о), полученное кашубскимъ языкомъ безъ перестановки, при сохраненіи долготы ā давало ôr, при сокращеніи ея ar; позже это ă подвергаясь вторичному удлиненію въ концѣ слова предъ звучными согласными давало ô и въ сочетаніи ar. Если форма ar—ôr органическая, то врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ справедливости мысли проф. Бодуэна де К., что сочетаніе ro проникло въ кашубскій языкъ изъ польскаго: не будучи въ состояніи объяснить себѣ возникновеніе ar изъ ro или r̥o, не понимаю также, какъ могло ar дать ro, какъ sarka могло дать sroka и bārzda (bôrzda) — bròzda; кашубское ò представляетъ всегда удлиненіе первоначальнаго ō.

Мысль, что ro въ кашубскомъ оригинально, не заимствовано—у Микколы Beton. und Quant. 23 с. ro и ar являлись, по его мнѣнію,—«in gewissen Stellungen... es hing von der Tonqualität oder Unbetonheit der betreffenden Silbe ab, ob ursl. or durch—ar oder—ro vertreten wurde». Но факты, у насъ имѣющіеся, не даютъ никакихъ основаній къ такой гипотезѣ; ей противорѣчитъ то обстоятельство, что различіе въ положеніи ударенія отражается въ различіи самыхъ сочетаній — ro и — ar: broda, р. (бородá) бóроду; krova, р. корова; brona, р. (боронá) бóрону; sroka, р. сорóка и bròzda, р. бороздá—бороздý; вышеприведенныя vàrna, sàrka и bā̆řda, vā̆rta. Различіе же качества долготы вообще не оставило никакого слѣда въ кашубскомъ, какъ и въ польскомъ (ср. 2-ую часть изслѣдованія).

То обстоятельство, что на мѣстѣ польскаго ró находимъ rò (Ram., Бронишъ ō — звукъ *долгій*) не мѣшаетъ мысли о заимствованіи этого rò изъ польскаго: заимствованіе могло имѣть мѣсто въ старую эпоху, когда и польское ó еще сохраняло свое количественное отличіе отъ о.

Проф. Брюкнеръ Arch. XXI, 65 с. и XXIII, 232 с. стремился доказать, что польскому языку, какъ и кашубскому было извѣстно сочетаніе — ar изъ об.-сл. *or, въ виду мѣстныхъ названій Charstnica (ср. chróst), Skarbmir (ср. Skrobiszew), Karvin (ср. krowa). Но помимо того, что нѣсколько топографическихъ именъ — основа слишкомъ шаткая — ср. возраженія проф. Зубатаго въ Věstnik'ѣ slov. Starož. IV, 33 с., — проф. Брюкнеръ не объясняетъ намъ ни того, какъ изъ — *ar получилось ro и ró, ни условій этой двойственности, если — ar и ro являлись рядомъ. А между тѣмъ отношенія количественныя, связанныя съ ударе-

ніемъ, къ двойственности ar — ro не могутъ быть пріурочены, такъ какъ отражаются въ различіи ro — ró. Анализъ примѣровъ польскихъ сочетаній ro, ło, re, le и ró, ło, ré, lé обнаруживаетъ, что первый рядъ сочетаній является *въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ первоначально долгіе гласные (a, ě) сокращаются*, второй же рядъ — въ условіяхъ, *при которыхъ первоначальная долгота гласныхъ сохраняется* или же въ такихъ, при которыхъ краткіе гласные получаютъ удлиненіе (см. II часть изслѣдованія).

Оставивъ факты вторичнаго удлиненія въ сторонѣ и принявъ во вниманіе остальныя условія появленія ro, ło, re, le и ró, ło, ré, lé на мѣстѣ об.-сл. *or, *ol, *er, el, мы необходимо должны заключить, что *долгота указанныхъ об.-сл. сочетаній отражалась въ долготѣ гласныхъ o, e* польскихъ сочетаній ro, ło, re, le, т. е. что первоначальными рефлексами разсматриваемыхъ об.-сл. сочетаній въ польскомъ были *rō, *lō, *rē, *lē. Изъ этихъ польскихъ сочетаній при условіяхъ сохраненія долготы получились современныя ró, ło, ré, lé или ru, łu, ri, li, при условіяхъ же сокращенія долготы современныя ro, ło, re, le, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда гласный этихъ сочетаній подвергся вторичному удлиненію.

Судьба означенныхъ сочетаній въ сважендзскомъ говорѣ въ общемъ та же, что и въ другихъ говорахъ и литературномъ языкѣ. Слѣдъ долготы гласнаго въ этихъ сочетаніяхъ является въ видѣ u, i на мѣстѣ o, e: kruľ, struna, bruzda, mliko, struš, bžyk, vrun, vruna, vžut, vruk, pruk, mrus, u̯ogrut, źryb̆ok, vrubel, zdruf, napšut, krutki, pružny, stšyć (стеречь), bruńić, vrućić. tšyć (тереть), vľic. Группа *łō является, въ виду отмѣченной въ 3 главѣ диссимиляціи въ видѣ ły или łuʳ: kłuʳćić, tłuʳc, kłuʳc, młyćić, płuʳkać, płytno, łyć, u̯łyčyć (= vłóczyć), głyvnyj, słyma, dłuʳto.

6. Польскіе рефлексы об.-сл. *ъr̥, *ьr̥, *ъl̥, *ьl̥.

Въ настоящей главѣ имѣются въ виду польскія соотвѣтствія разнообразнымъ сочетаніямъ иныхъ словянскихъ языковъ *между согласными*, какъ русскія ор, ол, ер, ел, чешскія r̥, l̥, er, lu, сербскія r̥, u и т. д.; сочетанія эти гипотетически возводятся къ об.-сл. формулѣ *tъr̥t, tъl̥t, tьr̥t, tьl̥t, со слоговыми r, l и неслоговыми ъ, ь.

Исторія вопроса о данныхъ сочетаніяхъ и обоснованіе формулы tъr̥t, принадлежащей ак. Фортунатову Arch. XI, 569, — въ книгѣ Б. М. Ляпунова «Изслѣдованіе о языкѣ синодальнаго списка 1-й новгородской лѣтописи» 245—253 сс. и въ статьѣ ак. Шахматова о русскомъ полногласіи въ Изв. VII 1, 280 и сл.; въ послѣдней критика формулы проф. Бодуэна де К.: r̥, r̥′, l̥, l̥′, т. е. гипотезы слоговыхъ плавныхъ, твердыхъ и палатальныхъ, безъ неслоговыхъ ъ, ь, принятой и проф. Брандтомъ.

Об.-словянскому *ъr̥ между согласными соотвѣтствуютъ въ польскомъ ar и болѣе рѣдкое ru; об.-сл. *ьr̥ — ′ir, позже измѣнившееся въ ′er, и ar; об.-сл. *ъl̥ — eł, oł, ły, uł; об.-сл. *ьl̥ — eł, il, oł. Попытки объяснить это разнообразіе польскихъ рефлексовъ разсматриваемыхъ об.-сл. сочетаній далъ цѣлый рядъ изслѣдователей. Уже въ Arch. V, 549 ак. Ягичъ сдѣлалъ вѣрное соображеніе, что a въ garb нельзя вести изъ ъ, которое мы находимъ въ иныхъ случаяхъ, такъ какъ такое ъ дало бы e т. е. изъ gъrbъ получилось бы *gierb; въ виду этого польское garb ак. Ягичъ возводитъ къ *gr̥bъ, т. е. исходитъ въ анализѣ разсматриваемыхъ сочетаній различныхъ словянскихъ языковъ изъ «*слабѣйшей ступени* вокализаціи сочетанія muta + e + liquida + muta», ступени, «которая могла или опуститься до чисто слогообразующихъ r̥, l̥ или же остановиться на минимальномъ гласномъ, который можно обозначить какъ «звуковую окраску» плавныхъ r, l».

«Die schwächste Vocalisation konnte, wie uns die heutigen slavischen Sprachen: die serbische, slovenische, bulgarische, böhmische und der slovakische Dialekt dieser letzeren darthun, bis zum rein silbenbildenden l — r herabsinken oder aber bei einem minimalen Vocal, welchen man mit dem Ausdruck «Klangfarbe» der Liquiden l—r bezeichnet, Halt machen».

Соображеніе ак. Ягича осталось безъ всякаго вліянія на появившуюся 2 года спустя статью проф. Брюкнера, посвященную разсматриваемымъ сочетаніямъ, въ Arch. VII, 534 с. проф. Брюкнеръ исходитъ изъ формулы *tъrt, *tъlt, *tьrt, *tьlt, данной І. Шмидтомъ и проф. Лескиномъ въ Arch. III, 702 с. Не отличая ъ, ь въ этой формулѣ отъ ъ, ь въ иныхъ положеніяхъ, проф. Брюкнеръ естественно заключаетъ, что изъ *tъrt въ польскомъ должно было получиться tert, но подъ вліяніемъ слѣдующаго — r — e измѣнилось въ a. Об.-сл. *tъlt, такимъ же образомъ, даетъ tełt, а остальные польскіе рефлексы этого сочетанія проф. Брюкнеръ объясняетъ изъ этого tełt: послѣ зубныхъ e измѣняется въ u, и происходитъ перестановка: напр. dłubać или słuńce, являющееся въ этой формѣ въ Флор. Псалтыри или гнѣзненскихъ отрывкахъ; послѣ губныхъ uł изъ eł остается безъ перестановки: pułk, а въ словѣ mołwić (съ XV в. >mówić) *u* переходитъ въ *o*. Об.-сл. *tьrt даетъ tirt, откуда позже ťert, разъ данная группа находится предъ согласными «гуттуральными», губными или смягченными; въ этомъ случаѣ позднее ′er изъ ir помѣшало, быть можетъ, проф. Брюкнеру быть послѣдовательнымъ: изъ ьr мы ожидали бы ′er, а не ir; въ самомъ дѣлѣ изъ *tьlt въ тѣхъ же условіяхъ проф. Брюкнеръ выводитъ ťelt, которое затѣмъ измѣняется въ tilt: wilk, milczeć. Предъ твердыми зубными *tьlt даетъ tełt (pełny, wełna), причемъ послѣ č, ž — ełt измѣняется въ ołt: żołna, żółty, а сочетаніе *tьrt является въ видѣ ťart и затѣмъ tart: bardo, darn, martwy и т. п. Мягкость сохранена въ źarno, dźarski, ṕardnąć. Этотъ взглядъ на отношеніе формъ, какъ bardo, и формъ, какъ źarno, проф. Брюкнеръ повторилъ позже въ Arch. XII, 294 с.

Изъ тѣхъ же формулъ *tъrt, *tьrt, *tъlt, *tьlt, что и проф. Брюкнеръ, исходилъ нѣсколько позже, въ 1885 г. въ Prace Fil. I, 1 с. и проф. Нерингъ, въ статьѣ, посвященной тому же вопросу. Условія измѣненія *tьrt въ tart и tirt, *tьlt въ tilt и tełt указаны тѣ же, что и у проф. Брюкнера, причемъ отмѣчено тожество ихъ съ условіями измѣненія *ě въ ′a (dědъ — dźad).

Только для tilt изъ *tьlt проф. Нерингъ не предполагаетъ болѣе ранней ступени t́elt и вообще осторожнѣе въ объясненіи различныхъ польскихъ варіантовъ, восходящихъ къ одной праформѣ. Иное освѣщеніе получили разнообразныя польскія формы, разсмотрѣнныя проф. Брюкнеромъ и проф. Нерингомъ, съ точки зрѣнія формулы ак. Фортунатова: *tъ̯̥rt, *tь̯̥rt, *tъ̯̥lt, tь̯̥lt, предложенной имъ въ 1887 году, или съ точки зрѣнія сонантической теоріи, непризнающей при слоговыхъ r̥, l̥ неслоговыхъ гласныхъ. И съ той, и съ другой точки зрѣнія,— оставляя пока въ сторонѣ вопросъ, какая изъ нихъ заслуживаетъ предпочтенія, — становится понятнымъ, отчего мы не находимъ въ польскомъ въ разсматриваемыхъ сочетаніяхъ всюду обычныхъ рефлексовъ ъ и ь, т. е. e и ′e, но разнообразныя группы ar, ir, eł, il, łu, uł, oł; устраняется необходимость выводить, какъ то дѣлалъ проф. Брюкнеръ, ar изъ *er, łu или uł изъ *eł, не удивляетъ сочетаніе ir вм. ожидаемаго ′er. Неслоговой характеръ гласнаго передъ плавнымъ обусловливаетъ его подвижность, крайнюю зависимость отъ окружающей звуковой среды при измѣненіи въ полный гласный въ виду потери плавными r̥ l̥ слогового свойства. Такимъ образомъ, изъ сочетанія *ъ̯̥r̥ получаемъ въ польскомъ ar и рѣже ru, ur (mruczeć, mrugać, burczeć, kurcz), изъ *ъ̯̥l̥ — eł, oł и łu, uł, изъ *ь̯̥r̥ — ir, изъ *ь̯̥l̥ — il. Или, становясь на точку зрѣнія сонантистовъ: изъ *r̥ — ar (ru, ur), изъ *l̥ — eł, łu (ło), изъ *r̥′ — ir, изъ *l̥′ — il.

Проф. Брандтъ «Крат. фон. и морф. п. яз.» 3—4 с. проф. Брандтъ, ведя польское il изъ *l̥′ замѣчаетъ, что непонятными являются при этомъ русскія: волкъ, молчать. Но въ данныхъ формахъ имѣемъ спеціально русское измѣненіе ъ̯̥l̥ въ ъ̯̥l̥ послѣ губныхъ согласныхъ ср. ак. Шахматовъ, Изв. VII 1, 292 с.

Формы съ — ar въ соотвѣтствіи съ *r̥′ съ сонантической точки зрѣнія объясняются тѣмъ, что еще оставаясь слоговымъ, r̥′ измѣнялось предъ твердыми зубными въ r̥ твердое.

Съ точки зрѣнія формулы *ь̯̥r̥ процессъ заключался въ измѣненіи предъ твердыми зубными группы *ь̯̥r̥ въ группу ъ̯̥r̥ ср. ак. Шахматовъ, Изв. VII 1, 280 с.

ак. Фортунатовъ еще въ общеслов. эпохѣ видитъ начало различія въ судьбѣ группы ъ̯р предъ твердыми зубными и остальными согласными: предъ твердыми зубными р̥ л̥ въ сочетаніяхъ *ъ̯л, *ъ̯р сохранились твердыми, предъ незубными измѣнялись въ р̥(ѳ) л̥(ѳ) подъ вліяніемъ предшествующаго ь. Изъ *ъ̯р — ar, ′ar въ польскомъ, изъ *ъ̯р(ѳ) — ir; такимъ же образомъ, eł изъ *ъ̯л при il изъ *ы(ѳ). «Лекціи по фонетикѣ старославянскаго языка» 1888 г., 143—149 сс.

Въ связи съ вопросомъ о происхожденіи польскаго — ar изъ *ъ̯р или р̥′ стоитъ вопросъ, какъ понимать примѣры ziarno, dziarski, piardnąć, гдѣ изъ *ъ̯р или р̥′ имѣемъ — ′ar, а не — ar. Въ противоположность проф. Брюкнеру, считавшему, какъ мы видѣли, польское — ′ar первоначальнымъ сравнительно съ — ar, проф. Бодуэнъ де К. въ статьѣ, посвященной кашубскому вопросу I, 73 с., видѣлъ органическую форму въ польскомъ — ar, въ противоположность кашубскому — ′ar, и объяснялъ польское ziarno вліяніемъ ziernisty или *zirnie dat. loc. s., nom. acc. dual.

проф. Миккола Beton. und Quant. 13 и сл. полагалъ, что объясненіе, данное проф. Бодуэномъ де К. для польскаго — ′ar, вѣрно и для того же сочетанія въ кашубскомъ: органическимъ рефлексомъ *ъ̯р предъ твердыми зубными является и въ польскомъ, и въ кашубскомъ — ar.

Отвѣчая на вопросъ проф. Брюкнера Arch. XXI, 67 с., — на какой аналогіи могло быть основано dziarski, sioren (въ словарѣ Mączyńskiego), — проф. Миккола предполагаетъ въ старопольскомъ *dzirz, хотя и не доказанное, но весьма возможное въ виду кашубскаго: dzīrsci, dzīrzī; что касается sioren=siáren то въ этой формѣ проф. Миккола видитъ контаминацію sarna и *sirn, ср. sarni, sarnię, sarniec.

Эти объясненія проф. Микколы были признаны проф. Брюкнеромъ теоретически возможными, но мало вѣроятными въ виду того, что фактически мы имѣемъ дѣло обыкновенно не съ контаминаціей двухъ формъ, а съ проведеніемъ одной формы по всему склоненію: ср. siostrze при siostra, «слѣд. или zarno, zarnisty

или cierń вм. tarn по аналогіи ciernie, но напрасно мы стали бы искать какого нибудь *ciarn» Arch. XXII, 571 с.

Въ послѣднее время къ пониманію проф. Бодуэна де К. примкнулъ д-ръ Лоренцъ въ Arch. XXIV, 13; 34 сс.; принимая польское — ′ar вмѣстѣ съ проф. Бодуэномъ и проф. Микколой за «компромиссъ», онъ отказывается вмѣстѣ съ послѣднимъ видѣть такой же компромиссъ и въ кашубскомъ — ar: въ словинцскомъ находимъ лишь ′ar (за исключеніемъ zǎ́rno, sàrna, гдѣ ′ar невозможно въ виду общаго отвердѣнія s, z), и вообще формы съ ′ar тѣмъ рѣже въ кашубскомъ, а формы съ — ar тѣмъ чаще, чѣмъ ближе къ юго-востоку, къ польскому языку.

Вопросъ о полабскихъ соотвѣтствіяхъ, также подвергнутыхъ разсмотрѣнію проф. Микколой и др. Лоренцомъ, оставляю въ сторонѣ, за ненадежностью матеріала, на которомъ это разсмотрѣніе основано.

Наконецъ, ак. Шахматовъ высказался также за пониманіе польскаго — ′ar, какъ результата аналогіи образованій, вродѣ ziernisty. Изв. VII 1, 280 и сл. Въ вопросѣ о происхожденіи польскихъ формъ съ ar, ir, eł, il и т. п., ак. Шахматовъ занимаетъ позицію, среднюю между точкой зрѣнія ак. Фортунатова и проф. Бодуэна де К.: онъ признаетъ для общесловянскаго вѣрными формулы *tъ̯rt, *tъ̯lt, *tr̥t, *tl̥t, но принимаетъ общезападно-словянское измѣненіе этихъ сочетаній въ *tr̥t, *tr̥′t, *tl̥t, *tl̥′t и ведетъ польскія формы непосредственно изъ послѣднихъ.

По его мнѣнію, уже въ эпоху общезападно-словянскую неслоговые ъ, ь вообще отпадали и выпадали; таковыми они были, напр., въ открытомъ концѣ слова и въ открытомъ слогѣ внутри слова, въ примѣрахъ, какъ: tъ̯ma, sъ̯na, bratъ̯, которые измѣнились въ tma, sna, brat. Параллельно и *tъ̯r̥gъ измѣнилось въ ту же эпоху въ *tr̥g.

Признавая вмѣстѣ съ ак. Шахматовымъ формулу *tъ̯r̥t болѣе вѣрной, главнымъ образомъ въ виду ст.-слов. ръ, лъ, рь, ль, которыя было бы произвольнымъ принимать за выраженіе r̥, l̥, r̥′, l̥′, также въ виду русскихъ ор, ол, ер, ел, которыя удобнѣе

всего объясняются измѣненіемъ ъr̥, ъl̥, ьr̥, ьl̥ въ ъr, ъl, ьr, ьl со слоговыми ъ, ь,—не вижу достаточныхъ основаній для перенесенія сонантической формулы r̥, r̥′, l̥, l̥′ въ общезападно-словянскую эпоху.

Отнесеніе къ этой эпохѣ выпаденія ъ, ь въ словахъ, какъ bratъ, tьma, sъna, кажется мнѣ и недоказаннымъ, и маловѣроятнымъ (ср. ниже въ 8 гл.). Другихъ же несомнѣнныхъ указаній на измѣненіе *tъr̥t въ обще-зап.-словянскомъ въ *tr̥t въ отдѣльныхъ зап.-слов. языкахъ не нахожу. Не нахожу ихъ въ чешскомъ r̥ въ виду стоящаго рядомъ čer и řu, но еслибы чешскіе рефлексы и восходили именно къ r̥, r̥′, l̥, l̥′, а не къ сочетаніямъ слоговыхъ плавныхъ съ неслоговыми полугласными, то это еще не давало бы намъ права заключать къ общезападно-словянскимъ r̥, r̥′, l̥, l̥′. Для этого требуются согласныя показанія всѣхъ западно-словянскихъ языковъ. Но какія же указанія на измѣненіе сочетаній ъr̥ и т. п. въ r̥ и т. п. даетъ лужицкій или польскій?

проф. Флоринскій Лекціи II, 398 с. думаетъ, что еще въ XIV вѣкѣ польскій языкъ зналъ слоговыя плавныя r̥, l̥: «объ этомъ свидѣтельствуетъ прежде всего различіе въ способахъ обозначенія этихъ звуковъ; то посредствомъ l, r, то чрезъ yl, ir, er, ar, то чрезъ ły, re». Однако собранные проф. Флоринскимъ примѣры далеко не представляютъ твердой почвы для подобнаго заключенія. Прежде всего нѣкоторые изъ нихъ къ нашему вопросу не относятся: въ примѣрахъ kirwyech при krwe, krwawił, lsciwego при ylsciwego, zlziwich, мы имѣемъ рефлексы первоначальныхъ сочетаній неслоговыхъ плавныхъ (согласныхъ r, l) со слоговыми ъ, ь; въ примѣрахъ czerekwe и czirekwi мѣсто гласнаго не мѣняется. Остаются неясныя для меня: obpliwicze при opylwitim и oplwita въ Флор. Пс., okrczon, Chrwathy, Drwena, Radlna; въ послѣднихъ 4-хъ примѣрахъ, если r, l представляютъ рефлексы разсматриваемыхъ об.-сл. сочетаній, никакъ нельзя видѣть доказательства отсутствія неслогового гласнаго предъ плавнымъ; въ такой мѣрѣ точнымъ польское правописаніе XIV в. быть не могло. Насколько вообще можно довѣ-

рять польской графикѣ XIV в., на которой основанъ выводъ проф. Флоринскаго, показываютъ именно первые примѣры: kirwyech при krwe и ylsciwego при lsciwego. Въ этихъ примѣрахъ ужъ во всякомъ случаѣ не могло быть слоговыхъ r̥. l̥, и потому что восходятъ они, какъ показываетъ сравненіе съ другими слов. языками, къ об.-слов. *rъ, lь съ неслоговыми r, l, и потому что со слоговымъ r̥ первое слово дало бы въ современномъ языкѣ *karwe, а не krwe, а второе со слоговымъ l прямо немыслимо: такое слоговое l̥ могло существовать только послѣ согласнаго, но не въ началѣ слова.

Прибавлю, что Б. М. Ляпуновъ въ «Изслѣдованіи о языкѣ синодальнаго списка 1-й Новгородской лѣтописи» 252 с. западнословянскія сочетанія łu считаетъ «объяснимыми лишь дѣйствіемъ открытаго лабіализованнаго ł на подвергшійся перестановкѣ неслоговой ирраціональный гласный»; по его мнѣнію, эти сочетанія «дѣлаютъ несомнѣннымъ предположеніе не только въ прачешскомъ, но и въ прапольскомъ формулъ *tl̥̂t, tl̥̂t». Но не станемъ отрицать возможности развитія łu изъ l̥; мы все же съ другой стороны не находимъ поводовъ давать общесловянской формулѣ *tl̥̂t новый видъ, переходя къ эпохѣ западно-словянской, такъ же какъ не имѣемъ никакихъ основаній возстанавливать формулу *tr̥t для эпохи спеціально польской.

ак. Фортунатовъ (Лекціи по фонетикѣ старослав. языка, 143—149 сс.) выводилъ западно-словянскія формы съ łu изъ *ъ̯l̥, принимая переходъ сочетанія *ь̯l̥ *послѣ твердыхъ зубныхъ* въ *ъ̯l̥ уже въ общеслов. эпоху. ак. Шахматовъ, отрицая общесловянское происхожденіе этого явленія, признаетъ łu результатомъ измѣненія ł подъ вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ въ общезападнословянскомъ языкѣ Изв. VII 1, 287—288 сс. Но общесловянское происхожденіе *ъ̯l̥ изъ *ь̯l̥ послѣ твердыхъ зубныхъ датируется соотвѣтствіемъ польскому długi, tłukę старословянскаго длъгъ, тлък — и русскаго долгій, толку. На болѣе раннее *ь̯l̥ указываетъ литовскій: ilgas, ap — tilkęs.

Что касается польскихъ tart и кашубскихъ ćart изъ об.-сл. *tl̥̂t, то эти формы не могутъ внести что либо въ рѣшеніе вопроса о предпочтительности формулы *tl̥̂t или *tŕ̥t для эпохи западно-словянской или кашубско-польской.

Словинцское выдержанное ćart, безъ исключеній въ пользу

tart, дѣйствительно не позволяетъ говорить объ аналогіи, о компромиссѣ въ кашубскомъ языкѣ. Формы эти одинаково могли бы быть выводимы какъ изъ tь̥̂rt, такъ и изъ tŕ̥t. Въ первомъ случаѣ процессъ могъ бы быть представленъ: tь̥̂rt > ťь̥̂rt > ťъ̥̂rt > ťart > ćart; во второмъ: tŕ̥t > ťŕ̥t > ťr̥t > ťart > ćart.

Польское ćart, вѣроятно, слѣдуетъ понимать, какъ форму неорганическую: за это говоритъ и старопольское darski вм. современнаго dźarski, и то соображеніе, что, предполагая первоначальное польское ′ar въ *ďarn, *ḿartwy или даже ′ь̥̂r въ *ďь̥̂rn, *ḿь̥̂rtwyj (ďr̥n, ḿr̥twyj) мы не могли бы объяснить, почему мягкость исчезла въ darn, parć, но сохранилась въ dźarski, pardnąć, źarno? Что же до пониманія процесса, лежащаго въ основѣ польско-кашубскаго различія, то возможна мысль д-ра Лоренца, примѣненная имъ къ такому же отношенію между польскимъ ar и полабскимъ *′ar предъ твердыми зубными: диспалатализація (въ сочетаніи ь̥̂r) въ польскомъ предшествовала смягченію предшествующаго согласнаго т. е. *tь̥̂rt > tъ̥̂rt еще прежде смягченія t, подъ вліяніемъ слѣдующаго ь; въ кашубскомъ, наоборотъ, диспалатализація слѣдовала за смягченіемъ: tь̥̂rt > ťь̥̂rt > ťъ̥̂rt (Arch. XXIV, 20 c.).

Остается сказать нѣсколько словъ о количественныхъ отношеніяхъ въ разсматриваемыхъ польскихъ сочетаніяхъ.

Рефлексы об.-сл. *tъ̥̂rt и об.-сл. *tь̥̂rt въ положеніи предъ твердыми зубными являются въ народныхъ говорахъ въ двухъ видахъ: ar (′ar) и -ár (-′ár) т. е. съ «наклоненнымъ» a — въ большинствѣ говоровъ, слѣд., — or (′or): напр. въ говорѣ с. Krzęcin г. Dobrzycki Rozpr. II s. XI, 340 c, отмѣчаетъ «наклоненное» á въ словахъ: cárny (= czarny), źárno, bářc (= barszcz), gářć (= garść), gárnek, tárńe при paraťtek, kark съ a открытымъ. Въ говорѣ Мѣйской Гурки г. Лецѣевскій отмѣчаетъ: bo^{u}ršč, čo^{u}rny, mo^{u}rtwy, go^{u}rp (garb), go^{u}rnek.

Уже сопоставленія съ кашубскимъ достаточно, чтобы убѣдиться, что это á или o (o^{u}) въ данныхъ сочетаніяхъ является рефлексомъ долготы: ср. źárno съ каш. źòrno у Брониша, go^{u}rp

съ каш. gôrp, cárny, čo^{u}rny съ каш. čôrni у него же 25 с., gáŕć съ каш. gôŕc у Рамулта.

Какъ увидимъ во второй части изслѣдованія, — ár (or) является въ условіяхъ, въ которыхъ вообще старая долгота сохранялась, или гласный сократившійся получалъ вторичное удлиненіе въ конечномъ закрытомъ слогѣ предъ звонкимъ согласнымъ, — ar же вообще является въ условіяхъ сокращенія старой долготы. Отсюда мы вправѣ заключить, что первоначальная долгота сочетанія ъ̯r отразилась при измѣненіи — ъ̯r въ — ar въ долготѣ гласнаго a. Сокращаясь, ār давало ar, сохраняя долготу измѣнялось въ ā°r, затѣмъ ár, or.

Какое отношеніе къ количеству имѣютъ формы mruczeć, mrugać, burczeć, kurcz, не можемъ опредѣлить въ виду малочисленности этихъ сочетаній ru, ur. Рефлексомъ об.-сл. *ъ̯r въ современныхъ народныхъ говорахъ, какъ и въ древнепольскомъ, является сочетаніе ir, которое нѣкоторые изслѣдователи обозначаютъ, какъ ′ér съ «наклоненнымъ» e: ср. напр. въ прашницкомъ говорѣ Spraw. V, 80 с.: ẃéŕch, puśéŕb, ćéŕpi, śéŕp, ṕérsy, ćẃérć или въ Krzęcinie Rozpr. XI, II s. 343 с.: śérć, ṕérsy, śérsoń. Повидимому, это ir или ′ér было единственнымъ рефлексомъ об.-сл. *ъ̯r, независимо отъ количественныхъ отношеній, по крайней мѣрѣ для противоположной мысли не имѣемъ никакихъ данныхъ. Въ кашубскомъ, у Ramuł't'a находимъ — ir и er: pirši, viŕba, smirc, čvirć, vircéc и serp, paserb, čeŕńè, serce, wjeŕch; какъ видимъ и на мѣстѣ — ir, и на мѣстѣ — er въ польскомъ находимъ одинаково ir или ′ér. Бронишъ для діалекта с. Heisternest датируетъ ′ör и ěr: sm̓örc; pš^{ü}örs, pš^{ö}örši, čěŕv́ōnī.

Вѣроятно, долгота сочетанія *ъ̯r, сохраняясь въ извѣстныхъ условіяхъ, являлась въ польскомъ въ видѣ *īr, съ долгимъ i, но слѣдъ этой долготы не сохранился, такъ какъ она не была связана съ подъемомъ артикуляція. Аналогичное предположеніе можетъ быть высказано относительно польскаго — il изъ *ъ̯l.

Что касается рефлексовъ зап.-слов. *tъ̯lt (изъ *tъ̯lt и tъ̯lt), то уже были высказаны догадки относительно количественныхъ

и акцентуаціонныхъ условій появленія западно-словянскаго — łu: проф. Брандтъ полагалъ, что — łu являлось изъ l̥ въ положеніи предъ удареніемъ Р. Ф. В. 1882 г. № 4, 185—188; тоже — ак. Соболевскій въ Ж. М. Н. Пр. 1895, № 5, 87—89; д-ръ Облакъ думалъ, что tlut являлось только въ долгихъ слогахъ, а tlt въ краткихъ Arch. XVI, 207 с. Противъ того и другого взгляда основательно возражалъ въ уже цитированной въ этой главѣ книгѣ Б. М. Ляпуновъ, указывавшій на ограниченіе формъ — łu въ польскомъ и лужицкомъ сочетаніями съ начальными твердыми зубными и чередованіе чешскаго lu съ lou т. е. чередованіе долготы и краткости въ самомъ — łu.

Въ самомъ дѣлѣ, въ польскомъ — dług, чеш. dluh l̥ было подъ удареніемъ: ср. серб. dûg — dûga, р. долгъ — до́лга; также въ чеш. člun: с. čûn — čûna, р. челнъ — че́лна; слѣд. примѣры эти противорѣчатъ мысли проф. Брандта. Д-ръ Облакъ обосновывалъ свою гипотезу тѣмъ наблюденіемъ, что «чешское tlut почти всегда соотвѣтствуетъ сербской долготѣ: dloubati, серб. dûbem, dluh с. dûg, chlum с. hûm, pluk с. pûk, sloup. с. stûp, tloucí с. túći, slunce с. sûnce, člun с. čûn, žluč с. žûč, žluna с. žúna, žlutý с. žût».

Въ настоящее время, когда уже изслѣдованы количественныя отношенія чешскаго и сербскаго языка, ясно, что въ этихъ сопоставленіяхъ д-ра Облака и въ самой его мысли кроется недоразумѣніе: указанныя изслѣдованія — проф. Лескина относительно сербскаго языка, ак. Ягича и за нимъ F. Čern'аго относительно чешскаго не оставляютъ сомнѣнія, что разсматриваемыя плавныя сочетанія должны быть принимаемы вообще за первоначально долгія, и что условія сокращенія или сохраненія ихъ долготы принадлежатъ особному развитію отдѣльныхъ словянскихъ языковъ (ср. II часть изслѣд.).

Такимъ образомъ, понимать — lu, какъ рефлексъ *об.-словянской* долготы, а l̥, какъ рефлексъ об.-словянской краткости данныхъ сочетаній, мы не можемъ. Остается вторая возможность: — lu является въ *спеціально чешскихъ* условіяхъ сохраненія дол-

готы, l̥ въ спеціально чешскихъ условіяхъ сокращенія ея. Но въ такомъ случаѣ часть сопоставленій Облака съ сербскимъ теряетъ всякое значеніе, ибо условія сохраненія и сокращенія об.-слов. долготы въ обоихъ языкахъ не совпадаютъ. Именно, сербская долгота въ dûg—dûga, pûk—pûka, čûn—čûna указываетъ на нисходящую долготу въ об.-сл., которая сохраняется въ сербскомъ, но сокращается въ чешскомъ.

Слѣдовательно, въ этихъ примѣрахъ какъ разъ должна быть не долгота, какъ ожидаетъ Облакъ, а краткость: отсюда — lu, а не lou. Наоборотъ, въ dloubati — c. dúbem, sloup — c. stûp — но g. s. stúpa, tlouci — c. túći сербская долгота иного типа указываетъ на первоначальное положеніе данныхъ сочетаній предъ удареніемъ: ср. р. долба́ть, столпа́, толчи́. Въ этомъ положеніи и сербскій, и чешскій сохраняли долготу: отсюда — lou въ чешскомъ. Этими разъясненіями подтверждается указаніе Б. М. Ляпунова на чередованіе долготы и краткости въ самомъ — lu въ чешскомъ.

Польское dług также является въ условіяхъ спеціально польской краткости, а польскія słup, tłuc, dłubać въ условіяхъ долготы, какъ увидимъ во II ч. изслѣд.

Въ другихъ польскихъ рефлексахъ зап.-слов. *ъl̥: — eł, oł, ół, на основаніи имѣющихся у насъ данныхъ, трудно съ полной увѣренностью установить зависимость отъ количественныхъ отношеній. И польскому oł, eł, вмѣсто котораго въ великопольскихъ говорахъ находимъ oł, и польскому ół соотвѣтствуютъ одни и тѣже сочетанія въ кашубскомъ: у Ramułt'a êł, у Bronisch'a — ôł, въ словинцскомъ o̯u̯: ср. польское pełny, великопол. połny, у Ram. pêłny, у Bron. pólni; пол. czołno—у Ram. čêłno, у Bron. čôlno; п. żółć у Ram. żêłc; п. żółty, żółtek у Ram. żêłty, żêłtk, Bron. żôłtę̃; wełna, великопол. wołna ср. со словинцскимъ vo̯u̯nă у Lorentz'a Arch. XXIV, 34 с.

Форма сравн. ст. žāltkšī при žółtć, вѣроятно,—новообразованіе по аналогіи ƀalšī, staršī при ƀôlī, stôrī, какъ думаетъ проф. Mikkola Bet. und Quant. 20 с.

Соч. — êl Ramułt'a, ôl Bronisch'a и o̯u̯ Lorentz'a, повиди-

мому,—независимы отъ количественныхъ различій: въ vêlk, vȍu̯k и vȍu̯na въ виду общихъ условій появленія долготы въ кашубскомъ — подъ старымъ удареніемъ (ср. II ч. изсл.) — êl, ȍu̯ должны быть разсматриваемы, какъ рефлексы краткости; на удареніе перваго слога указываютъ согласно русскій и сербскій: с. vûk — vûka, р. волкъ — вóлка; с. vűna р. вóлна (= шерсть); наоборотъ, въ кашубскомъ žêłtk изъ *žъ̯l̥tъkъ, съ нефонетическимъ выпаденіемъ ъ, тоже êl является на мѣстѣ ожидаемой долготы: въ положеніи предъ ударяемымъ слогомъ, ср. р. желтóкъ, ч. žloutek.

Польское — ól на первый же взглядъ вызываетъ мысль о долготѣ своимъ ó, въ виду общаго отношенія ó и о; такому пониманію благопріятствуютъ żółtek, żółćić, гдѣ удареніе было, вѣроятно, на второмъ слогѣ; żółty также ему не противорѣчитъ: ср. сербск. žut — žúta, žúto, р. желтъ — желтá, желтó; только чешскій въ данномъ случаѣ указываетъ на удареніе перваго слога своей краткостью: žluty (нисходящее). Наконецъ и діалектическое (напр. сважендзское) žułna (u и ó въ Сважендзѣ совпали) — соотвѣтствуетъ съ этой точки зрѣнія сербскому žúńa, р. желнá, чак žūná, но не чешскому žluna; единственнымъ неблагопріятнымъ выводу фактомъ являлось бы пол. żółć, въ которомъ не ожидали бы долготы въ виду серб. žûč — žȕči и рус. желчь — жéлчи, согласно указывающихъ на удареніе корня, при которомъ долгота въ польскомъ сокращалась. Но и здѣсь я склоненъ предполагать связь — ół съ долготой: въ 8-ой главѣ мы увидимъ, что польскій языкъ въ формахъ именъ темы — i сохранялъ старое удареніе окончанія въ род., дат. и мѣстн. падежахъ, какъ показываютъ krwi, czći, brwi, płci, тогда какъ русскій и сербскій переносили въ эти падежи удареніе корня изъ имен. п. Думаю, что żółć восходитъ къ *žъ̯łćь́, гдѣ удареніе окончанія явилось подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей.

Съ другой стороны и польскія wełna, pełny, великопольскія vołna, połny не противорѣчили бы мысли, что -eł, -oł являлись въ польскомъ въ сократившемся слогѣ, при -ół въ сохранившемся

долгимъ: ср. wełna, vołna съ с. vȕna р. вóлна (die Wolle), pełny, połny съ с. pȕn, pȕna, pȕno: удареніе въ об.-сл., вѣроятно, было на первомъ слогѣ; п. czołno не допускаетъ прямыхъ сопоставленій; czołn также представляло бы — oł въ сократившемся слогѣ, — подъ удареніемъ: с. čûn — čûna, р. чолнъ — чóлна.

Сважендзскій говоръ въ общемъ сходится въ рефлексахъ разсматриваемыхъ плавныхъ сочетаній съ иными польскими говорами, только на мѣстѣ — eł изъ *ъ̯l̥, какъ и другіе великопольскіе говоры, имѣетъ — oł: ср. у Кольберга Zbiór I, 14 с.: poŭny woŭna, въ Miejsk'ой Górk'ѣ: połny, wołna Rozpr. IX, 112. Эта великопольская черта соединяетъ польскую языковую территорію съ кашубской: ср. — ôl въ діалектѣ Heisternest'a у Bronisch'a 26 с.

Изъ об.-сл. *ъ̯r̥ находимъ въ Сважендзѣ при сохраненіи долготы — or (-ʹor): gorp — g. s. gorbu, bou̯šč = barszcz, kormić, źornko = ziarnko, gornek, čornyj, gou̯šć, gouštka (garść, garstka).

При сокращеніи долготы изъ *ъ̯r̥ — ar: sarna, kark, tvardyj, otvartyj, źarna n. pl.; garło, pogardźić; — ru въ словѣ mrugać.

Изъ *ь̯r̥ — обычно ir: v́ižba, v́išch, ćižńe, ṕiršyj, śirp; paśirp, paśirbica; но: serce.

Изъ *ь̯l̥ — il: v́ilk, ḿilčeć.

Изъ *ъ̯l̥ — oł, uł, łu (ły), u: połnyj, vołna, čołn, čołno, dług; tłustyj; dłuǵi; žułtyj, žułtko (= žółtek); tłukać; žułć, žułna, słup, muv́ić, słyńce изъ słuńce.

7. Польскіе рефлексы об.-сл. ŏ, ĕ.

Об.-сл. *ŏ, ĕ являются въ польскомъ въ видѣ o, e, причемъ предъ начальнымъ o въ народныхъ говорахъ, въ отличіе отъ литературнаго языка, является приставной звукъ, повидимому u̯, которое изслѣдователи обозначаютъ чрезъ ᵘ(o), ᵤ(o), ŭ, обычно безъ точныхъ опредѣленій.

Ср. въ ропчицкомъ говорѣ ᵘokno, ᵘoko и т. п. Zbiór XIV, 32 с.; въ лясовскомъ — ᵘoćec и т. п. Rozpr. VIII, 79 с.; въ пышницкомъ ᵘo ńim, ᵘoba Rozpr. V, 370 с.; въ зебржидовскомъ — ᵤöćec, ᵤöǵeń Rozpr. IX, 154 с.; въ опочиньскомъ

ᵘoćec Rozpr. XI 151 с.; въ оппельнскомъ — ŭoćec, ŭoǵeń («ein kurzer labialer ŭ — Laut» oppeln. M. 4 с.); въ прашницкомъ — ŭodpust, ŭoćec Spraw. V т. 79 с.

Относительно говора Sromowiec Wyżnich находимъ болѣе точное опредѣленіе ᵘo: «to znaczy artykulacyę samogłoski o poprzedza zaokrąglenie i wysunięcie warg. Nie jest to zatem ani o, wymówione z równoczesnem wysunięciem i zaokrągleniem warg, ani też dyftong u̯o» Mat. i prace I 1, 54 с.

То же приставное u̯ характеризуетъ великопольскіе говоры: ср. у Кольберга Zbiór I, 9 с. ŭoły, ŭoda, у Лецѣевскаго — ᵘočy, ᵘokᵘo Rozpr. IX, 113 с.; въ частности говоръ сваженздскій: u̯oko, u̯o-ńim, u̯okno и т. п.

Только относительно говора Miejskiej Górki, характеризованнаго г. Лецѣевскимъ, должно замѣтить, что тотъ же приставной звукъ является въ немъ и внутри словъ: dᵘostać, gᵘospᵘoda и т. п. ibid. (ср. тоже въ зебржидовскомъ говорѣ Rozpr. IX, 154 с.). Въ говорѣ же с. Сваженздза съ этимъ приставнымъ u̯ предъ начальнымъ o связано иное явленіе, которое отчасти было уже охарактеризовано въ гл. 3: параллельно описанной тамъ диссимиляціи сочетаній u̯u и ł̭u въ направленіи къ u̯y, ł̭y, сочетанія u̯o и ł̭o измѣняются въ направленіи къ u̯e, ł̭e: въ Сваженздѣ отъ тѣхъ же лицъ, которые говорятъ u̯yn, u̯yna, słyma, słyńce слышалъ я: u̯eb̭ot или u̯oᵉb̭ot, u̯esa или u̯oᵉsa, u̯ebuć infin.; b̭łoᵉto, ch̭łep или ch̭łoᵉp, mydł̭oᵉ, sledki. Вполнѣ ясное e вм. o въ данныхъ сочетаніяхъ слышалъ я въ с. Wierzonka отъ одной крестьянки: u̯eču, u̯esa, u̯ećec, u̯evca, u̯e-ńim, u̯eb̭ot, u̯ednega, ch̭łepy, mł̭edy, b̭łeto ср. у Кольберга Zbiór I, 14 с.: «słewo v. sŭewo».

Въ положеніи предъ твердыми зубными и плавными, об.-сл. *ĕ въ польскомъ языкѣ, какъ извѣстно, перешло въ ′o; возникновеніе этого явленія, повидимому, относится къ эпохѣ доисторической въ жизни польскаго языка, такъ какъ оно датируется уже грамотами XII—XIII вв. Относительная древность его опредѣляется двумя моментами: съ одной стороны, какъ замѣтилъ Malecki Gramm. hist.-porówn. I, 135 с., оно старше вокализаціи ь > é: ср. ṕes, len; съ другой стороны, въ эпоху этого звукопзмѣненія сочетанія re, le изъ об.-сл. *er, el уже существовали: ср. trzoda, brzoza, wżód. То же явленіе находимъ въ кашубскомъ языкѣ.

По мысли Małeck'аго op. cit. 'e > 'o предшествуетъ и «измѣненію r̥, l̥ въ er, el», такъ какъ въ противномъ случаѣ было бы *ṕorwej, *ẃorcieć. Но замѣчаніе это неправильно, такъ какъ изъ r̥', l̥' или r̥̂, l̥̂ въ древнепольскомъ еще въ XIV в. было ir, а не 'er; такое измѣненіе 'e въ 'o возможно лишь предъ n, t, d, z, s, r, ł, а въ этомъ положеніи изъ r̥', l̥ или r̥̂, l̥̂ получалось — ar.

Въ современныхъ народныхъ говорахъ находимъ два рода отступленій отъ правила: съ одной стороны въ нѣкоторыхъ случаяхъ 'o является на мѣстѣ 'e изъ стараго ь: ср. въ оппельнскомъ говорѣ — koźol, ośoł при koźel, ośel Oppeln. M. 4 c.; въ говорѣ Krzęcina — koźou̯, u̯ośou̯; въ говорѣ Miejskiej Górki: k$_{u}$oćoł, $_{u}$ośoł, $_{u}$oŕoł; съ другой стороны въ условіяхъ, гдѣ ожидаемъ 'o, находимъ 'e: v́edę, ńesę, ḿetę, ṕerę, b́erę, pĺetę, v́ezę, gńetę 1 s. pr. v́edą, ṕerą 3 pl., ḿetwa n. s. (= mietła), v́esna, b́edra въ бржезиньскомъ говорѣ Rozpr. VIII, 181 c. и въ другихъ.

Ср. b́ere, gńete, ńése, ḿetla и т. п. въ ропчицкомъ повѣтѣ Zbiór XIV, 32 c.; gńete, v́eze, ḿete, ḿetla, v́esna, v́eslo, b́edro въ лясовскомъ говорѣ Rozpr. VIII, 80 c.; тоже въ луковецкомъ — Spraw. V, 150 c., въ зебржидовскомъ Rozpr. IX, въ пышницкомъ Rozpr. V, 371 c. (II s.), въ прашницкомъ Spraw. V, 79 c., въ Стонавкѣ Rozpr. XII, 13 c.

Относительно великопольскихъ говоровъ то же явленіе датируетъ Кольбергъ: siestra, mietła, cietka, ciesać, piero, wiesło Zbiór I, 9 c. И то, и другое изъ указанныхъ отступленій извѣстно сважендзскому говору: koźu̯u̯, u̯ożu̯u̯, koću̯u̯, u̯ośu̯u̯ и u̯ośołek, однако рядомъ слышалъ я: u̯ośeu̯; второе явленіе иллюстрируется слѣдующими фактами: ḿetla, b́edra, ṕeron, v́ede 1 s. pr., ńese, v́eze, gńete, pĺete и т. п., при żona, śostra, pszczoła, ṕuro (= ṕóro), jęźoro, iḿona n. pl., iḿón g. pl. и т. д., ḿut = ḿótł partic., ńus = ńósł, v́ut = v́ódł.

Нѣтъ сомнѣнія, что и то, и другое явленіе — вторичны; первое, вѣроятно, объясняется вліяніемъ согласнаго ł на предшествующее l, какъ высказалъ уже L. Malinowski въ 1873 г. Ueber d. oppeln. M. 4 c.; второе — вліяніемъ аналогіи: v́ede, v́edom 3 pl. подъ вліяніемъ v́edźeš, v́ed͡źe, v́ed͡źeće; ḿetla подъ вліяніемъ формы loc. s.

Подвергшись въ извѣстныхъ условіяхъ вторичному удлиненію, краткія первоначально o, e измѣнялись въ направленіи къ

u и i; съ теченіемъ времени долгота была потеряна и остался лишь подъемъ артикуляціи. Объ условіяхъ этого вторичнаго удлиненія будетъ рѣчь во 2-й ч. изслѣд. Что касается его хронологіи, то прежде всего должно установить, что оно представляетъ фактъ особной жизни польскаго языка и не имѣетъ связи съ аналогичнымъ явленіемъ въ иныхъ словянскихъ языкахъ: сербскомъ, малорусскомъ, чешскомъ, какъ призналъ въ послѣднее время и ак. Шахматовъ, прежде думавшій иначе, Изв. VII 1, 295 с. Далѣе, удлиненіе это позже указаннаго выше измѣненія ′е въ ′о и *ě въ ′а, иначе изъ *ledъ, medъ получилось бы *lēd, *mēd, ṕēro, т. е. *ľéd, *ḿéd, *ṕéro, а не ľód, ḿód, ṕóro, изъ *dědъ имѣли бы *dzéd, а не dźád.

Наконецъ, звуковой законъ этотъ еще дѣйствовалъ въ эпоху вокализаціи ъ, ь: dészcz, dźéń.

Непонятны слова проф. Брандта: «ó (вѣроятно путемъ подражанія) является и вм. вторичнаго o, представляющаго плодъ расширенія e: trzoda — trzód, какъ noga — nóg». Кр. ф. и морф. п. яз. Почему «путемъ подражанія», а не фонетически?

По мнѣнію проф. Потебни Arch. III, 618 с., современное польское ó или u изъ ō получилось чрезъ посредство дифтонга *uo*. Въ обоснованіе такого взгляда можно было бы указать съ одной стороны на современный дифтонгъ uo изъ *ō въ лясовскомъ говорѣ Rozpr. VIII, 89 с. и Пышницѣ (uó), Rozpr. II s. V, 378 с.; съ другой — на древнепольскія написанія guor, buoh, synuow, skutkuow, wuola Семеновичъ «Ueber die Quant.» 35 с.

Но въ виду малочисленности древнепольскихъ примѣровъ uo, почти несомнѣнно, что они обязаны своимъ происхожденіемъ древнечешскимъ оригиналамъ, какъ предполагалъ проф. Бодуэнъ де-Куртенэ Beitr. VIII, 214 с. Указанія же двухъ говоровъ мало, тѣмъ болѣе, что общее явленіе польскаго языка при удлиненіи — подъемъ артикуляціи, но не образованіе двугласнаго.

Удлиненіе o, e представляетъ фактъ, общій кашубскому и польскому языкамъ, такъ какъ имѣетъ мѣсто въ нихъ при тожественныхъ условіяхъ; только кашубскій языкъ остановился на

болѣе древней ступени, сохранивъ при подъемѣ артикуляціи гласныхъ о, е и старую долготу ихъ: ср. õ и ẽ Брониша. Польскіе рефлексы ō и ē, утративъ эту долготу, или совпали съ u, i, или сохранились, какъ особые звуки, отличные отъ этихъ послѣднихъ. Сохраненіе ó наблюдаемъ, напр., въ говорѣ Sromowiec Wyżnich Mat. i prace I 1, 55 c., Stonawki Rozpr. XII, 21 c.; совпаденіе ó съ u датируется, напр., для луковецкаго говора Zbiór VIII, 244 c., зебржидовскаго Rozpr. IX, 136 c., въ говорѣ Miejskiej Górki ó также совпало съ u, но сохранило призвукъ u̯ предъ собой, который имѣетъ мѣсто вообще предъ о. Rozpr. IX, 120 c.

Нѣкоторые говоры обнаруживаютъ стремленіе къ подъему артикуляціи, переходу о въ u предъ носовыми согласными, независимое, повидимому, отъ старой долготы: ср. въ прашницкомъ говорѣ въ транскрипціи г. Grzegorzewicz'a: не только w dómu, zóna, что могло бы еще объясняться вліяніемъ иныхъ подъемныхъ формъ (dóm, žón g. pl.), но и gónić, wróna, grómada, pómorek, хотя съ другой стороны — om въ dat. pl. не подчиняется этому правилу Spraw. V, 80 c.; въ пышницкомъ говорѣ kuńa g. s., kuńic и др. Rozpr. V (II s.), 370 c.; въ Krzęcinie: přypómnę, spómńáu̯, pómogę, su̯óma, kóńa g. s., kóńec, kóńcyna, Rozpr. XI (II s.), 342 c.

Относительно ē сохраненіе особой артикуляціи отмѣчено напр. въ говорахъ: зебржидовскомъ Rozpr. IX, 160 c., лясовскомъ Rozpr. VIII, 90 c., опочиньскомъ, въ послѣднемъ — колебаніе между сохраненіемъ é и i Rozpr. XI, 155 c. Совпаденіе é съ i (y) датируется относительно говоровъ Sromow'ецкаго Mat. i prace I 1, 56 c., луковецкаго Spraw. V, 154 c., бржезиньскаго Rozpr. VIII, 186 c., закопанскаго Rozpr. X, 172 c.

Въ великопольскихъ говорахъ é = i (y), по свидѣтельству Кольберга, около Познани и Шрема Zbiór I, 4 c. Въ говорѣ Miejskiej Górki, на мѣстѣ é, по словамъ г. Лецѣевскаго, являются два звука: одинъ — è «звучитъ, какъ французское eu напр. въ feu, другой — é возникаетъ глубже въ гортани и звучитъ сходно съ польскимъ y или i» Rozpr. IX, 121 c. Изъ примѣровъ того и другого звука, приведенныхъ авторомъ, нельзя выяснить, на чемъ основано это различіе. Второй изъ этихъ знаковъ авторъ замѣняетъ иногда знакомъ i, y: břyk, jeliń, wysoḱigo и т. п.

Въ сважендзскомъ говорѣ рефлексъ ō является въ видѣ *u*, а рефлексъ ē въ видѣ *y*, *i*.

Примѣры ō:

Въ коренномъ гласномъ первичныхъ именныхъ образованій: stuų = stół; vuų, nuš, dvur, mul, kuń, struj, sum, kĺun, głuk, dum, guść=gwóźdź, ĺut (=ĺód), buĺ, suĺ, stuk=stóg; buk=bóg, gnuj, ńut (=ńód), duų=dół, łyj=łój, łyf=łów, musk=mózg, ruk=róg, rut=ród, vus=wóz, buj, bur, grup=grób, ruj, v̇ečur, paṕur, pruba, ružoų.

Въ сложныхъ именныхъ образованіяхъ: vschut, dochut, naṁut.

Въ формахъ именныхъ образованій, какъ bužnica, rulnik, guvno, zbujnik, kułko, nuška, ružnyj, krutki предъ выпавшимъ ъ, ь суффикса.

Въ формахъ причастій n. s. m. ńus = ńósł, muk = mógł, vús = v̇ózł и т. п.

Въ gen. pl. synuf, panuf, zymbuf, dvoruf, fśuf, słyf изъ słuf, męžuf, nuk = nóg, jęźór, iṁón, pleṁón и т. п.

Во флексіи dat. pl. — om: synum, panum, głovum, matkum, gośćum и т. д.

Въ формахъ imperativ'a, какъ ńe rup = nie rób, vychuć = wychódź.

Въ формахъ infinitiv'a buść, muc.

Въ префиксѣ сложнаго глагола: pujść, pujdźeš.

Въ мѣстоименной формѣ ktury, kturygo, kturymu и т. д.

Несомнѣннымъ должно признать для сважендзскаго говора независимое отъ условій возникновенія ō измѣненіе o въ u предъ носовыми согласными m, n: на это указываетъ, какъ переходъ o изъ ā (á) въ u предъ данными согласными (pun, sum), такъ и u на мѣстѣ o въ примѣрахъ какъ kuńa, kuńowi и т. д., гдѣ врядъ ли можно допускать вліяніе аналогіи имен. п., такъ какъ такой аналогіи не замѣчаемъ предъ иными согласными: bur — bora, dvur — dvora, nuš — noža, stuų — stoła и т. д.; далѣе примѣры

какъ puńeść, du-ńego, kuńec, źeľunyj, pumogać; въ łupo изъ łuno=łoro ó могло быть такъ-же происхожденія аналогичнаго ó въ pruba, ružoų (= próba, różoų).

Наконецъ, замѣчу, что въ окончаніи -go мѣстоименнаго склоненія также слышится звукъ, близкій къ u или съ нимъ тожественный: ńegó, do kogó, tegó, samygó, złygó, gó (энклитич. форма = ńegó) или ńegu, kogu, tegu.... Врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что это измѣненіе не имѣетъ связи съ количествомъ; быть можетъ, оно обусловлено вліяніемъ согласнаго g, причемъ благопріятствующимъ моментомъ является положеніе въ неударяемомъ слогѣ; подъемъ спинки языка при *u* выше, чѣмъ при o, и слѣд. ближе къ артикуляціи g.

gó вм. go находимъ также въ великопольскихъ текстахъ Кольберга, хотя вообще они и не отличаются точностью.

Примѣры ē: jiš (=jež), jeliń, kavalir, tališ (=taľerz), рядомъ съ źeńa нерѣдко можно слышать źiń'a; въ gen. dat. loc. s. m. прилагательныхъ полной формы dobrygo, čornygo, ṕiknygo и т. п. dobrymu, čornymu, ṕiknymu; dobrym, čornym, ṕiknym; dat. s. f. dobryj, čornyj, ṕiknyj. Изъ склоненія сложнаго ē перенесено въ мѣстоименное и именное склоненіе: samygo, samymu, samyj, našigo, našimu, naši; syndźigo (= sędźégo).

8. Польскіе рефлексы об.-сл. *ъ, *ь.

Об.-сл. *ъ, *ь, бывшіе, повидимому, гласными редуцированными, болѣе краткими сравнительно съ иными краткими гласными, въ польскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ словянскихъ языкахъ, въ зависимости отъ извѣстныхъ условій, исчезли или же вокализировались: *ъ дало e, *ь — ́e.

Избѣгаю, какъ стараго, страдающаго неточностью, термина «полугласный», такъ и вызвавшаго съ разныхъ сторонъ возраженія термина «ирраціональный» гласный; употребляемый ак. Шахматовымъ въ послѣдней статьѣ о русскомъ полногласіи Изв. VII 1, 286 с., терминъ «полукраткій» также не кажется мнѣ удачнымъ: «полукраткій», строго говоря, значитъ лишь «не вполнѣ краткій» слѣд. больше или меньше краткаго.

По мнѣнію ак. Шахматова, еще въ *обще-зап.-слов.* эпоху *ъ, *ь измѣнялись въ извѣстномъ положеніи (въ открытомъ слогѣ, но не въ ударяемомъ начальномъ) въ неслоговые и затѣмъ въ ту же эпоху выпадали и отпадали: sъ̆na, tь̆ma, bratъ̆ измѣнились въ sъ̯na, tь̯ma, bratъ̯ и затѣмъ въ sna, tⁱma, brat. Изв. VII 1, 289 с.

Но помимо того, что ак. Шахматовъ не указалъ основаній своего взгляда, взглядъ этотъ маловѣроятенъ: относя къ эпохѣ западно-словянскаго единства выпаденіе въ открытомъ слогѣ ъ, ь, мы должны будемъ къ той же эпохѣ отнести и связанную съ этимъ выпаденіемъ и отпаденіемъ вокализацію ъ, ь въ закрытыхъ слогахъ; по крайней мѣрѣ относить первый процессъ къ эпохѣ западно-словянскаго единства, а второй къ періоду особной жизни зап.-словянскихъ языковъ было бы искусственно. Но если бы вокализація относилась къ эпохѣ об.-зап.-словянской, то ʹе изъ ь подлежало бы спеціально польскому измѣненію въ ʹо предъ твердыми зубными т. е. на мѣстѣ *lьnъ имѣли бы въ польскомъ *lʹon. Въ дѣйствительности вокализація *ь въ польскомъ, какъ уже было сказано въ гл. 7, позже измѣненія ʹе въ ʹо. Затѣмъ, относя къ эпохѣ зап.-слов. единства выпаденіе ъ, ь въ открытомъ слогѣ, мы ожидали бы одинаковыхъ послѣдствій этого выпаденія для гласнаго предыдущаго слога.

Въ дѣйствительности мы этого не замѣчаемъ. Польскій языкъ, какъ правило, знаетъ удлиненіе гласной предыдущаго слога; для чешскаго такого правила никакъ нельзя установить.

Въ чешскомъ мы замѣчаемъ обратное явленіе: если долгота основного слова обязана своимъ происхожденіемъ восходящему (условно) качеству долготы прасловянской: kláda: колóда, kráva—корóва, vrána—ворóна, bába—с. ба̏ба, žába—с. жа̏ба, bříza—р. берéза и т. д. то въ уменьшительныхъ, образованныхъ отъ этихъ словъ съ помощью суффикса -ъka, всюду происходитъ сокращеніе: kladka, kravka, vranka, babka, žabka, březka и т. д. Исключеній очень немного. Наоборотъ, польскій въ основныхъ словахъ этой категоріи сократилъ прасловянскую долготу: kłoda, krowa, vrona, baba, żaba, brzoza, въ уменьшительныхъ же удли-

няетъ: krówka, kłódka, brzózka, въ Свапендзѣ bobka = bábka, ср. кашубскія: kròvka, kłòdka, brzòzka, bòbka у Ramułt'a.

Очевидно, что польско-кашубское удлиненіе въ этихъ словахъ хронологически позднѣе спеціально польско-кашубскаго сокращенія долготы подъ удареніемъ въ открытыхъ слогахъ и не можетъ быть отнесено къ обще-западно-словянской эпохѣ.

Къ подробному анализу условій удлиненія гласныхъ въ закрытыхъ слогахъ въ польскомъ, сравнительно съ чешскимъ, я вернусь ниже.

Пока же достаточно и этихъ бѣглыхъ замѣчаній, чтобы показать, что было бы болѣе вѣроятнымъ отнесеніе, какъ выпаденія и отпаденія ъ, ь въ открытыхъ слогахъ, такъ и ихъ вокализаціи въ закрытыхъ, — на эпоху особной жизни зап.-словянскихъ языковъ.

Можетъ возникнуть еще одинъ вопросъ: представляетъ ли отпаденіе ъ, ь въ концѣ и выпаденіе ихъ внутри словъ — факты одной и той же эпохи, или двухъ различныхъ? Кажется, на этотъ вопросъ можно отвѣтить лишь въ формѣ отрицательной: нѣтъ твердыхъ данныхъ для отнесенія ихъ къ различнымъ періодамъ въ жизни польскаго языка. Такихъ данныхъ не находимъ ни въ смягченіи согласныхъ въ положеніи предъ ь въ концѣ и внутри словъ, ни въ нормахъ удлиненія гласной предшествующаго слога, ср. ниже въ соотвѣтствующихъ главахъ.

Основнымъ условіемъ вокализаціи—ъ, ь являлось положеніе ихъ предъ слогомъ съ такимъ же редуцированнымъ гласнымъ ъ, ь (*закрытый слогъ*), условіемъ же выпаденія было положеніе предъ слогомъ съ чистымъ гласнымъ (*открытый слогъ*).

Аппель еще въ 1880 г. подчеркивалъ значеніе въ этихъ процессахъ ударенія: «важную роль играло удареніе и въ исторіи паденія глухихъ гласныхъ ъ, ь: ударенныя гласныя ъ, ь замѣнены были гласнымъ *е*, неударенныя же исчезли.... Конечно, кромѣ ударенія, здѣсь дѣйствовали и другіе факторы (ср. Leskien «Die Vocale ъ und ь»....), *«но удареніе принадлежитъ безспорно роль первенствующая»* Р. Ф. В. 1880, III, 11 с.

Наоборотъ, проф. Polívka, разсматривая польскіе рефлексы об.-сл. *ъ, *ь въ 1897 г. Listy Fil. XXIV 110 с., оставилъ совершенно въ сторонѣ отношенія акцентуативныя и пришелъ къ выводу, что и для польскаго вѣрно правило, установленное проф. Gebauer'омъ для чешскаго: если въ словѣ нѣсколько слоговъ съ гласными ъ, ь, то они исчезаютъ въ нечетныхъ слогахъ, а въ четныхъ вокализуются т. е., давая правилу проф. Гебауэра болѣе научную формулировку, — ъ, ь исчезаютъ въ открытыхъ слогахъ, вокализируются въ закрытыхъ.

Если мы разсмотримъ примѣры, собранные проф. Поливкой по отношенію къ игнорированному имъ мѣсту ударенія въ словѣ, то замѣтимъ, что въ большинствѣ случаевъ, *гдѣ намъ доступно опредѣленіе мѣста ударенія*, то и другое условіе: открытость слога и неударяемость его совпадаютъ при выпаденіи ъ, ь въ польскомъ т. е. примѣры проф. Поливки не противорѣчатъ указанію Аппеля.

Въ цѣломъ рядѣ случаевъ на неударяемость слога съ ъ, ь согласно указываютъ, какъ сербскій, такъ и русскій языкъ:

Сербское ударение ` и ´ указываетъ на старое ударение слѣдующаго слога, ̏ и ̂ — того же слога.

п. pchła изъ płcha, błcha: р. блоха́, с. бу̏ха.

grzbiet — grzbietu; въ старо-польскомъ chrzbiet — chrzepta, Pul. ps.; справедливо проф. Polívka принимаетъ форму g. s. grzbietu за результатъ аналогіи. Форма им. п. вполнѣ соотвѣтствуетъ условію неударяемости перваго слога съ ь: р. хребе́тъ, с. хр̀бат; форма gen. s. chrzepta гармонируетъ и съ сербскимъ хр̏пта, и съ р. хребта́.

-klnę: р. кляну́ вм. клену́, подъ вліяніемъ infinitiv'a; с. ку̏нēм.

chřest — chřtu: р. крестъ — креста́; с. кр̏ст — кр̀ста.

chrzcić изъ kř̀ścić: р. крести́ть, с. кр̀стити.

łgać: р. лга́ть, с. л̀агати.

mgła: р. мгла́, с. м̀агла.

pies — psa: р. песъ — пса́, с. пе̏с — пса̏.

pszenica: р. пшени́ца, с. шѐница.

łza изъ słza, słьza: р. слеза́, с. су̏за.

źdźbło изъ stьblo: р. стебло́, с. ста́бло, чаковское stā̀blò.

skło изъ stьklo: р. стекло́, с. ста̀кло.

smierć изъ *sъmьrtь: р. смерть, с. см̏рт.

sen — snu: р. сонъ — сна́, с. са̏н — сна̏.

ćma: р. тьма, с. та́ма.

dno: с. дно̏, р. дно.

grzmieć: р. грем'ѣ́ть, с. гр̀мјети.

chcieć: с. хтје̏ти, р. хот'е́ть.

dźeń — dnia: р. день — дня́; с. dân — dâna, но старая форма gen. s. dně; форма dâna возникла подъ вліяніемъ им. п. ср. Leskien «Untersuchungen» I B, 15 с.

Такимъ же образомъ, можно предполагать, что ъ, ь былъ неударяемъ въ открытомъ слогѣ слѣдующихъ словъ: rczy Flor. ps. (imperativ.), zły — zła — zło: р. золъ — зла́ — зло́, с. зӑо — зла̏ — зло̏; dwa: р. два́, с. два̂, gnać: с. гна̏ти, р. гнать; brać: с. бра̏ti, р. брать; szew — szwu: р. шевъ — шва; młyn: с. мли̏н, малор. млин; mnogi: с. мно̏гӣ, р. многій; kvtę: zakwcze Flor. ps. ср. р. цвѣту́ вм. цвету́, подъ вліяніемъ родственныхъ формъ съ ѣ; łeb — łba: р. лобъ — лба́; lnąć: р. льну́ть; błščeć: р. блестѣ́ть; mnę: р. мну́; mrę: р. мру́; pchać, pchnąć: р. пха́ть, пхну́ть; mdleć: р. мле́ть; -mknąć: р. -мкну́ть, с. за̀мкнути; krwawić, krwawy: р. крова́вый; mścić: р. мстить; pŕa: р. пьря́; mzda: р. мзда́; plwać: р. плева́ть, въ сербскомъ иное образованіе: плю̏вати; zbór — zboru: р. собо́ръ, с. збо̏р — збо̏ра; zdrowy: р. здоро́вый, с. здра̏в; słać: с. сла̏ти, р. слать; spać: с. спа̏ти, р. спать; sto: с. сто̂, р. сто; tkać: с. тка̏ти, р. ткать; zwać: с. зва̏ти, р. звать; znać: с. зна̏ти, р. знать; и въ schowanie, skończanie удареніе, несомнѣнно, было на тематическомъ гласномъ а глаголовъ, отъ которыхъ эти существительныя произведены, также въ глаголахъ pwać; prać; — rwać; łkać; въ trzcina — на суффиксальномъ i; въ ptak на суффиксальномъ a. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ неударяемость выпавшаго въ польскомъ ъ, ь доказывается лишь русскими параллелями; сербскій представляетъ отклоненіе: len — lnu: р. ленъ — льну́, но

с. ла̏н—ла́на; łeż—łży: р. ложь—лжи́, но с. ла̂ж—ла́жи; lew—lwa: р. левъ—льва́, но с. ла̏в—ла̏ва; reż—rży: р. рожь—ржи́, но с. ра̂ж—ра̏жи. Въ двухъ изъ этихъ примѣровъ: lev—lva и len—lnu польскій и русскій языки, быть можетъ, провели ударѐніе окончанія въ косвенныхъ падежахъ подъ вліяніемъ иныхъ именъ: sna, psa, pńa, dńa; или же формы съ ударѐніемъ окончанія существовали при формахъ съ ударѐніемъ корня діалектически уже въ обще-словянскомъ.

И примѣры ла̂ж—ла̏жи, ра̂ж—ра̏жи не говорятъ еще противъ принципа Аппеля: польскій языкъ въ данномъ случаѣ могъ имѣть, какъ и русскій, ударѐніе окончанія, болѣе первоначальное для формы gen. s. темъ—і ср. нѣсколько ниже.

Съ другой стороны, польское uschnąć, не гармонируя русскому усо́хнуть, сходится съ сербскимъ усàхнути; ударѐніе было на глагольномъ суффиксѣ—nǫ.

Слово mech—mchu въ нѣкоторыхъ говорахъ, напр. сваженд̀зскомъ имѣетъ е и въ косвенныхъ падежахъ—mechu; въ русскомъ языкѣ также: мохъ—мху́ и мо́ху.

И вокализація ъ, ь въ польскомъ языкѣ въ закрытомъ слогѣ совпадаетъ обычно съ условіемъ ударяемостп слога. Сюда относятся формы им. п. какъ len, lew, sen, pies, mech, въ которыхъ перенесеніе ударенія съ конечнаго ъ на коренной слогъ, повидимому, предшествовало вокализаціи. Далѣе, подъ ударѐніемъ могла возникнуть форма czesny изъ čьstьnъ въ Magdeburg ort.—ср. р. че́стенъ, че́стной, тогда какъ форма cny соотвѣтствуетъ р. честно́й. Соотвѣтствуетъ принципу Аппеля и польское wezmyesz ср. сербское у̏змēм, др.-русское во́зметъ ср. ак. Шахматовъ Изслѣд. 34 с.; chrzesny—с. крснн, р. кре́стный; lekki: с. ла̏к, -а, -о, р. ле́гокъ, ле́гкій.

Въ случаяхъ, когда два слога съ ъ или ь предшествуютъ ударенію, конечно, имѣетъ значеніе лишь качество слога т. е. вокализируется ъ или ь, находящійся въ закрытомъ слогѣ, выпадаетъ—въ открытомъ: такъ изъ *šьpьtáti ср. р. шепта́ть, с. шàптати получается szeptać; изъ *гъръtáti ср. р. ропта́ть—

п. reptać; изъ *gъmъzáťь (въ с. лишь гàмзити)—п. giemzać; изъ *sъžьžé—seszcze Flor. ps.; изъ *žьnьcá, *šьvьcá, *kozьlьcá (ср. р. жнецá, отцá и т. п.), żenca, szewca, kozelca въ древнихъ памятникахъ ср. и chrzepta; наоборотъ, въ им. пад. удареніе падало на предпослѣдній слогъ: *šьvьśc, *žьnьśc, *kozьlьśc; отсюда szwec, żniec, koźlec.

Мы видимъ, что въ общемъ положеніе проф. Поливки могло бы быть примирено съ принципомъ г. Аппеля. Только въ нѣсколькихъ случаяхъ выпаденіе ъ, ь находимъ въ слогахъ, которые являются ударяемыми какъ въ сербскомъ, такъ и въ русскомъ:

brew — brwi: р. бро́вь — бро́ви; с. бр҃в — бр҃ви.

cześć — czci: р. че́сть — че́сти; с. ча̑ст — ча̑сти.

krew — krwi: р. кро́вь — кро́ви; с. кр҃в — кр҃ви ср. еще—

lesć — lśći (др.-п.): р. ле́сть — ле́сти.

płec — płci: р. пло́ть — пло́ти.

Не нахожу, однако, возможнымъ признать эти факты доказательствомъ того, что ъ и ь исчезали въ открытомъ слогѣ и подъ ударéніемъ, — въ виду слѣдующихъ соображеній.

Прежде всего, мнѣ кажется логически невозможнымъ исчезновеніе ударяемаго слога безъ предварительнаго перенесенія ударенія на другой слогъ, перенесеніе же ударенія съ корня на окончаніе въ формахъ *brt́vi, *krt́vi, *čьsti, *lьsti совершенно невѣроятно.

Обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что всѣ 5 словъ относятся къ i — темамъ.

Темы—i уже въ индо-европейскомъ праязыкѣ имѣли, повидимому, удареніе окончанія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ падежей, какъ nom.-acc.-instr. sing., acc. pl. ср. Hirt Indog. acc. 208 c.

Указанія на это сохранились, между прочимъ, и въ словянскихъ языкахъ: ср. loc. s. въ русскомъ: въ брови́, въ кровй́, въ честй́, въ печй́, въ ночй́, во плотй́ и въ сербскомъ пѐћи, нòћи, ча̀сти, ла̀жи; gen.-dat.-loc. s. ржй́, лжй́, вшй́, путй́.

Если въ чешскомъ находимъ: píď, část́, pouť, twář, то эта

долгота можетъ быть объясняема только положеніемъ коренного гласнаго предъ старымъ удареніемъ: какъ извѣстно, чешскій языкъ, также и сербскій въ такомъ положеніи сохраняетъ старую долготу ср. Untersuch. Leskien'a 1893, 6 с. и Indog. Forsch. III, 251 с. Для слова pouť положеніе коренного гласнаго предъ старымъ удареніемъ дѣлаютъ несомнѣннымъ с. пу̑т — пу́та, чак. pút — pūtà и р. путь — пути́; въ словахъ píď, čásť, twář долгота должна быть объяснена такимъ же образомъ, такъ какъ подъ удареніемъ она должна была бы сократиться: сербскій показываетъ, что долгота въ именит. п. подъ удареніемъ была (условно) нисходящая — пе̑д — пе̑ди, че̑ст — че̑сти, тва̑р — тва̑ри, — а нисходящая долгота въ чешскомъ сокращается, — Indog. Forsch. III, 251 с. Слѣдовательно, въ чешскихъ píď, čásť, pouť, twář въ форму имен. п. проникъ типъ ударенія род.-дат.-мѣстн. падежей; наоборотъ, въ сербскихъ формахъ род. п. пе̑ди, че̑сти, тва̑ри и русскихъ пя́ди, ча́сти, тва́ри ударніе коренного гласнаго явилось подъ вліяніемъ им. и вин. п.

Мнѣ кажется, что такое же объясненіе должно приложить и къ сербскимъ ча̏сти, кр̏ви, бр̏ви, русскимъ че́сти, кро́ви, бро́ви, ле́сти т. е. видѣть въ польскихъ brwi, krwi, czći, płći, łści сохраненіе стараго типа ударенія род.-дат.-мѣстн. падежей ед. ч. именъ i — темы: ср. въ кашубскомъ gen.-dat.-loc. krëvÍ, brëvÍ Bronisch 31 с. Съ другой стороны, можно, кажется, указать нѣсколько фактовъ, изъ числа разсмотрѣнныхъ проф. Поливкой, которые свидѣтельствуютъ, что ъ, ь могли вокализироваться и въ открытомъ слогѣ, разъ они были подъ удареніемъ.

Проф. Поливка приводитъ «szczegny» въ Kazaniach husity polskiego, каш. stegna и въ виду вокализаціи ь въ открытомъ слогѣ предполагаетъ основную форму *stъgъna; но въ старославянскихъ источникахъ находимъ лишь стьгно, стьгна ср. Микл. Lex. paleoslov., и нѣтъ необходимости дѣлать такое, ничѣмъ необоснованное, предположеніе, разъ допустимъ, что ъ, ь могли вокализироваться подъ удареніемъ и въ открытомъ слогѣ: ср. р. сто́гна, с. сте̏гна nom. pl. при nom. s. стѐгно.

пол. szept изъ *šьрътъ противорѣчитъ правилу проф. Гебауэра; ожидали бы *špet; конечно, szept можно объяснить и вліяніемъ род. п.: szepta изъ *šьрьta; но интересно, что и сербское ша̏па̂т, и русское шо́потъ какъ разъ указываютъ на удареніе перваго слога; при kozelca с. коза̀лца мы не находимъ kozelc, но лишь kozlec с. ко̀злац; при koźełka изъ kozьlъka находимъ koziołek, контаминацію kozéłka и *koźłek, но не koźełk.

При польскомъ drzwi изъ *dvři находимъ въ діалектахъ dveře (Bystroń «o mowie polskiej.... w księstwie Cieszyńskim» Rozpr. XII, 15 c.), dzwierze Prace fil. III, 305 c. проф. Поливка объясняетъ эту форму вліяніемъ аналогіи твор. пад. dźveřmi изъ *dverьmi.

Мнѣ кажется такое вліяніе формы instr. на имен. п. невѣроятнымъ; скорѣе дѣло объясняется тѣмъ, что форма имен. п. мн. ч., совпадающая въ звуковомъ отношеніи съ формой вин. п. мн. ч., приняла и удареніе послѣдней — на корнѣ; отсюда вокализація ь въ им. п. мн. ч. въ открытомъ слогѣ.

Такимъ же образомъ, аналогіей gen. pl. desk объясняетъ проф. Поливка форму deska при «czka», которое находимъ въ памятникахъ; опять таки предполагать вліяніе одного падежа на всю схему склоненія, на всѣ остальные падежи, въ которыхъ ъ находилось въ открытомъ слогѣ и слѣд. должно было по правилу выпасть, въ высшей степени трудно. Мнѣ кажется, форма deska могла бы быть объяснена удовлетворительнѣе: слово *dъská принадлежало къ числу словъ, въ вин. ед., им. и вин. мн. оттягивавшихъ удареніе на коренной слогъ: голова́ — го́лову; го́ловы; борода́ — бо́роду — бо́роды; доска́ — до́ску — до́ски и въ сербскомъ: nom. s. гла́ва, но acc. s. гла̂ву, nom.-acc. pl. гла̂ве; бра́да, но acc. s. бра̂ду, nom. acc. pl. бра̂де; да̀ска, но acc. s. да̏ску, nom. acc. pl. да̏ске. Форма deska, безспорно, возникла вслѣдствіе того, что им. п. *dъská принялъ типъ ударенія вин. п. *dъ́skǫ; слѣд. получилось *dъ́ska, откуда подъ удареніемъ, хотя и въ открытомъ слогѣ deska; такъ какъ удареніе корня зналъ и им.-вин. п. мн. ч., то проведеніе формы съ вокализаціей ъ по всей схемѣ

склоненія менѣе удивительно, чѣмъ съ точки зрѣнія, предполагающей вліяніе gen. pl. desk.

Ассоціація nom. s. и acc. s. вполнѣ естественна, а фактъ проникновенія типа ударенія вин. п. въ именит. въ польскомъ въ такихъ словахъ доказывается и формами głowa, broda, ścana, strała, środa: какъ увидимъ ниже, во второй части изсл., при сохраненіи ударенія на окончаніи мы получили бы въ этихъ словахъ долгій т. е. позже наклоненный гласный.

Аналогичное объясненіе должно быть примѣнено и къ діалектическому błecha Rozpr. XII, 15 с., каш. błeха у Ram., хотя здѣсь и не имѣемъ указаній на перенесеніе ударенія на корень въ вин. ед.: р. блоху́, с. бу̏ху, а лишь въ им., вин. п. мн. ч.: р. им. мн. бло́хи, с. им.-вин. бу̏хе. Вѣроятно, въ данномъ діалектѣ переносъ ударенія на корень былъ и въ вин. п. Наоборотъ, не находимъ формы съ вокализаціей въ словѣ *slьzá, гдѣ также удареніе корня было лишь въ им.-вин. мн. ч.: р. сле́зы, но слезу́; с. сȕзе, но сȕзу; не находимъ вокализаціи и въ польскихъ рефлексахъ об.-сл. *tьmá, *mьglá, въ которыхъ удареніе окончанія было проведено по всей схемѣ склоненія.

Уже Аппель P. Ф. В. 1880, IV, 70 с. искалъ причины двойственности рефлексовъ *dъska: cka и deska въ удареніи, но иначе представлялъ себѣ происхожденіе двухъ типовъ ударенія въ данномъ словѣ: «въ говорѣ, которому принадлежитъ форма cka, передвижка ударенія на предыдущій слогъ началась позже паденія глухихъ гласныхъ». Очевидно, г. Аппель думалъ, что форма deska возникла въ силу спеціально польскаго передвиженія ударенія; но во-первыхъ трудно думать, чтобы выпаденіе ъ, ь совершилось не въ одно и тоже время (приблизительно) во всѣхъ говорахъ; во-вторыхъ, польское передвиженіе ударенія, навѣрное — фактъ не такой глубокой древности, чтобы онъ могъ застать еще ъ, ь въ открытомъ слогѣ; поэтому естественнѣе думать, что въ двойственности cka — deska отразились еще общесловянскія акцентуативныя отношенія: *dъská — *dъ̀skǫ.

Болѣе приложимо объясненіе аналогіей къ формамъ «deszcz», «deszczem» въ Puł. ps. при «dszdza», «dszdzowie», «dszdzye», «we dzdzu» въ томъ же или другихъ памятникахъ; но и здѣсь двойственность могла бы съ равнымъ правомъ быть возводима къ колебаніямъ ударенія: ср. р. дождь — дождя́, чак. dáž — dāžjà, но с. да̂жд — да̏жда. Тоже въ словѣ cieść — ćća и cieścia: слово

принадлежало первоначально къ i — темамъ; сербскій сохранилъ указаніе на удареніе окончанія въ род. п.: та̑ст — та̀ста; съ переходомъ въ темы — jo было связано передвиженіе ударенія, отразившееся въ русскомъ те́стя, чаковскомъ tàsta и польскомъ cieścia.

Значеніе для вопроса приводимаго проф. Поливкой изъ Софійской Библіи примѣра: se czczó swó мнѣ неясно; Małecki транскрибируетъ tścią; возможно, что форма эта представляетъ — instr. s. имени ж. р. темы — i, съ первоначальнымъ удареніемъ на окончаніи подъ вліяніемъ gen.-dat.-loc. sing. Въ примѣрѣ «na czczo», «to się czasem na czczo spiią» у Рея, которое проф. Поливка связываетъ съ *tъštь, ъ могъ быть неударяемъ ср. р. тощъ — тоща́; также въ tszczicza = taedium (Flor. ps.).

Такимъ образомъ, можно считать условіями выпаденія ъ, ь въ польскомъ языкѣ открытость и неударяемость слога; условіемъ вокализаціи — закрытость или ударяемость слога.

Въ говорѣ Крженцина г. Dobrzycki открылъ «krótkie i, jakby ślad dawnego ь» въ словахъ «ṕĭńák — ṕĭńáka; paľĭca, palĭce» Rozpr. XI, 335 с. причемъ въ словѣ paľĭca на этомъ ĭ является удареніе; «palica, palice» отмѣчаетъ и г. Лось въ опочиньскомъ говорѣ Rozpr. XI 149 с. Конечно, странно въ этомъ явленіи видѣть, какъ то дѣлаетъ г. Dobrzycki, «архаизмъ». Сохраненіе ь въ одномъ или двухъ словахъ въ открытомъ, первоначально неударяемомъ слогѣ немыслимо. Какъ бы ни объяснялось оно (ср. объясненіе palice, маловѣроятное, у г. Аппеля Р. Ф. В. 1880 г., IV, 264 с.), — за архаизмъ его признать нельзя.

Получившееся изъ ъ, ь въ закрытомъ слогѣ или подъ удареніемъ e, ′e въ тѣхъ же условіяхъ, что и старое e, ′e, подвергалось вторичному удлиненію; дальнѣйшая судьба этого ē, ′ē та-же, что и ē, ′ē изъ об.-сл. *e.

Особо должно оговорить судьбу прасловянскихъ ъ, ь въ положеніи предъ j; вѣроятно, уже въ об.-сл. языкѣ ъ и ь въ такомъ положеніи подвергались фонетическому измѣненію въ направленіи къ ы, i, быть можетъ, сохраняя при этомъ свой редуцированный характеръ. Вѣроятно, эти особые звуки, редуцированные ы, i скрываются за колебаніемъ старословянской графики между ы, i и ъ, ь въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ: **гоненьѥ — гонениѥ, костьѭ — костиѭ** и т. п. Быть можетъ, эти редуцированные ы, i являлись и на мѣстѣ старыхъ об.-сл. у, i (изъ ū, ī) въ положеніи предъ j, въ случаяхъ, какъ **биѭ — бьѭ** ср. вообще

по этому вопросу у ак. Шахматова Изслѣд. 33 и сл., В. Н. Щепкина Разсужденіе 235 и сл. и Б. М. Ляпунова «Изслѣдованіе о языкѣ синодальнаго списка 1-ой Новгородской лѣтописи» 121 и сл.

Въ польскомъ языкѣ въ открытомъ неударяемомъ слогѣ такіе ъ, ь предъ j исчезли, стянувшись со слѣдующимъ гласнымъ въ одинъ долгій: sędziá, kośćią instr. s., znamenié съ наклоненнымъ гласнымъ. Въ закрытомъ слогѣ изъ ъ, ь предъ j находимъ y, i: dobry, letni, orli (въ Сважендзѣ еще dobryj). Если въ myję, kryję, biję мы имѣемъ дѣло съ редуцированнымъ y, i изъ первоначальныхъ y, i (ū, ī), то польскіе y, i въ данныхъ формахъ явились въ открытомъ слогѣ *подъ удареніемъ*, при чемъ въ biję удареніе явилось на редуцированномъ i подъ вліяніемъ ф.ф. остальныхъ лицъ: первоначальная схема, вѣроятно, была: bijǫ́—bíješь, bíjetъ и т. д., ср. могу́ — мо́жешь.

Судьба ъ, ь въ сважендзскомъ говорѣ въ общемъ та-же, что и въ другихъ говорахъ польскаго языка; ъ вокализуется въ открытомъ слогѣ, — подъ вліяніемъ ли аналогіи им. п. или подъ удареніемъ, не рѣшаю, — въ словахъ: mech — mechu и dyšč — dyšču; въ послѣднемъ примѣрѣ рефлексъ долгаго e — y во всякомъ случаѣ проникъ изъ именительнаго падежа.

Старое ъ, ь въ закрытомъ слогѣ является въ видѣ y, i въ виду вторичнаго удлиненія въ nom. s. именъ м. р.: syn — snu; ṕiń — pńa, d͡źiń — dńa, ľin — ľnu, dyšč — dyšču, u̯ógiń — u̯ogńa.

Наоборотъ, не находимъ удлиненія въ e изъ ъ, ь въ формѣ nom. s. именъ: ṕes — psa, mech — mechu, v́eś — fsi, češć — čći, kref — krv́i, marchef — marchvi, brukef — brukví; въ именахъ съ суффиксомъ -ek изъ -ъk-: pońed͡źałek, ftorek, kotek, dumek, kǫsek, panek, ṕosek, smutek, środek; въ именахъ съ суффиксомъ -'ec- изъ -ьc-: v̥ińec, chłoṕec, śostšyńec.

Особую категорію удлиненія представляетъ флексія instr. s.

masc. n. -ym, -im изъ -ъmъ, -ьmъ: synym, panym, u̯oknym, skšydłym, ṕurym, żelazym, boǵim, polím, zbożym; nożym, zdańim, kuńim и т. п.

Удлиненіе вслѣдствіе выпаденія ъ, ь внутри слова находимъ въ прилагательномъ ćimnyj изъ *tьmьnyj: ср. setnyj, pewnyj; въ okinko, ṕosynka; въ существительномъ zymsta и энклитическихъ сочетаніяхъ: zy͡mnom, nady͡mnom.

9. Польскіе рефлексы об.-сл. согласныхъ.

Въ области консонантизма, — оставляя пока въ сторонѣ явленія комбинаторныхъ измѣненій, — свaжендзскій говоръ не представляетъ почти никакихъ отступленій отъ общепольской фонетики. Съ другой стороны, и разсмотрѣніе общепольскаго консонантизма требуетъ значительно менѣе времени и мѣста, чѣмъ вопросы вокализма. Соединяю поэтому разсмотрѣніе об.-пол. и свaжендзскихъ согласныхъ въ одну главу.

I. Изъ об.-сл. губныхъ *p, *b, *v губно-носового *m, носового *n, плавнаго *r, зубныхъ *d, *t, *z, *s въ положеніи ихъ предъ гласными *a, *o, *u, *ъ, *y, *ǫ — въ польскомъ языкѣ вообще и въ свaжендзскомъ говорѣ въ частности находимъ согласные p, b, v, m, n, r, d, t, z, s: pęto ̨изъ pǫto, baba, voda, morze, nad, zar, dar, tuk, sąd, zą̨b.

Изъ этихъ согласныхъ въ дополнительномъ замѣчаніи нуждается зубно-губной спирантъ v. Въ этомъ звукѣ отразились, какъ об.-сл. *v старое, полученное об.-сл. языкомъ изъ индоевропейскаго, такъ и v изъ приставного u̯, которое являлось въ об.-сл. языкѣ предъ начальными гласными ъ (ŭ), ū, ȳ, ā, ǭ: въ словахъ, какъ vǫsy (р. усы), vyknǫć, vapno, vtorek изъ *vъtorъkъ, vuj—ак. Фортунатовъ «Лекціи по старослав. яз.». При начальномъ ū приставное u̯ исчезло: ucho, ul, umieć, uzda, сохранившись только въ словѣ *vūjь: съ пол. vuj ср. болг. вуйна при уйка, малор. вуй, вуйна. Это обстоятельство ак. Фортунатовъ ibid. объясняетъ тѣмъ, что въ словѣ *vūjь изъ *u̯oujь дифтонгъ

o̯u̯, находясь въ особомъ положеніи. — предъ j, измѣнился въ долгій закрытый гласный, предъ которымъ u̯ перешло въ v раньше, чѣмъ въ другомъ положеніи; *ūcho получилось изъ *u̯ou̯cho безъ посредства *vūcho, съ утратой u̯.

Какъ бы то ни было, но на необходимость различать въ польскомъ v два звука различнаго происхожденія даетъ указанія самъ польскій языкъ въ нѣкоторыхъ своихъ говорахъ: въ сважендзскомъ говорѣ литературному vuj также соотвѣтствуетъ форма съ губно-зубнымъ спирантомъ v предъ u; но въ говорѣ Stonawki, напр., находимъ ujec Rozpr. XII, 11 с., въ бржезиньскомъ говорѣ ᵘujek, ᵘujanka Rozpr. VIII, 207 с.

II. Польское ł велярное восходитъ къ об.-сл. l несмягченному. Было ли это l звукомъ инымъ, чѣмъ ł велярное, трудно сказать. По мнѣнію ак. Шахматова, «общезападнославянскій языкъ получилъ изъ общеславянской эпохи два l: l (европейское) несмягченное и смягченное: ср. эти два l въ современныхъ южнославянскихъ языкахъ»; «я не вижу основаній», прибавляетъ онъ, «допускать для общеславянскаго языка существованіе звука ł, хотя можетъ быть l общеславянское и отличалось отъ такъ называемаго европейскаго l».

Отчетъ о присужденіи премій проф. Котляревскаго въ 1898 г., 56 с. ср. позже, въ 1902 году: «Въ общеславянскихъ сочетаніяхъ ol, el звукъ l звучалъ ł т. е. не такъ, какъ обыкновенное европейское l, а болѣе открыто (хотя звукъ общеславянскаго ł нельзя, повидимому, отожествлять ни съ русскимъ, ни съ польскимъ ł)...». Изв. VII 2, 307 с.

Ссылаясь на южнословянскіе языки, ак. Шахматовъ забываетъ, что и въ нихъ мы находимъ несомнѣнныя указанія на велярное ł: ср. напр. сербскую вокализацію конечнаго l въ o или измѣненіе плавныхъ сочетаній въ u: жути, сунце и т. п., въ нѣкоторыхъ же говорахъ въ o: hom, pono, soza, boha (Лагоста); эти явленія прекрасно объясняются близостью артикуляціи велярнаго ł къ артикуляціи гласныхъ u, o и становятся непонятными, коль скоро мы будемъ исходить изъ зубной артикуляціи l несмягченнаго; ср. аналогичное жѫто, дѫго западноболгарскихъ говоровъ изъ *zъlto, *dъlgo; проф. Лавровъ «Обзоръ» 112 с.

Иначе Облакъ, по мнѣнію котораго о изъ ł̥ въ Лагостѣ объясняется тѣмъ, что ł̥ измѣнилось въ среднее l: «wenn wir daneben, wie erwähnt, auch o finden, so glaube ich dies gegenüber dem u dadurch zu erklären, dass in diesen Dialecten sich das kurze l länger hielt als in den östlichen und dass, als der Wandel desselben in o aufkam, es nicht mehr hart gesprochen wurde — denn nur aus ł wird u — dass es vielmehr bereits zum heutigen mittleren l geworden war». Arch. XVI, 203 c. Но предположеніе Облака лишне: ł столь же близко по своему образованію къ o, сколько и къ u. Формы древне-сербскихъ памятниковъ, какъ слоунце ср. Изв. III 4, 1152 с., вѣроятно, представляютъ предшествующую ступень въ развитіи формы *сунце*: *sł̥nce > *słunce > sunce. Впрочемъ не исключена и возможность, что самое написаніе лоу было выраженіемъ, по необходимости неточнымъ, слогообразующаго велярнаго ł. Въ случаѣ перваго пониманія, сербскій процессъ — прекрасная параллель діалектическому польскому измѣненію tłusty въ tusty.

Эти указанія южнославянскихъ языковъ не считаю однако рѣшающими вопросъ въ пользу предположенія об.-сл. ł велярнаго: ср. твердое зубное l русскаго языка.

Артикуляція польскаго велярнаго ł была уже мною охарактеризована относительно свапжендзскаго говора во введеніи къ изложенію фонетики. Сходное описаніе даетъ проф. Розвадовскій относительно ł въ выговорѣ образованныхъ классовъ общества зап. Галиціи Mat i prace I 1, 110—111 сс. Вѣроятно, ту же артикуляцію нужно предполагать и въ другихъ польскихъ говорахъ, изслѣдователи которыхъ, обыкновенно, не даютъ точнаго описанія даннаго звука.

ср. въ писаржовицкомъ говорѣ: «ł wymawia się wargowo» Spraw. IV, 10 с.; то же опредѣленіе — «wargowe» — находимъ относительно говора Krzęcin'a, Rozpr. XI (II s.), 345 с., относительно зебржидовскаго говора Rozpr. IX, 171 с. и относительно касиньскаго Rozpr. VIII, 247 с. На сохраненіе этимъ звукомъ особой артикуляціи указываетъ опредѣленіе, которое даетъ изслѣдователь бржезиньскаго говора, г. Zawiliński: «og.-pol. ł brzmi wargowo. Jest to coś różnego od przygłosu "na początku przed *o*, a niekiedy przed *u* się pojawiającego» Rozpr. VIII, 204 с.; ср. въ Сławkowie: «ł wymawia się dość wyraźnie» Zbiór X, 187 с.; въ Łukowcu: «dźwięk ł brzmi bardzo wyraźnie, jednak więcéj gardłowo» Zbiór VIII, 247 с. Относительно говора Sromowiec Wyżnich болѣе ясное опредѣленіе даетъ проф. Rozwadowski: звукъ этотъ «nie jest ani ł ani u̯, tylko niesonanticzna samogłoska z obojętnym układem języka, zależnym od następującej głoski, a silnie zaokrąglonemi i cofniętemi wargami» Mat. i prace, I 1, 60 с.

Въ иныхъ говорахъ, повидимому, ł измѣнилось въ u̯: въ оппельнскомъ говорѣ, по свидѣтельству L. Malinowsk'аго: «ł wird labial als kurzes ŭ ausgesprochen» Ueber die oppeln. M. 34 с.; объ этомъ переходѣ свидѣтельствуетъ и измѣненіе въ данномъ говорѣ siła въ «śuŭa» (точнѣе śŭŭa?); можетъ быть, u̯

скрывается подъ ł и въ записяхъ изъ одного мазурскаго говора г. Уляновской Zbiór VIII, 273, 300 сс.: если ẃuła, puśćuła и т. п. не обязаны своимъ происхожденіемъ аналогіи им. п. ед. ч. м. р. — *ẃüų̈, *puśćüų̈ (ср. «robiuł, postawiuł»), то измѣненіе i въ ′u (′ü?) могло быть вызвано лишь переходомъ ł въ ų̈ и въ данномъ положеніи т. е. въ открытомъ слогѣ.

проф. Kopiernicki въ своей характеристикѣ горальскаго говора пишетъ вм. ł—û: gûowa, ûadny и т. п. Rozpr. III, 359 с.; г. Udzieła въ текстахъ изъ Ropczyc:—biá°a—biała Zbiór X, 122 с.; г. Wierzchowski относительно повѣтовъ «Tarnobrzeskiego i Niskiego» свидѣтельствуетъ: «spółgłoski ł czysto nie wymawiają, zastępując ją brzmieniem podobnym do u» Zbiór XIV, 157 с. Въ послѣднемъ случаѣ, можетъ быть, подъ звукомъ, «подобнымъ *u*», скрывается все тоже велярное ł. Въ частности относительно *великопольскихъ* говоровъ Кольбергъ отмѣчаетъ переходъ ł въ ŭ (= ų̆?) въ Odolanowie, Ostrzeszowie: «ŭawa, ŭožka» Zbiór I, 12 с.; можетъ, на совпаденіи ł съ ų основано и свидѣтельство г. Петрова о приставномъ ł въ рыпиньскомъ и липновскомъ уѣздахъ Плоцкой губ.: łogoп, łuczyć = ogoп, uczyć Zbiór, II, 5 с.

Въ предыдущемъ изложеніи уже были разсмотрѣны нѣкоторые изъ фонетическихъ процессовъ, связанныхъ съ физіологическимъ характеромъ звука — ł. Сюда относятся: 1) измѣненіе конечнаго ł послѣ гласнаго въ ų: fstoų, doų = wstał, dał; 2) ассимиляція въ получившихся въ виду этого измѣненія группахъ: — yų, — ių: żuų, buų изъ żyų (żył) byų (był); prośüų, zrobüų изъ prośių (prośił), zrobių (zrobił); 3) диссимиляція въ группахъ łu, ło: słyńce, młedy изъ słuńce, młody; 4) исчезновеніе конечнаго ł въ положеніи послѣ согласныхъ: pšyšet = przyszedł; umar = umarł; ńus = ńósł; muk = mógł; ẃus = ẃózł; kłot = kłádł и т. п. То же явленіе — внутри словъ, въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ согласныхъ, какъ japko = jabłko.

Послѣднее явленіе находимъ не только въ народныхъ говорахъ: ср. у горалей Rozpr. III 360 с., въ лясовскомъ Rozpr. VIII 116 с., въ опочиньскомъ Rozpr. XI 170 с., бржезиньскомъ Rozpr. VIII 205 с., зебржидовскомъ Rozpr. IX 171 с. и др.,— но и въ языкѣ образованныхъ классовъ общества ср. Mater. i prace I 1, 110.

III. Об.-слов. небные взрывные k, g и фрикативный ch являются и въ польскомъ въ видѣ k, g, ch предъ гласными a, o u, ą, ę (изъ *ǫ); сочетанія согласныхъ k, g съ несмягченными гласными y и e изъ ъ измѣнились въ сочетанія ki, ke т. е. k, g стали

смягченными въ данныхъ сочетаніяхъ; то же — въ Сважендзѣ: suk̓inko, ćiŋǵim, гдѣ i изъ é, а это послѣднее изъ ъ; druǵi, matk̓i gen. s., tyŋǵi, letk̓i, cołk̓i n. s. m. Смягченными являются согласные k, g и предъ смягченными согласными: jaǵńe, k̓v́at, ǵv́ozda. Наоборотъ фрикативный ch сохраняется несмягченнымъ: muchy g. s., duchy n. pl., marchev — marchv́i.

Въ говорахъ прусскихъ мазуровъ г. Sembrzycki отмѣчаетъ измѣненіе ch въ смягченный фрикативный не только предъ y, но и предъ a: «chiyba, kochiany» Wisła III, 82 c.

Звонкій фрикативный h, существующій въ польскомъ въ заимствованныхъ словахъ, въ сважендзскомъ говорѣ замѣняется фрикативнымъ — ch: chałas, chrab̓a, chańba, chardy, charbata, ср. тоже въ говорахъ: лясовскомъ Rozpr. VIII 111 c., зебржидовскомъ Rozpr. IX 170; изъ великопол. — въ Мѣйской Г. Rozpr. IX, 129 c.

IV. Въ положеніи предъ j об.-сл. согласные являлись смягченными: l, r, n въ такомъ положеніи являлись въ видѣ ľ, ŕ, ń; (изъ ŕ затѣмъ ř и позже ž); согласные p, b, v, m измѣнялись въ группы ṕľ, b̓ľ, v́ľ, ḿľ; діалектически же не въ началѣ слова въ ṕ, b̓, v́, ḿ; послѣднее находимъ и въ польскомъ языкѣ.

О нѣсколькихъ отступленіяхъ, какъ grobla, kropla, см. проф. Флоринскій «Лекціи» II, 429 c. и проф. Брандтъ «Крат. фон. и м. п. яз.» 12—13 c.

Зубные взрывные d, t въ сочетаніи съ j дали въ польскомъ языкѣ dz, c — вѣроятно, изъ *dẑ′ *ć (на это указываетъ отсутствіе измѣненія ě въ ′a предъ c изъ *tj: sv́éca); зубные фрикативные s, z + j измѣнились въ *š′, *ž′ и затѣмъ въ š, ž. Небные k, g, + j дали аффрикаты *č′, *d͡ž′, откуда въ польскомъ č, ž; фрикативный небный ch + j измѣнился въ фрикативный š.

Этимъ общепольскимъ рефлексамъ прасловянскихъ сочетаній «l, r, n, p, b, v, m, d, t, s, z, k, g, ch + j» соотвѣтствуютъ тѣ же звуки въ сважендзскомъ говорѣ: ľ, ž (изъ ř — ŕ), ń, ṕ, b̓, v́, ḿ, d͡z, c, č, š (изъ s + j и изъ ch + j), ž (изъ z + j и изъ g + j.).

V. Въ положеніи предъ гласными передняго ряда: *e, *ь, *ę; *i, *ě об.-сл. согласные r, l, n, p, b, v, m, s, z, d, t, повидимому,

не были смягченными: ср. въ старославянскихъ памятникахъ ре, рь при р̀е, р̀ь = rje, rj̀ь.

Означенные согласные въ данномъ положеніи въ польскомъ языкѣ палатализировались, перешли въ смягченные ŕ, ĺ, ń, ṕ, b́, v́, ḿ, d́, t́, ś, ź. Нѣтъ необходимости возводить это смягченіе непремѣнно къ общезападнословянской эпохѣ, тѣмъ болѣе, что такое возведеніе пришлось бы ограничить лишь положеніемъ означенныхъ согласныхъ предъ гласными *i, *ě: чешскій языкъ своими формами nesete, kost, tma (ср. польскія ńeśeće, kość, ćma) указываетъ, быть можетъ, на полумягкіе согласные предъ e, ь, затѣмъ отвердѣвшіе.

ср. по вопросу о смягченіи согласныхъ ак. Шахматова «Отчетъ о присужденіи премій проф. Котляревскаго въ 1898 г.», 41—51 с.; также статью «Къ исторіи звуковъ русскаго языка» въ Изв. I 4, с. 695—743.

Смягченное ŕ измѣнилось въ аффрикативный ř (приблизительно въ концѣ XII в. ср. проф. Бодуэнъ де К. «О др.—п. яз.» 53 с.), который затѣмъ въ большинствѣ говоровъ упростился въ ž, отвердѣвшее, какъ и ž иного происхожденія.

Сохраненіе ř, какъ особаго звука, напр. въ говорѣ зебржидовскомъ Rozpr. IX 170 с., въ Sromowcach Wyżnich Mat. i pr. I 1, 60 с., въ силезскихъ говорахъ Ueber Oppeln. M. 34 с. и др.

Приблизительно въ ту же эпоху, въ которую ŕ измѣнилось въ ř, смягченные d́, t́ перешли въ аффрикаты d͡ź, ć.

Об.-польскимъ смягченнымъ ŕ, ĺ, ń, b́, ḿ, v́, ṕ, d́, t́, ś, ź соотвѣтствуютъ сважендзскіе ž, ĺ, ń, b́, ḿ, v́, ṕ, d͡ź, ć, ś, ź. При этомъ смягченные губные b́, ṕ, v́, ḿ въ концѣ словъ теряютъ палатализацію: ńe rup = ńe róṕ; drup = dróṕ; ńedvop = hedvap; pof = paẃ; trof = traf́; то же — въ иныхъ говорахъ, напр. въ зебржидовскомъ Rozpr. IX, 173 с. или въ великопольскомъ говорѣ Miejsk'oй Górk'и Rozpr. IX, 130 с.

Губные согласные въ отличіе отъ другихъ неспособны къ непосредственному мульрованію т. е. извѣстной модификаціи артикуляціи и представляютъ одновременную артикуляцію губного взрыва или тренія (Reibung) и мульрованнаго язычнаго согласнаго; ср. Bremer «Deutsche Phonetik» 1893 г., § 64, пр. 2. Такимъ образомъ, губная артикуляція конечныхъ p, b, v, m, f остается неизмѣнной, исчезаетъ лишь одновременная артикуляція язычнаго j.

VI. По отношенію къ смягченію означенныхъ согласныхъ въ положеніи предъ ь необходимо сдѣлать дополнительное замѣчаніе: смягченіе согласныхъ предъ ь конечнымъ проведено въ польскомъ языкѣ вполнѣ послѣдовательно: kość, gość, gwoździ, pięć, sześć, pić, bić, dzień, koń, twarz, lekarz, pisarz, skotarz, król, sól, kowal', łabędź, pieśń, wieś, gęś и т. д.

Между тѣмъ внутри словъ при lva, lnu, klnę, koźlę, wiezmę, trzćina, chrześćić, ćma, źdźbło находимъ: dnia, łza изъ *slьza, psa, pśenica, mniej, mniemać, mścić, mgnąć, prawda, orła, kotla, osła, orle, kotle, osle, morski, malarski, pisarski, podkomorstwo, zawistny, kostnica, godny, głodny, konny, żelazny; при jutrznia, wnętrzny, wietrzny имѣемъ: mierny, wierny, gospodarny; при kwaśny, ukośny, głośny — ciasny, cielesny, doczesny, jasny и miłosny, własny, zazdrosny.

Уже Małecki, сопоставившій эти примѣры, установилъ въ общемъ правильную точку зрѣнія на нихъ: онъ разсматривалъ примѣры съ твердой согласной предъ выпавшимъ ь, какъ результатъ комбинаторнаго измѣненія согласныхъ: предъ согласными c и s «rz» отвердѣваетъ въ r; предъ ĺ, l отвердѣваютъ «rz, ć, dź, ś, ź», предъ n, ń отвердѣваютъ «rz, ć, dź, ń» т. е. на ихъ мѣстѣ являются r, t, d, n. Gramm. hist.—porówn. I 150—151 c.

Необходима лишь оговорка, что отвердѣвали не rz, ć, dź, но *ŕ, *t́, *d́, еще до измѣненія этихъ согласныхъ въ ř, ć, dź. Формы miłosny, własny, zazdrosny получили группу sn изъ *stьn; въ формахъ же jutrznia, wnętrzny, wietrzny сохраненіе первичнаго «rz» Małecki объясняетъ вліяніемъ предшествующаго ему t, хотя самъ замѣчаетъ, что въ словѣ jędrny предшествующее мягкому r — d не имѣетъ такого задерживающаго вліянія.

Въ группѣ śn Małecki принимаетъ смягченіе за первоначальное, оставляя безъ объясненія «исключенія»: ciasny, cielesny, jasny. Какъ результатъ комбинаторнаго измѣненія, разсматривалъ польское dńa при ćma О. Брохъ въ небольшой замѣткѣ: «Русское тьма — дня, польское dńa — ćma» въ Сборникѣ статей въ честь проф. Корша, 277—281 с.: встрѣча d́ со слѣдующимъ

n и вообще съ однородной по мѣсту образованія согласной препятствуетъ палатализованному d́ взрываться обыкновеннымъ образомъ, какъ въ концѣ слова, а потому исчезаетъ тотъ переходный «звукъ — chi», который является необходимымъ элементомъ въ образованіи польского dź. Въ widźny и т. п., разстояніе между артикуляціей d́ и слѣдующаго n слишкомъ малое для того, чтобы не произошла ассимиляція: исчезаетъ лишь дорсальный подъемъ, который вноситъ въ артикуляцію d палатальность.

Процессъ иллюстрируется и русскими *видный*, *судный*, *сводный*, *родство* при: *вѣдьма*, *городьба*, *свадьба*, *судьба*, *батька*, *дядька* и т. п. Русскимъ *судный*, *видный*—параллельны польскіе godny, głodny. Совершенно тотъ же процессъ ассимиляціи представляетъ польское konny, р. конный изъ *końnyj; п. żelazny и р. желѣзный, п. łza изъ ĺza; п. osła и osle и р. осла; п. własny изъ *własńy; п. jasny, р. ясный изъ *jaśnyj; п. wierny р. вѣрный изъ *věŕnyj; п. morski и р. морской. Во всѣхъ этихъ сочетаніяхъ ńn, ĺz, źn, śl, śtn, śn, ŕn, ŕsk переходъ отъ перваго согласнаго съ дорсальнымъ подъемомъ къ второму безъ такового является затруднительнымъ.

Что касается формъ jutrznia, wnętrzny, wietrzny, то объясненіе Małeck'аго, конечно, не можетъ быть принято: предшествующее t не измѣняетъ дѣла, а наоборотъ благопріятствуетъ измѣненію сочетанія ŕn въ rn, ср. и jędrny; rz явилось въ данныхъ словахъ на мѣстѣ r, вѣроятно, не фонетическимъ путемъ: jutrznia подъ вліяніемъ jutrzeńka, jutrzejszy, jutrzeć; wnętrzny подъ вліяніемъ wnętrz, wnętrze; wietrzny подъ вліяніемъ wietrzyk, wietrzysty, wietrzyć, wietrzeć. Точно такъ-же и głośny, kwaśny, ukośny не первоначальны, какъ думаетъ Małecki, но явились подъ вліяніемъ głosić, kwasić, kwaśec (gen. s. kwaśca), *ukosić; ср. р. гласный, квасной.

Измѣненіе группъ ṕs, ṕš, ḿn, ḿść, ḿg, v́d въ группы ps, pš, mn, mść, mg, vd также находитъ себѣ параллель въ русскихъ: пса, пшеница, мнить, мстить, правда, мгла и представляетъ также исчезновеніе дорсальной артикуляціи, одновременной губ-

ному взрыву, при переходѣ къ слѣдующему согласному; такое исчезновеніе j было отмѣчено выше и при конечныхъ губныхъ.

VII. Небные k, g, ch въ положеніи предъ гласными передняго ряда уже въ общесловянскую эпоху, какъ можно думать въ виду согласнаго показанія отдѣльныхъ словянскихъ языковъ, измѣнились въ č′, ž′ (изъ d͡ž′) š′, а предъ рефлексами дифтонговъ, затѣмъ совпавшими съ ě, i иного происхожденія, въ ć, d͡ź, ś. Послѣдніе смягченные согласные находимъ на мѣстѣ небныхъ k, g, ch и въ результатѣ вліянія предшествующихъ гласныхъ передняго ряда, въ примѣрахъ, какъ *polьd͡źa, *stьd͡źa, *ovьća.

Объ этомъ смягченіи см. статью проф. Бодуэна де К. Indogerm. Forsch. IV (1894 г.) 46—53 с. То же вліяніе предшествующей гласной принимаетъ ак. Шахматовъ, но иначе опредѣляетъ условія этого вліянія Изв. I 4 (1898 г.), 703 с.

Кромѣ того *ć получалось діалектически, вѣроятно, и изъ группы kt въ положеніи предъ гласными передняго ряда: *reć͡s изъ *pektь. На мѣстѣ ś изъ ch юговосточныхъ словянскихъ языковъ — въ западнословянскихъ языкахъ, какъ извѣстно, является š: loc. s. f. пол. mu̯sze, чеш. mouše, лужицкое muše, словинцское mûšä; gen. s. чеш. všeho, в.-луж. všeho, н.-луж. šogo, пол. wszego, словинцское fšię̯vå; внутри слова такое западнословянское š на мѣстѣ ś иныхъ словянскихъ языковъ находимъ въ ч. šedý, п. szadawy и чеш. šery, н.-луж. šery, п. szary.

Ср. Ж. М. Н. Пр. 311 т., № 5, 44 с. (ак. Соболевскій) и Z. K. XXXVII 2, с. 265.

Смягченные согласные *č′, *ž′, *š′, *ć, *d͡ź, какъ изъ k, g, ch, kt, такъ и изъ *tj, *dj, *sj, *zj въ польскомъ языкѣ отвердѣли, — вѣроятно, еще въ эпоху доисторическую, когда d, t предъ гласными передняго ряда сохранялись, какъ d, t или какъ d′, t′.

На мѣстѣ общепольскихъ твердыхъ š, ż, č также ř находимъ мягкіе лишь въ переходныхъ польско-чешскихъ говорахъ: ср. въ говорѣ Stonawki Rozpr. XII, 9 с.

Относительно діалектической замѣны согласныхъ š, ż, č свистящими s, z, c (т.-н. «мазурованіе») см. книгу г. Dobrzyckiego «O tak zvanem mazurowaniu w języku polskim» Krakow 1900 г.

Въ сважендзскомъ говорѣ общепольскимъ č, š, ž, c, dz соотвѣтствуютъ также твердые š, ž, č, c, dz.

VIII. Изъ об.-сл. j различнаго происхожденія находимъ общепольское и сважендзское j. Замѣчу, что въ сважендзскомъ говорѣ конечное j въ n. s. m. прилагательныхъ полныхъ послѣ y не исчезаетъ, какъ въ другихъ говорахъ, но слышится довольно ясно: dobryj, mocnyj, godnyj и т. п. Наоборотъ tani, letńi, orli и т. п. безъ j.

IX. Подобно другимъ говорамъ польскаго языка, сважендзскій говоръ измѣняетъ звучный согласный предъ слѣдующимъ беззвучнымъ въ беззвучный: ofca = owca; ićće = idźće; fstaje = wstaje; łyško = łużko; fšystko = wszystko; сказанное имѣетъ значеніе и по отношенію къ конечнымъ согласнымъ въ тѣсномъ сочетаніи словъ: f tyj = w téj; ukłot pot te gure = układł pod tę górę, pot kośołek; тогда какъ предъ звучнымъ согласнымъ слѣдующаго слова конечный согласный звучный предыдущаго сохраняется звучнымъ: teroz do boru; mug głowe vetknunć; tyž za ńum. . . и т. п.

Предъ звучнымъ согласнымъ, наоборотъ, беззвучный измѣняется въ звучный: prośba = prośba, zberać, zbliska и т. п.

X. Въ заключеніе отмѣчу нѣкоторыя частныя явленія сважендзскаго консонантизма.

Группа согласныхъ jdź измѣняется въ ńdź въ глагольныхъ формахъ vyńdźe, dońdźe, zańdźe, pšyńdźe. Hanusz предполагаетъ вліяніе формъ *vъnić, *vъnidę (въ Сважендзѣ vńiść), гдѣ n относится къ префиксу въ Przeglądu Akademickiem 1881 г. Kraków 163 c.

Группа źm′ измѣняется въ группу źń въ глагольной формѣ veźńe 3 s. pr.; ср. въ лясовскомъ говорѣ: vezne 1 s. pr., veznô Rozpr. VIII 115 c. въ бржезиньскомъ: veznę, veźńes, veźńe и т. д. Rozpr. VIII 207 c. Вѣроятно, оказали вліяніе формы, какъ vźenli изъ vzięli, vźun, vźena, vźeno.

Группы -dьc, -tьc измѣняются въ польскомъ языкѣ въ -jc; въ Сважендзѣ находимъ также zdrojca = *zdradьca, ojca =

*otьca, но roćca = *radьca; nom. s. oćec, а не ojćec, явившееся въ литературномъ языкѣ подъ вліяніемъ gen. s.

Вмѣсто ожидаемой группы śrz изъ śŕ находимъ śr: środa, śrybro (въ другихъ говорахъ srybło, съ диссимиляціей). Явленіе это отмѣтилъ уже Małecki Gramm. 1863, 48 с. Вѣроятно, ŕ отвердѣло въ группѣ śŕ еще до измѣненія ŕ въ rz: артикуляція ś и слѣдующаго за нимъ ŕ слишкомъ близки; отсюда — диссимиляція; ср. также źrenica, źródło при zdŕódǫo въ оппельнскомъ говорѣ, гдѣ также střibro, postředni Ueber d. oppeln. M. 34 с. Группа ź́ŕ, вѣроятно чрезъ посредство źŕ, также измѣняется въ źr: źre 3 s. pr. (źrom 3 pl. pr.); źryьe n. s.

Группа st измѣняется въ zd въ формахъ вспомогательнаго глагола: jezdem, jezdeś, jezdemy, jezdeće. Это явленіе отмѣчено и въ другихъ великопольскихъ говорахъ Кольбергомъ Zbiór I, 7 с. въ частности въ говорѣ Miejsk'oй Górki г. Лецѣевскимъ Rozpr. IX, 145 с.

Согласный f замѣняется группой chv: parachvijoų, chvołki. Слово hedvaь является въ видѣ ńedvop.

m вм. n — въ словѣ żołm'eš = żołnierz,

Вмѣсто wielbliąd вслѣдствіе диссимиляціи — vélbrunt (изъ vélbrǫd).

Вмѣсто porcelana — porcenel въ результатѣ перестановки.

Условія возникновенія общепольскихъ долготъ.

1. Исторія вопроса.

Соотвѣтствіе «наклоненныхъ» гласныхъ польскаго языка двойнымъ написаніямъ древнепольскихъ источниковъ, освѣщаемое свидѣтельствами орѳографа XV в. Паркоша и XVI в. Заборовскаго, давно уже установило въ научной литературѣ взглядъ на эти гласные, какъ на слѣды былыхъ долготъ.

Паркошъ: «Omnes vocales apud Polonos modo longantur, modo breviantur. Ex quarum longatione vel breviatione diversus consurgit sensus dictionis.... Quia regulas prosodiae Polonis illiteratis difficile foret tradere, oportuit, ut in scribendo quantitas vocalium exprimatur. Quod alio modo facere facile non est, nisi ut vocalis longa geminetur et brevis simpla ponatur. Ut Adaam, ubi primum *a* breve, secundum longum et geminatum»....

Заборовскій: «Antiqui Poloni longas vocales geminabant, breves simplicibus pingebant figuris».

Изъ этого убѣжденія исходилъ въ своихъ замѣчаніяхъ, посвященныхъ наклоненнымъ гласнымъ Małecki въ 1863 г., принимавшій показанія Паркоша и Заборовскаго, какъ несомнѣнное доказательство существованія долгихъ гласныхъ еще въ историческую пору жизни польскаго языка.

«W XIV i XV wieku była jeszcze w języku polskim iloczasowa różnica między samogłoskami; zatarła się z końcem XV i początkiem XVI stulecia» Gramm. jęz. polsk. 9.

При этомъ Małecki вѣрно подмѣтилъ, что всѣ примѣры «наклоненныхъ» гласныхъ распадаются на двѣ категоріи: въ пер-

вой «наклоненность» или «сжатость» является постоянной чертой гласнаго слова т. е. проходитъ чрезъ всю схему склоненія: напр. въ словахъ biés — g. s. biésa, mléko, stróż — g. s. stróża; вторая категорія примѣровъ имѣетъ наклоненный гласный лишь въ nom. s.: wół — g. s. wołu Gramm. jęz. polsk. 37 с. Это наклоненіе второго рода, — устанавливаетъ Małecki, — имѣетъ мѣсто въ концѣ словъ предъ звонкимъ первоначально согласнымъ, съ отпавшимъ послѣ него «полугласнымъ».

Что касается первой категоріи примѣровъ, подъ это правило не подходящихъ, то она осталась у Małeck'аго необъясненной.

Существованіе долгихъ гласныхъ въ польскомъ языкѣ еще въ XV в. принималъ въ виду показаній Паркоша и Заборовскаго и проф. Бодуэнъ де К., тогда какъ ks. Ksav. Malinowski относилъ исчезновеніе количественныхъ различій къ эпохѣ доисторической.

проф. Бодуэнъ де К. «О др.-п. яз.» 1870 г., 69 с. ks. Ksav. Malinowski Krytyczno — porównáwczá gramatyka języka polskiego» 1869 г., § 30.

Послѣдній взглядъ защищалъ въ 1872 г. и Семеновичъ въ спеціальной монографіи, посвященной вопросу о количествѣ въ польскомъ языкѣ.

«Ueber die vermeintliche Quantität der Vocale im altpolnischen von Anton Semenowitsch» Leipzig 1872 г.

Принимая «наклоненные» гласные, какъ и Małecki и др., за слѣдъ старой долготы и собирая изъ древнепольскихъ текстовъ примѣры двойного написанія гласныхъ, Семеновичъ всѣ усилія свои направляетъ на доказательство того, что подъ этими двойными написаніями скрываются не долгіе, но лишь «наклоненные» гласные, отличавшіеся отъ иныхъ качественно, но не количественно.

Но ни общій, произвольно устанавливаемый Семеновичемъ принципъ, что языкъ, предоставленный самъ себѣ въ своемъ развитіи, нуждается чуть ли не въ тысячелѣтіяхъ для проведенія звуковыхъ измѣненій (40 с.), ни натянутое толкованіе яснаго

свидѣтельства Паркоша, который де подъ словомъ «vocalis» разумѣлъ нѣчто иное, чѣмъ мы (42 с.), не оправдываютъ тезиса Семеновича.

Если подъ терминомъ «vocalis longa» Паркошъ разумѣлъ не звуки, то слѣд. знаки; но тогда остается непонятнымъ, на чемъ собственно было у него основано представленіе о «долгомъ знакѣ», разъ средство для его выраженія еще только имъ выбирается; опредѣленіе «longa» знакъ могъ получить лишь тогда, когда онъ уже былъ удвоенъ, но у Паркоша мы видимъ иной порядокъ: сперва реальное различіе и затѣмъ уже средство для его выраженія, состоящее въ удвоеніи знака, и средство не единственное, а лишь болѣе легкое, удобное («quod *alio modo* facere facile non est). Въ остальномъ ср. трезвую критику проф. Бодуэна де К. въ Beitr. (1876), VIII, 212—226 сс. и замѣчаніе Аппеля въ P. Ф. В. (1880), III, 13 с. Скептическую позицію Семеновича по отношенію къ двойнымъ написаніямъ въ старопольскихъ текстахъ позже занялъ проф. Калужняцкій, объяснявшій эти написанія вліяніемъ чешской графики. Sitzungsber. d. Wien. Akad. ph.-hist. Cl. 1881 г. 99 B. 949 с.

Но противъ такого объясненія говоритъ соотвѣтствіе въ большинствѣ случаевъ показаній древнепольскихъ текстовъ фактамъ живого языка.

Что касается происхожденія долготы, слѣдомъ которой является «наклоненность» гласныхъ, то, анализируя свой матеріалъ, Семеновичъ находитъ ему объясненіе въ трехъ принципахъ:

1) стяженіе 2) замѣстительное удлиненіе и 3) подъемъ (Steigerung). Изъ нихъ для насъ сохраняетъ значеніе первый и лишь *отчасти* второй: удлиненіе гласнаго въ конечномъ закрытомъ слогѣ предъ плавнымъ или звучнымъ согласнымъ съ отпавшимъ за нимъ ъ, ь, но, конечно, не въ случаяхъ какъ dlā, czwārta, piōro, krōl, cōra, которые авторъ объясняетъ изъ dziela, cztwarta, ptioro, karalus, dcora выпаденіемъ гласнаго или согласнаго. (49, 62 сс.) и не въ *bogā, гдѣ авторъ предполагаетъ ā въ виду отпаденія s (50 с.).

Уже проф. Бодуэнъ въ 1876 г. замѣтилъ, что «Ersatzdehnung» въ этихъ случаяхъ «ist etwas unerhörtes, ja ganz unmögliches», и что ā въ gen. s. m. bogā и т. п., фактъ графическій. Beitr. VIII, 223 с. Въ данномъ случаѣ Семеновичъ шелъ по слѣдамъ ks. Malinowsk'аго, также объяснявшаго долготу въ piōro выпаденіемъ t (греч. πτέρον).

Какъ послѣднія объясненія Семеновича, такъ и третій его принципъ, — подъемъ, — обнаруживаютъ неясность, неопредѣ-

ленность въ самой постановкѣ вопроса,— *отсутствіе въ немъ исторической стороны:* объясняя piórо (=pīrо) выпаденіемъ t или *bogā отпаденіемъ — s, авторъ не задается вопросомъ, къ какой эпохѣ относится выпаденіе t или отпаденіе s и къ какой— удлиненіе.

Если при стяженіи или удлиненіи гласнаго въ конечномъ закрытомъ слогѣ предъ звонкимъ согласнымъ мы имѣемъ дѣло съ фактами особной жизни польскаго языка, то явленія подъема во всякомъ случаѣ ей предшествуютъ; и если въ результатѣ подъема находимъ долготу, то долгота эта, очевидно, получена польскимъ языкомъ еще изъ об.-сл. эпохи.

Но такимъ образомъ мы неминуемо приходимъ къ вопросу: *въ какихъ случаяхъ, какіе гласные вообще были въ об.-сл. долгими и въ какихъ условіяхъ долгота эта сохранялась въ особной жизни польскаго языка.*

Къ тому же вопросу приводятъ и оставшіеся необъясненными у Семеновича примѣры «наклоненныхъ» гласныхъ, какъ chvála, tráva, gwiázda, gniázdo и т. п.

Рѣшеніе поставленнаго вопроса требуетъ, какъ сопоставленія съ другими словянскими языками, такъ и справокъ въ данныхъ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ.

Такого изслѣдованія вопроса мы, конечно, не находимъ у Семеновича. Правда, онъ сопоставляетъ польскіе «наклоненные гласные» съ данными кашубскаго и чешскаго языковъ, но сопоставленіе это слишкомъ поверхностно и ограничивается малоцѣннымъ по своей неточности выводомъ, что «по отношенію къ á чешскій языкъ почти вполнѣ сходится съ польскимъ; въ меньшей степени по отношенію къ ó и é».

«... das Vorkommen von á mit dem im Polnischen beinahe ganz übereinstimmt; weniger ist diess der Fall bei ó und é»... 64 c.

Такой характеръ изслѣдованія интересующаго насъ вопроса не удивителенъ въ 1872 г.: онъ соотвѣтствуетъ общему состоянію въ то время словянскаго языкознанія.

Впервые въ болѣе широкихъ рамкахъ разсмотрѣнъ былъ во-

просъ въ 1879 г. въ работѣ Миклошича: «о долгихъ гласныхъ въ словянскихъ языкахъ».

«Ueber die langen Vocale in den slavischen Sprachen». Wien 1879 г. изъ Denkschriften der Kais. Akad. der Wissenschaften.

Здѣсь собранъ сравнительно обильный матеріалъ, относящійся къ вопросу, но объясненіе этого матеріала не удовлетворяетъ. Въ опредѣленіи общесловянской долготы Миклошичъ исходитъ не изъ сопоставленія показаній сравнительной грамматики съ данными отдѣльныхъ словянскихъ языковъ, но исключительно изъ этихъ послѣднихъ. На такой почвѣ не могли быть различены факты общеслов. эпохи и продукты особной жизни словянскихъ языковъ. Въ то время, какъ чешскій языкъ указываетъ своимъ bába или jáma, rána, léto на долготу коренного гласнаго, сербскій и польскій, наоборотъ, приводятъ къ убѣжденію въ его краткости: с. ба̏ба, ја̏ма, ра̏на, љѐто и п. baba, jama, rana, lato. Эти противорѣчія даютъ указаніе на то, что въ современномъ состояніи фактовъ нѣчто принадлежитъ индивидуальному развитію каждаго языка, и что свидѣтельства отдѣльныхъ словянскихъ языковъ для опредѣленія общесловянскаго состоянія — критерій недостаточный.

Слѣдовало обратиться къ болѣе раннему историческому моменту: на основѣ сравнительной фонетики индоевропейскихъ языковъ опредѣлить, какіе гласные были получены долгими или краткими об.-словянскимъ языкомъ изъ индоевропейскаго. Этого пріема у Миклошича не находимъ. Каждый гласный у него можетъ являться долгимъ или краткимъ. Долгота отчасти объясняется тѣми же принципами, что и у Семеновича: стяженіемъ, замѣстительнымъ удлиненіемъ, подъемомъ, причемъ послѣдній въ сравненіи съ первымъ и вторымъ является «болѣе старымъ удлиненіемъ». Установленное еще Малэцкимъ для польскаго и принятое Семеновичемъ удлиненіе въ конечномъ закрытомъ слогѣ предъ звонкими согласными Миклошичъ неудачно переноситъ и на другіе словянскіе языки, по отношенію къ которымъ ему приходится констатировать цѣлый рядъ отступленій, гдѣ удлине-

ніе находимъ предъ незвучнымъ согласнымъ: ср. чешскія hrách, mák и т. п.

Кромѣ того Миклошичъ отмѣчаетъ и другіе факторы: такъ долгота является: внутри слова предъ звучными согласными z, r, l, ł, n, w, j: пол. bájka, czájka, gwiázda, dáwno; далѣе удлиненіе является предъ извѣстными суффиксами, какъ — ьje, — ęt, — ъko, или, наконецъ, какъ слѣдъ ударенія: напр. въ чеш. záhoří, líра, пол. zámorze, zámek.

И этотъ послѣдній принципъ не новъ. Вопросъ о взаимномъ отношеніи ударенія и количества былъ поставленъ уже съ тѣхъ поръ, какъ Puchmayer въ своемъ «Lehrgebäude der russischen Sprache» 1820 г. подмѣтилъ соотвѣтствіе русскихъ полногласныхъ формъ типа корóва чешскимъ фонемамъ rā, lā съ долготой и русскихъ формъ типа зóлото чешскимъ фонемамъ ra, la. Какъ извѣстно, Катковъ (Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка 1845 г.) въ этомъ соотвѣтствіи видѣлъ доказательство своей мысли, что русское удареніе явилось на мѣстѣ старой долготы: русское корóва изъ *króva, а это изъ *krōva. Каткову возражалъ Миклошичъ, указавшій на сербскую краткость въ соотвѣтствующихъ словахъ (krâva и т. п.), не позволяющую считать чешскую долготу обще-словянской («Vergleichende Lautlehre d. Slav. Spr.» 1852 г.). Совершенно неудачной была догадка П. А. Лавровскаго, что Вукъ превратно понялъ сербское количество (Извѣстія II Отд. Ак. Н. 1859 г., 15 с.). И дѣйствительно, послѣдующія розысканія привели къ обратному взгляду на русское удареніе: послѣ того какъ было указано совпаденіе русскаго ударенія съ чакавскимъ (ср. Mažuranić «O važnosti akzenta hervatskoga za historiju Slavjanah» 1863 г.), въ наукѣ принято отожествлять русское и чакавское удареніе съ праславянскимъ. Truhlař въ 1872 г. Časop. Č. M., какъ позже Миклошичъ, разсматривалъ чешскую долготу, какъ результатъ ударенія. Только L. Malinowski и въ 1873 г. повторялъ взглядъ Каткова «Ueber d. oppeln. M.» 9 с.: русское удареніе на мѣстѣ долготы.

Почти во всѣхъ объясненіяхъ Миклошича одинъ и тотъ же недостатокъ: они имѣютъ въ виду лишь часть примѣровъ извѣстнаго типа, оставляя необъясненнымъ рядъ другихъ примѣровъ того же типа. Въ чешскомъ líра удлиненіе возникло подъ вліяніемъ ударенія, но въ совершенно тѣхъ же условіяхъ, что̀ líра, находятся чешскія šěno, těsto, tělo, zlato, dřevo — безъ удлиненія; въ тѣхъ же условіяхъ, что польское gwiázda (гласный предъ однимъ изъ согласныхъ: r, l, ł, n, z, w, j) находятся и польскія: miara, piana, wiara, siano съ краткими гласными.

Уже въ 1880 г., годомъ позже появленія работы Микло-

шича, проф. Брандтъ высказался скептически по поводу нѣкоторыхъ его принциповъ объясненія долготы, какъ вліяніе извѣстныхъ суффиксовъ, удареніе — спеціально чешское, указывая на факты, противорѣчащіе такимъ объясненіямъ; но удлиненіе подъ старымъ («исконнымъ») удареніемъ проф. Брандтъ допускаетъ для чешскаго, не объясняя вышеуказанныхъ чешскихъ sěno, těsto, tělo и т. п.

«Начертаніе славянской акцентологіи», сс. 210—211.

Безплодность тѣхъ принциповъ объясненія, которые употреблялъ Миклошичъ, доказала и работа его ученика, пражскаго проф. Махала, посвященная deminutiv'нымъ образованіямъ съ суффиксами — ъкъ, — ъко, — ъка, работа, которая сохраняетъ свое значеніе лишь въ виду тщательно собраннаго авторомъ матеріала.

«Ke kvantitě české». Výroční zpráva c. k. státního vyššího Gymnasia v Německém Brodě 1888 г.

Автору приходится констатировать въ своемъ матеріалѣ неправильность т. е. отсутствіе послѣдовательно проведеннаго принципа; эту бѣду онъ старается поправить цѣлымъ рядомъ средствъ: признаетъ вліяніе, какъ стараго, такъ и новаго ударенія, вліяніе слѣдующаго согласнаго, призываетъ на помощь аналогію, и наконецъ, находитъ зависимость отъ качества самой гласной: о и е особенно неблагопріятствуютъ удлиненію; но почему? — этотъ вопросъ остается темнымъ.

Къ работѣ Миклошича примыкаетъ также статья F. Jokl'a «O přizvuku slovanském, zvlaště českém». Listy Fil. XII, 422 с.

Въ 1887 г. спеціальную статью вопросу о польской долготѣ посвятилъ г. Łoś.

«O samogłoskach długich w języku polskim przed wiekiem XVI» Prace filol. 1887 г. II 1, 119—143 сс.

Но авторъ ограничилъ свою задачу увеличеніемъ матеріала, собраннаго изъ старыхъ памятниковъ Семеновичемъ, и краткимъ разсмотрѣніемъ хронологической стороны вопроса: по его мнѣнію

долгіе гласные существовали еще въ XIV в., процессъ же «наклоненія» начался уже съ XIII вѣка.

Въ новую фазу развитія вступилъ вопросъ о словянскомъ количествѣ со времени появленія замѣчательныхъ «Розысканій о количествѣ и удареніи въ словянскихъ языкахъ» проф. Лескина.

«Untersuchungen über Quantität und Betonung in den slavischen Sprachen» I B. C. Leipzig. 1893 г. (Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften).

Въ «Розысканіяхъ» проф. Лескина вопросъ впервые получилъ строго научную постановку. На основѣ данныхъ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ проф. Лескинъ устанавливаетъ, что гласные *o, *e, *ъ, *ь являлись въ общесловянскомъ первоначально краткими, гласные же *a, *ě, *i, *u, *y, *ǫ, *ę и дифтонгическія сочетанія *er, *el, *or, *ol, *ъr, *ьl, *ъl, *ьl — первоначально долгими. Различая затѣмъ положеніе этихъ долгихъ и краткихъ по отношенію къ первоначальному мѣсту главнаго ударенія въ словѣ, опредѣляемому обычно сопоставленіемъ чакавскаго и русскаго ударенія, проф. Лескинъ предполагаетъ въ положеніи долгихъ подъ удареніемъ различіе *въ качествѣ* долготы: восходящей и нисходящей (steigend und fallend). Прямое указаніе на такое различіе въ об.-сл. сочетаніяхъ *or, *ol, *er, *el даютъ русскія полногласныя формы съ двумя типами ударенія: коро́ва — зо́лото.

Соотвѣтствіе этихъ двухъ типовъ формъ сербскимъ и чешскимъ, на которое указали уже Пухмайэръ, Катковъ и Миклошичъ, впервые объяснилъ ак. Фортунатовъ гипотезой первоначальнаго различія качества долготы еще въ об.-сл. дифтонгическихъ сочетаніяхъ *or, *ol, *er, *el («Zur vergleichenden Betonungslehre der litu-slavischen Sprachen» Arch. IV, 575 с.). Указанія на два типа долготы въ словянскихъ языкахъ были ак. Фортунатовымъ поставлены, — въ той же статьѣ, — въ связь съ различіемъ качества долготы въ литовскомъ, а затѣмъ привели его къ мысли о двухъ видахъ индоевропейской долготы, мысли, которая вошла въ общій научный обиходъ со времени появленія замѣтки проф. Bezzenberger'a о связи по происхожденію литовскаго восходящаго и греческаго облеченнаго ударенія въ 1883 г. Beiträge VII, 66 с. ср. Русск. Фил. В. 1895 г. XXXIII, 293 с.

Различіе въ качествѣ долготы об.-сл. дифтонгическихъ сочетаній *or, *ol, *er, *el, заслуга установленія котораго принадле-

житъ ак. Фортунатову, проф. Лескинъ гипотетически переноситъ и на об.-сл. долгіе a, ě, i, u, y, ę, ǫ.

Изслѣдуя съ этой точки зрѣнія судьбу старыхъ долготъ въ сербскомъ языкѣ, главнымъ образомъ на первичныхъ номинальныхъ образованіяхъ, проф. Лескинъ пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ: I *старыя долготы предъ первоначальнымъ главнымъ удареніемъ слова сохраняются;* на долгомъ гласномъ въ такомъ положеніи находимъ перенесенное долгое удареніе —′: хва́ла = р. хвалá, чак. chvalá; II *подъ первоначальнымъ восходящимъ удареніемъ долгій гласный сокращается:* кра̏ва (коро́ва), ба̏ба; III *подъ первонач. нисходящимъ удареніемъ долгота сохраняется;* въ такихъ случаяхъ находимъ долгое неперенесенное удареніе ̂ зла̂то = (р. зо́лото), kvâs — kvâsa g. s. IV. *старая краткость сохраняется независимо отъ первоначальнаго мѣста главнаго ударенія въ словѣ. Въ положеніи же въ закрытомъ конечномъ слогѣ краткій гласный удлиняется, если онъ былъ первоначально ударяемъ.*

Еще раньше, въ 1 выпускѣ своихъ «Розысканій...» въ 1885 г. проф. Лескинъ установилъ для сербскаго удлиненіе краткихъ гласныхъ въ положеніи предъ l, r, m, n, v, j + conson. Въ послѣдніе годы появились дальнѣйшіе выпуски «Розысканій»: въ XXI т. Archiv'a (1899 г.) разсмотрѣны вторичныя именныя образованія (съ суффиксами) и сложныя именныя образованія; въ XXIV т. Arch. — обслѣдованы глаголы на — iti. Судьба восходящей долготы въ чакавскомъ не выяснена ср. Изв. III 1 с. VI 339 с., Arch. XIX 564, XX 397.

«Розысканія» проф. Лескина заложили прочный фундаментъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій о количествѣ въ словянскихъ языкахъ. Точка зрѣнія проф. Лескина была приложена къ чешскому языку въ 1894 г. ак. Ягичемъ, выводы котораго подробнѣе обосновалъ F. Černý.

Indogerm. Forschungen III, 251 с; «Studie o české kvantitě» Listy Filolog. XXIV (1897 г.), 343—359 с., 421—431 с.

Оказалось, что *чешскій языкъ сохранилъ безъ измѣненія, какъ краткость, такъ и долготу въ положеніи предъ первоначальнымъ удареніемъ, подъ удареніемъ же старая долгота сохранилась лишь при восходящемъ типѣ ударенія и сократилась при нисходящемъ.*

Дальнѣйшіе этюды F. Čern'аго были посвящены изслѣдованію въ отношеніи количества именъ съ темой на согласную: Listy filolog. XXVII, 1900 г., 17—22 сс. и именъ прилагательныхъ: «Přízvuk a kvantita u adjectiv jmenných». Rozpravy filologické, věnované Janu Gebauerovi. Praha 1898, 117—123; наконецъ, вторичнымъ именнымъ и глагольнымъ образованіямъ: Výroční zpráva c. k. vyšší realné školy v Brně 1900. Появившаяся уже послѣ того, какъ точка зрѣнія проф. Лескина была приложена къ чешскому языку проф. Ягичемъ,—въ 1895 г. статья Flaišhans'a «Česká kvantita» Listy Fil. XXII, 66—90 сс. представляетъ собою анахронизмъ, лишенный всякаго научнаго значенія; основная мысль: — прасловянская долгота сохраняется подъ удареніемъ, сокращается предъ удареніемъ,—поддерживается невѣроятными объясненіями, при отсутствіи сколько нибудь внимательнаго отношенія къ фактамъ и крайней неполнотѣ матеріала.

По отношенію къ словинскому языку вопросъ обслѣдовалъ акад. Valavec и одновременно проф. Leskien.

Valavec «Glavne točke o naglasu kńiževne slovenštine» Rad. jugoslov. Akad. CXXXII, 1897 г.; проф. Leskien въ Arch. XXI, 321—323 сс.

Подобно сербскому, *словинскій сохранилъ прасловянскую долготу въ положеніи предъ старымъ удареніемъ и подъ удареніемъ при нисходящемъ типѣ долготы и сократилъ ее при типѣ восходящемъ.* При этомъ каждый ударяемый краткій слогъ, если онъ не послѣдній въ словѣ, подвергается вторичному удлиненію, и съ этимъ явленіемъ соединена принципіальная важность словинскихъ количественныхъ отношеній: именно, — въ то время, какъ bŏga измѣняется въ bô̄ga съ нисходящей долготой и затѣмъ, съ переносомъ ударенія на послѣдній слогъ — bogâ, kŏža даетъ не kô̄ža, но kóža съ долготой восходящей.

Такимъ образомъ, *словинскій языкъ даетъ намъ прямое указаніе на существованіе различія между восходящимъ и нисходящимъ удареніемъ не только въ долгихъ, но и въ краткихъ гласныхъ;* краткость восходящая въ *k̆ŏ̆ža при удлиненіи даетъ восходящую долготу, тогда какъ нисходящая краткость въ *b̆ŏ̆ga измѣняется въ долготу нисходящую.

Это свидѣтельство словинскаго языка поддерживается данными сербскаго и русскаго языковъ: въ сербскомъ языкѣ въ сочетаніи именной формы съ предлогомъ на предлогѣ находимъ краткое нисходящее удареніе, если гласный перваго слога имени былъ ударяемъ нисходяще: гра̂д—ȍд гра̄да и параллельно бо̂г (изъ бȍг)—ȍд бога; тоже явленіе находимъ въ русскомъ языкѣ по́-воду, на́-гору, за́-городомъ; что коренной гласный этихъ словъ былъ ударяемъ ни-

сходяще доказываютъ словинскія формы вин. п. gorǫ̑, vodǫ̑ изъ gǫ̑rǫ, vǫ̑dǫ (р. го́ру, во́ду), относительно третьяго достаточно самого русскаго языка: го́родомъ.

Наоборотъ, если коренной гласный слова былъ ударяемъ восходяще, то въ русскомъ ударе́ніе и въ сочетаніи съ предлогомъ остается на немъ: за боло́томъ, на во̀лю (словинское vóla изъ vǫ̑la съ восходящей краткостью); въ сербскомъ въ такихъ случаяхъ находимъ на предлогѣ ̀: у̀ блато, о̀д брата. Сербское ударе́ніе ″ указываетъ на сохраненіе прасловянскаго мѣста ударенія, наоборотъ —̀ на спеціально сербское перенесеніе его на одинъ слогъ ближе къ началу слова или сочетанія; слѣд., с. на̏-гору, сопоставленное съ р. на́-гору доказываетъ, что въ проклитическомъ сочетаніи *na-goru и т. п. ударе́ніе переносилось на предлогъ уже въ прасловянскомъ, тогда какъ с. о̀д-брата — результатъ особной жизни сербскаго языка. Вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ, что прасловянскій переносъ ударенія на предлогъ имѣлъ мѣсто лишь при нисходящемъ качествѣ ударенія, *какъ на долгомъ, такъ и на краткомъ* коренномъ гласномъ именной формы. На русское различіе на́-гору и на-во́лю указалъ Valavec въ своемъ изслѣдованіи о словинскомъ количествѣ (1897 г.); тоже у ак. Шахматова «Къ исторіи ударе́ній въ славянскихъ языкахъ» Изв. III 1, 6 с. (1898 г.).

Не лишенный интереса для изслѣдователя вопросовъ словянскаго количества матеріалъ представляютъ и показанія болгарскаго языка, сгруппированныя еще до появленія работы проф. Лескина, въ 1891 году Б. Цоневымъ.

«За ударението въ български език Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина» VI, 3—82 сс. ср. Hirt «Der indogerm. Akz.» 71—75 с.

Еще ак. Фортунатовъ въ 1879 г. указалъ, что русскимъ сочетаніямъ о́ро, о́ло соотвѣтствуютъ въ болгарскомъ неударяемыя ра, ла: р. зо́лото = б. злато́, тогда какъ въ соотвѣтствіи русскому оро́, оло́ т. е. восходящему типу ударенія въ прасловянскомъ въ̀ болгарскомъ является ударе́ніе на сочетаніяхъ рала: болото́ — б. бла́то. Б. Цоневъ располагаетъ свой богатый матеріалъ нѣсколько механически, довольствуясь внѣшнимъ соотвѣтствіемъ болгарскихъ типовъ ударенія сербскимъ ″, ̂, ̀, ́. Но критическій анализъ этого матеріала даетъ интересные результаты и помимо того, что правило ак. Фортунатова оказывается вѣрнымъ не только въ примѣненіи къ рефлексамъ прасловянскихъ сочетаній *or, *ol, *er, *el, но и по отношенію къ другимъ долгимъ гласнымъ. Если въ сербскомъ, по правилу Цонева, —″, то въ болгарскомъ ударе́ніе является на томъ же гласномъ: с. бра̏т — б. бра̀тът, с. хле̏б — б. хлѐбът; с. ба̏ба — б. ба̀ба и т. п.

Такъ какъ сербское ˝ на первоначально долгомъ гласномъ указываетъ на сократившуюся восходящую долготу, то получаемъ выводъ: *долгій первоначально гласный съ восходящимъ типомъ долготы удерживаетъ на себѣ въ болгарскомъ языкѣ* удареніе. Если въ сербскомъ на первоначально долгомъ гласномъ ˆ, то въ болгарскомъ удареніе находимъ на слѣдующемъ слогѣ: с. дâр-б. дарѣ̀т; с. квâс—б. квасѣ̀т; иными словами, *долгій гласный съ нисходящимъ типомъ долготы*, (на что указываетъ сербское ˆ), *теряетъ въ болгарскомъ языкѣ удареніе, которое переносится на слѣдующій слогъ.*

Такимъ образомъ, гипотеза проф. Лескина о различіи восходящаго и нисходящаго типа долготы не только въ праслов. сочетаніяхъ or, ol, er, el, но и въ иныхъ долгихъ гласныхъ оправдывается и показаніями болгарскаго языка.

Какъ только мы отъ первоначально долгихъ гласныхъ обратимся къ первоначально краткимъ, методъ сопоставленія Цонева оказывается недостаточнымъ; въ его правилѣ: «сербскому ˝ соотвѣтствуетъ болгарское удареніе того же слога» оказываются исключенія: въ соотвѣтствіи серб. мо̏ре, по̏ле, о̏ко, не̏бе находимъ б. морѐ, полѐ, небѐ, окò.

Разгадка этого явленія заключается въ томъ, что сербское ˝ на краткихъ гласныхъ является, какъ на первоначально восходяще — краткихъ, такъ и на мѣстѣ нисходяще краткихъ. Если же мы обратимся къ словинскому языку, который сохранилъ указаніе на первоначальное различіе восходящей и нисходящей краткости, то замѣтимъ тотчасъ, что *болгарскій языкъ сохраняетъ удареніе на первоначально восходящей краткости и переноситъ его на слѣдующій слогъ, если краткость была нисходящаго типа:* ср. съ одной стороны с. во̏ља = слов. vólja (р. на—во́лю) = болг. вòля; с. ко̏жа = слов. kóža (р. за—ко́жу) = болг. кòжа; съ другой стороны с. мо̏ре = слов. morjȇ изъ mȏrje (р. на́ — море) = болг. морѐ; с. по̏ле = слов. poljȇ изъ pȏlje (р. на́ — поле) болг. полѐ; с. не̏бе = слов. nebȏ изъ nȇbo (р. на́ небо) = болг. небѐ; с. о̏ко = слов. okȏ изъ ȏko = болг. окò.

Дальнѣйшіе примѣры, обосновывающіе это правило, см. въ 10 гл.

Такимъ образомъ, не только словинскій, но и болгарскій языкъ даетъ прямыя указанія на различіе въ прасловянскихъ краткихъ гласныхъ восходящаго и нисходящаго типа краткости.

Относительно верхнелужицкаго языка приходится ограничиться уже привлеченными къ изслѣдованію ак. Фортунатовымъ сочетаніями *or, *ol, *er, *el, такъ какъ въ другихъ первоначально долгихъ гласныхъ количественныя различія не сохранились; примѣры, приведенные ак. Фортунатовымъ, предполагаютъ тѣ же условія сокращенія и сохраненія первоначальной долготы въ верхнелужицкомъ, что и въ чешскомъ см. Arch. IV, 576 с.

О полабскомъ ср. установленное Hirt'омъ правило: въ двухсложныхъ именахъ съ восходящей долготой коренного гласнаго удареніе съ коренного слога переносится на окончаніе «Der indogerm. Akz,» 79—81 с.; ср. также замѣчаніе В. К. Поржезинскаго, занимающагося переизданіемъ источниковъ по полабскому языку: «условія сохраненія старой долготы въ полабскомъ были въ общемъ тѣ же, что и въ польскомъ языкѣ, какъ я надѣюсь показать въ спеціальномъ изслѣдованіи» изв. VII 2, 202 с.

Въ 1897 году точка зрѣнія проф. Лескина въ вопросѣ о словянскомъ количествѣ была примѣнена и къ польскому языку ученикомъ его, Lorentz'омъ.

«Die polnischen Nasalvocale» Arch. XIX, 132—167, 339—379 сс.

Ограничивъ свою задачу носовыми гласными, д-р. Лоренцъ нашелъ, что 1. подъ первоначальнымъ удареніемъ въ открытомъ слогѣ носовой въ польскомъ является краткимъ (ново-пол. ę); 2. въ закрытомъ слогѣ ударяемый носовой является долгимъ (новоп. ą); 3. предъ удареніемъ въ открытомъ слогѣ — также долгимъ; 4. наоборотъ, въ закрытомъ слогѣ предъ удареніемъ — краткимъ; 5. если носовой предъ удареніемъ удаленъ отъ него болѣе, чѣмъ на одинъ слогъ, то онъ является краткимъ, по крайней мѣрѣ въ открытомъ слогѣ; для закрытаго слога нѣтъ примѣровъ; 6. въ положеніи послѣ ударенія въ открытомъ предпо-

слѣднемъ слогѣ носовой сохраняется долгимъ, если долгота была восходящая, сокращается при нисходящемъ типѣ долготы; 7. въ томъ же положеніи по отношенію къ ударенію, но въ закрытомъ слогѣ носовой является краткимъ; 8. послѣ ударенія не въ предпослѣднемъ слогѣ — также краткимъ; 9. въ закрытомъ конечномъ слогѣ носовой является долгимъ; но въ открытомъ конечномъ слогѣ — краткимъ. (Arch. XIX, 377 с.).

Повѣрка этихъ результатовъ на другихъ первоначально долгихъ гласныхъ, а также изслѣдованіе судьбы первоначально краткихъ гласныхъ въ польскомъ языкѣ — предметъ настоящей работы.

Предпосланный историческій очеркъ развитія вопроса долженъ дать основу и руководящія указанія въ предстоящемъ изслѣдованіи.

Нѣкоторыя партіи этого изслѣдованія въ сжатомъ видѣ были уже опубликованы мною въ статьѣ «Былые долгіе гласные польскаго языка» въ Лѣтописи Историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ за 1902 г. Въ видахъ цѣльности разсмотрѣнія вопроса онѣ будутъ здѣсь повторены, но съ дополненіями.

2. Общепольское происхожденіе долготы.

Кладя въ основу своего изслѣдованія вопросовъ о польскомъ количествѣ факты свважендзскаго говора и дополняя ихъ фактами иныхъ говоровъ и старыхъ памятниковъ, я исхожу изъ убѣжденія въ *общепольскомъ происхожденіи условій* развитія польскихъ количественныхъ отношеній.

Считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ въ обоснованіе этого положенія. Безусловныя доказательства его не могутъ быть приведены въ виду неполноты того діалектическаго и историческаго матеріала, которымъ изслѣдователь располагаетъ: далеко не во всѣхъ діалектологическихъ работахъ находимъ полное собраніе примѣровъ «наклоненныхъ гласныхъ»; примѣры же открытыхъ гласныхъ изъ первоначально долгихъ, относящіеся по крайней мѣрѣ къ первичнымъ номинальнымъ образованіямъ, въ большинствѣ случаевъ совершенно отсутствуютъ; только въ

нѣкоторыхъ монографіяхъ находимъ ихъ, но и то въ сравнительно небольшомъ количествѣ.

Такъ, въ опочиньскомъ говорѣ Rozpr. XI, 148 с. указаны: baba = сваж. baba; žaba = сваж. žaba; ḿasto = сваж. ḿasto; ćasto = сваж. ćasto; masło = сваж. masło; ср. въ лясовскомъ говорѣ Rozpr. VIII, 72 — 73 сс.: baba, capla = сваж. čapla; žaba, ḿasto, ćasto, masło, ja°ma = сваж. jama; śća°na = сваж. śćana; ṕa°na = сваж. ṕana; śa°no = сваж. śano. Въ другихъ, немалочисленныхъ случахъ, я долженъ исключительно пользоваться примѣрами открытыхъ гласныхъ (изъ первоначально долгихъ) изъ сважендзскаго говора. Записей строго фонетическихъ, вполнѣ надежныхъ слишкомъ немного. Тѣмъ не менѣе и тотъ матеріалъ, которымъ мы располагаемъ, приводитъ къ убѣжденію, что условія развитія количественныхъ отношеній въ польскомъ языкѣ суть общепольскія и еще точнѣе, какъ мы увидимъ ниже, при самомъ изслѣдованіи, — польско-кашубскія.

На общепольское происхожденіе тѣхъ количественныхъ отношеній, которыя находимъ въ отдѣльныхъ польскихъ говорахъ, указываетъ прежде всего (въ общемъ) одинаковое во всѣхъ діалектахъ польскаго языка развитіе (въ связи съ количественными отношеніями) носовыхъ гласныхъ. Далѣе, сравнивая имѣющіяся у насъ показанія о «наклоненныхъ» гласныхъ въ отдѣльныхъ говорахъ, безъ труда замѣтимъ, что въ общемъ категоріи появленія этихъ гласныхъ во всѣхъ этихъ говорахъ, малопольскихъ, великопольскихъ, мазурскихъ и силезскихъ, — однѣ и тѣ же.

Такъ, á является во 2 и 3 л. ед. ч. и 1 — 2 л. мн. ч. глаголовъ типа čytać въ *Сважендзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX 116 с., въ *писаржовицкомъ* говорѣ Rozpr. IV 6 с., въ *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 160 с.*лясовскомъ* Rozpr. VIII, 87 с., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V 376 с., *луковецкомъ* Spraw. V 151 с., *крженцинскомъ* Rozpr. II ser. XI 339 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII 193 с., *закопанскомъ* Rozpr. X 171 с., *закопянскомъ* Rozpr. X 232 с., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 14 с.

Въ infinitiv'ѣ глаголовъ śáć, láć, gžáć, stáć, báć się, śmáć się, гдѣ á — изъ стяженія гласныхъ: въ *Сважендзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX 116 с., въ говорѣ *писаржовицкомъ* Rozpr. IV 6 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX 160 с., *луковецкомъ* Spraw. V 151, *крженцинскомъ* Rozpr. II ser. XI 339 с., *закопянскомъ* Rozpr. X, 231 с., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V 376 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI 153 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII 87 с., *закопанскомъ* Rozpr. X 171 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII 193 с., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 13 с., у *горалей* Rozpr. X, 351 с.

Въ окончаніи nom. s. f. именъ существительныхъ, какъ kuchńá, burzá, ružá и т. п. — въ *Сважендзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX 116 с., *крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. II ser. XI 339 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX 160 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI 153 с., *писаржовицкомъ* Spraw. IV 6 с., *пышницкомъ* Rozpr. II s. V 376 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 87 с., *закопянскомъ* Rozpr. X, 232, *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII 193 с., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 14.

Въ окончаніи gen. s. n. именъ, какъ pokolenie, granie, — въ *Сважендзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX 116 с., *зебржидовскомъ* говорѣ Rozpr. IX 160 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII 88 с., *закопянскомъ* Rozpr. X 232 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII 193 с., *крженциньскомъ* Rozpr. II ser. XI 339 с., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 14 с.

Въ окончаніи n. s. f. прилагательныхъ полныхъ, какъ dobrá, — въ *Сважендзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX 116 с., въ говорѣ *писаржовицкомъ*. Spraw. IV 6 с., *зебржидовскомъѣ* Rozpr. IX 161 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI 153 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII 88 с., *закопанскомъ* Rozpr. X 172 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII 194, *закопянскомъ* Rozpr. X 232 с., *крженцинскомъ* Rozpr. II ser. XI 339 с., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 15 с.

Въ суффиксахъ — ák, — ář, — áč, — ál — въ *Сважендзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX 117—118 сс., *бржезиньскомъ* говорѣ Rozpr. VIII 190—191 сс., *закопанскомъ* Rozpr. X 230 с.,

зебржидовскомъ Rozpr. IX 156—157 сс., *крженцинскомъ* Rozpr. II ser. XI 340—341 сс., *лясовскомъ* Rozpr. VIII 83 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI 154 с., *луковецкомъ* Spraw. V 151 с., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 7—8 сс., *писаржовицкомъ* Spraw. IV 5 с., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V, 395.

Въ числительныхъ jedenáśće, dvanáśće и т. д. — въ *Сваженцзъ*, *Miejsk'oй Górk'ъ* Rozpr. IX 117 с., *закопянскомъ* говорѣ Rozpr. X 231 с., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V 375 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX 159 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI 153 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII 85 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII 192 с., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 11 , у *горалей* Rozpr. III 352 с.

Въ признакѣ превосходной степени — ná —: nálepšy, nágoršy и т. п. — въ *Сваженцзъ*, *Miejsk'oй Górk'ъ* Rozpr. IX 116 с., *зебржидовскомъ* говорѣ Rozpr. IX 159 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII 85 с., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V 365 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII 192 с., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 11 с.

Въ предлогахъ ná —, zá — въ сложеніи: náčyńe, nápšut (= naprzód) zábawa и т. п. — въ *Сваженцзъ*, *Miejsk'oй Górk'ъ* Rozpr. IX 118 с., *крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. II ser. XI 341 с., *писаржовицкомъ* Spraw. V 5 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX 158 — 9 сс., *лясовскомъ* Rozpr. VIII 84 — 85 сс., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V 375 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII 192 с., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 10 с.

Въ формахъ partic. praet. activi на — ł: máł, vedźáł и т. п. — въ *Сваженцзъ*, *Miejsk'oй Górk'ъ* Rozpr. IX 118 с., *луковецкомъ* говорѣ Spraw. V 151 с., *крженцинскомъ* Rozpr. II ser. XI 341 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX 159 с., *писаржовицкомъ* Spraw. IV 6 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII 85 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII 192 с., *закопянскомъ* Rozpr. X 231 с., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V 376 с., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 12 с.

é — въ gen. — dat. — loc. s. m. прилагательныхъ полныхъ: dodrégo, — ému, — ém и т. п. — въ *Сваженцзъ*, *Miejsk'oй Górk'ъ* Rozpr. IX 122 с., въ говорѣ *луковецкомъ* Spraw. V 153., *праш-*

ницкомъ Spraw. V 80 c., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 18 c.; по отношенію къ окончанію — éj въ dat. — los. s. f.: dobréj и т. п. къ этимъ говорамъ присоединяются *бржезиньскій* Rozpr. VIII 187 c. и *зебржидовскій* Rozpr. IX, 163 c.

á, ó въ закрытомъ слогѣ въ формахъ gen. pl., какъ jáj, kóz, kós и т. п. — въ *Сваженцзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 121 c., *крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. II ser. XI, 342 c., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 160, 163 cc., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V, 376 c., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 193 c., *писаржовицкомъ* Spraw. IV, 6 c.

Въ конечномъ закрытомъ слогѣ въ nom. s. m. предъ звучными согласными: — въ *Сваженцзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 120 c., *крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. II ser. XI, 341 c , *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 155, 163 cc., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 153 c., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 85 c., *луковецкомъ* Spraw. V, 152, 154 cc., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V, 376 c., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 187, 192 cc., *писаржовицкомъ* Spraw. IV, 6 c., *закопанскомъ* Rozpr. X, 231 c.

Внутри слова въ закрытомъ слогѣ — въ *Сваженцзѣ*, въ говорѣ *крженцинскомъ* Rozpr. II ser. XI, 342 c., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 160 c., *опочиньскомъ* Rozpr. IX, 157 c., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 86 c., *луковецкомъ* Spraw. V, 152 c., *писаржовицкомъ* Spraw. IV, 6 c., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 193 c.

Въ мѣстоименныхъ формахъ: já (ego) въ *Сваженцзѣ*, *крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. XI, 342 c., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 13 c., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 87 c., *писаржовицкомъ* Spraw. IV, 6 c., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 160 c , *пышницкомъ* Rozpr. II ser, V, 376 c., *закопанскомъ* Rozpr. X, 171 c., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 153 c., *луковецкомъ* Spraw. V, 152 c.

sám (ipse) — въ *Сваженцзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 114 c., *прашницкомъ* Spraw. V, 79 c., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 12 c.

vám, nám, vás, nás (vobis, nobis, vos, nos) — въ *Сваженцзѣ*, *лясовскомъ* говорѣ Rozpr. VIII, 81 c., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX,

160 с., *прашницкомъ* Spraw. V, 79, *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V, 376 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 193 с.

Указанныя категоріи «наклоненныхъ» гласныхъ находимъ и въ древнепольскомъ: ср. у Семеновича сс. 13, 14, 15, 16, 21.

Но еще важнѣе указанныхъ совпаденій — согласіе различныхъ говоровъ въ отдѣльныхъ случаяхъ «наклоненныхъ» гласныхъ, изъ области первичныхъ именныхъ образованій: ср.—

chvála — въ *Свяженцзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 119 с., *лясовскомъ* говорѣ Rozpr. VIII, 81 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 155 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 189 с. khwaale = laudem Семен. 17 с.,

tráva — въ *Свяженцзѣ*, *крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. II ser. XI. 340 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 82 с., *писаржовицкомъ* Spraw. IV, 5 с., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 7 с.

pláščь — въ *Свяженцзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 119 с., *лясовскомъ* говорѣ Rozpr. VIII, 82 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 158 с.

gvázda — въ *Свяженцзѣ*, въ говорѣ *луковецкомъ* Spraw. V, 151 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 191 с., *крженцинскомъ* Rozpr. II ser. XI, 340 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 156 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 155 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 82 с.,

ƀéda — въ *Свяженцзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 124 с., въ *опочиньскомъ* говорѣ Rozpr. XI, 156 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 161 с., *закопанскомъ* Rozpr. X, 172 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 187 с., у *горалей* Rozpr. III, 353 с.

céna — въ *Свяженцзѣ*, въ *луковецкомъ* говорѣ Spraw. V, 153 с.

rzéka — въ *Свяженцзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 123 с., *закопанскомъ* говорѣ Rozpr. X, 232 с., *крженцинскомъ* Rozpr. II ser. XI, 342 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 156 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 161 с., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 19 с., rzeeky g. s. у Семеновича 24 с.

grzéch — grzécha въ *Свяженцзѣ*, *крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. II ser. XI, 342 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 161 с.

śvéca въ *Свяженцзѣ*, *бржезиньскомъ* говорѣ Rozpr. VIII,

187 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 161 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 156 с.

śḿéch — śḿécha въ *Сважендзѣ*, *опочиньскомъ* говорѣ Rozpr. XI, 156 с.

król — króla въ *Сважендзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 120 с., *зебржидовскомъ* говорѣ Rozpr. IX, 163 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 157 с.; krool у Семеновича 18 с.

dłóto въ *Сважендзѣ*, *бржезиньскомъ* говорѣ Rozpr. VIII 189 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 163 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI 157 с.

chróst—chrósta въ *Сважендзѣ*, *бржезиньскомъ* говорѣ Rozpr. VIII, 189 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 163 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 157 с.

brózda въ *Сважендзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 121 с., *опочиньскомъ* говорѣ Rozpr. XI, 157 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 163 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 189 с.

mléko въ *Сважендзѣ*, *луковецкомъ* говорѣ Spraw. V, 153 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 156 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 90 с., *закопанскомъ* Rozpr. X, 172 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 161 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 187 с., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V, 377 с.

gárść—gárśći въ *Сважендзѣ*, *крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. II ser. XI, 340 с., *луковецкомъ* Spraw. V, 151 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 156 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 190 с.

bárszcz — bárszczu въ *Сважендзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 119 с., *луковецкомъ* говорѣ Spraw. V, 151 с., *крженцинскомъ* Rozpr. II ser. XI, 340 с.

źárno въ *Сважендзѣ*, *крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. XI, 340 с.

śrébro въ *Сважендзѣ*, въ *луковецкомъ* говорѣ (srybło) Spraw. V, 153 с., въ *крженцинскомъ* (śrybu̯o) Rozpr. II ser. XI, 342 с., въ *оппельнскомъ* (střibro) Ueber die oppeln. M. 34 с., у *горалей* Rozpr. III, 353 с.

žréb̓ę — въ *Сважендзѣ* (źryb̓e), *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 187 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 156 с,, *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 161 с.

Такое же совпаденіе замѣчается между отдѣльными говорами во вторичныхъ именныхъ образованіяхъ, въ формахъ прилагательныхъ, числительныхъ порядковыхъ, глагольныхъ, хотя въ этой области естественнѣе — встрѣтиться съ разногласіями, такъ какъ здѣсь вліянія аналогіи легче могли нарушать первоначальныя отношенія. Я ограничусь приведеніемъ изъ этой области фактовъ сравнительно немногихъ примѣровъ:

vánek — въ *Свяжендзѣ*, *крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. II ser. XI, 340 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 172 с.

gárnek — въ *Свяжендзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 119 с., *крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. II ser. XI, 340 с., въ *Sławkow'ѣ* Zbiór X, 187 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 156 с., *писаржовицкомъ* Spraw. IV, 5 с.

ƀáły — въ *Свяжендзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 119 с., *луковецкомъ* говорѣ Spraw. V, 151 с., *крженцинскомъ* Rozpr. XI, 340 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 154 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 156 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 191 с.

čárny — въ *Свяжендзѣ*, *крженцинскомъ* Rozpr. II ser. XI, 340 с., *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 119 с., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V, 374 с., *луковецкомъ* Spraw. V, 151 с., *писаржовицкомъ* Spraw. IV, 5 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 153 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 82 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 190 с., *закопанскомъ* Rozpr. X, 230 с.

mártvy — въ *Свяжендзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 119 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 82 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 190 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 156 с.

čvárty — въ *Свяжендзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 119 с., *крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. II ser. XI, 340 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 153 с., *луковецкомъ* Spraw. V, 151 с.

vléc infin. — въ *Свяжендзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 124 с.

skákać infin. — въ *Свяжендзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 116 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 155 с.

pásać — въ *Свяжендзѣ*, *бржезиньскомъ* говорѣ Rozpr. VIII,

189 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 82 с., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V, 374 с., *крженцинскомъ* Rozpr. II ser. XI, 340 с.

pálić — въ *Сважендзѣ, зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 155 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 189 с., *закопанскомъ* Rozpr. X, 230 с., *пышницкомъ* Rozpr. II ser, V, 374 с.

chválić—въ *Сважендзѣ, Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 119 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 155 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 155 с.

gádać—въ *Сважендзѣ, лясовскомъ* говорѣ Rozpr. VIII, 82 с., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V, 374 с.

kázać — въ *Сважендзѣ, зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 155 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 82 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 189 с., *закопанскомъ* (pokázać) Rozpr. X, 230 с., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V, 374 с.

stáwać—въ *Сважендзѣ, Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 116 с.

Конечно, въ отдѣльныхъ случаяхъ наталкиваемся и на разногласія въ показаніяхъ различныхъ говоровъ; но діалектическія колебанія естественны и не говорятъ противъ выставленнаго въ началѣ настоящей главы положенія. Такія діалектическія отступленія будутъ отмѣчены въ дальнѣйшемъ изложеніи.

3. Об.-слов. долгіе гласные предъ старымъ удареніемъ.

Изслѣдуя судьбу об.-слов. долгихъ ę и ǫ въ положеніи предъ первоначальнымъ удареніемъ на первичныхъ именныхъ образованіяхъ, Lorentz нашелъ, что въ данномъ положеніи гласные эти сохранялись долгими, почему въ современномъ языкѣ находимъ въ такихъ случаяхъ ǫ (ą):

mąda: м.-р. мудо́; с. му́до.

mąka: р. мука́, с. му́ка, чак. mūkà.

chomąt — chomątu: р. хомутъ — хомута́.

kąt — kątu: р. кутъ — кута́, с. кӯт — ку́та, чак. kút — kūtà.

kabłąk — kabłąku: р. каблу́къ — каблука́.

prąd — prądu: р. прудъ — пруда́, с. прӯд — пру́да.

sąd — sądu: р. судъ — судá, с. сȳд — сȳда, чак. súd — sūdà.

pająk — pająka: р. паȳкъ — паукá; сербскій указываетъ, наоборотъ, на удареніе коренного слога: пā̏ȳк — пā̏ȳка.

trąba: р. трубá, с. трȳба.

łąka: р. лукá, с. лȳка, чак. lūkà.

jądro: р. ядрó.

pąć — pącia: р. путь — путѝ, с. пȳт — пȳта, чак. pût — pūtà и рядомъ púta; послѣдняя форма, очевидно,— вторична, возникла подъ вліяніемъ имен. п. см. Arch. XIX, 151—152 сс.

sąsiad: р. сосѣ́дъ, с. сȳсjед — сȳсjеда, чак. sūsẽd — sūsẽda. ibid. 360 с.

Противорѣчитъ правилу лишь: wąż — węża: р. ужъ — ужá, чак. vúž — vūžà.

Анализируя первичныя именныя образованія съ иными первоначально долгими гласными: *ā, *ē, сочетаніями *or, *ol, *er, *el, *ъr, *ьr, *ъl, *ьl, находимъ, что положеніе Лоренца вѣрно и для нихъ:

A. Долгое a:

a) женскаго рода: сваж. chvoła: р. хвалá, с. хвáла, чак. fālà. сваж. trova: р. травá, с. трáва, чак. trāvà.

Въ противоположность согласному указанію на долготу гласнаго a въ данномъ словѣ иныхъ діалектовъ (ср. выше 2 гл.) въ Pruszyn'ской гминѣ trawa при tráwisko. Wisła IV, 447 с.

b) ср. р.: несомнѣнные примѣры отсутствуютъ.

c) м. р.: сваж. g. s. płošča — n. s. płošč: р. плащъ — плащá, с. плâшт — плáшта, чак. plášć — plāšćá и plášća.

*žāk — *žāka: у Семеновича 16 с.: zaaczi = clerici, zaakow ср. с. ђâk — ђáka. [Сюда же, быть можетъ, относится kiełbása въ Łukowc'ѣ Spraw. V, с. 152: ср. р. колбасá].

B. Долгое ē:

a) ж. р.: сваж. bida, др.-п. biąda Semenowicz 28 с.: р. бѣдá, с. бијѐда.

сваж. žyka: р. рѣкá, с. рпјѐка, чак. rēkà.

сваж. śv́ica: р. свѣча́, с. свијѐћа, чак. svēćà.

сваж. cyna: р. цѣна́, с. цијѐна, чак. cēnà.

сваж. ǵv́ozda: р. звѣзда́, с. звијѐзда, чак. zvēzdà.

сваж. licha: р. лѣха́, с. лијѐха.

ḿázga зебржид. Rozpr. IX, 156 с., писаржов. Spraw. IV, с. 4; др.-п. ḿaasga Semenowicz 17 с.: с. ме́зга (черногорское).

b) ср. р.: сваж. ǵńozdo: р. гнѣздо́, с. гнијѐздо, чак. gnēzdò; въ Krzęcinie zv́éře: р. звѣря́, с. звијѐре.

c) муж. р. сваж. gžychu — n. s. gžych: р. грѣхъ — грѣха́, с. гри̏јех — гријѐха, чак. grēh — grēhà.

C) Сочетанія *or, *ol, *er, *el.

a) ж. р.: сваж. bruna: р. борона́, с. бра́на.

сваж. struna: р. сторона́, с. стра́на, чак. strāná.

сваж. bruzda: р. борозда́, с. бра́зда.

b) ср. р. сваж. mliko: р. молоко́, с. млијѐко.

сваж. dłuto: р. долото́, с. длијѐто.

оппельнское zdřódu̯o (über. opp. M. 34 с.): малор. жерело́, с. ждријѐло.

c) м. р. сваж. g. s. chrusta—n. s. chrust: с. хра̑ст—хра́ста, но р. хво́ростъ, малор. хворо́стъ — хворосту́.

сваж. g. s. krula — n. s. krul: с. кра̑љ—кра́ља, р. коро́ль—короля́.

D) Сочетанія *ъr, *ьr, *ъl, *ьl:

a) ж. р. луковецкое и гарволинское kárčma (ср. Spraw. V 151 с. Wisła IV, 447 с.): р. корчма́, с. кр̀чма (напр. рагузанское; въ діалектѣ Ȍzrinići въ Черногоріи и Pr̀čan проф. Решетаръ отмѣчаетъ kȑčma, но считаетъ удареніе этихъ діалектовъ въ данномъ случаѣ вторичнымъ: «Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten» Schriften der Balkancommission. Linguistische Abtheilung. I Wien 1900, 92 с.).

сваж. žułna: р. желна́, с. жу́ња, чак. žūná.

въ Стонавкѣ mółva (Rozpr. XII, 21): р. молва́.

b) ср. р.: несомнѣнные примѣры отсутствуютъ.

c) м. р.: сваж. g. s. boǫšča = barszcza — n. s. boǫšč: р. борщъ—борщá.

сваж. g. s. gorbu — n. s. gorb: р. горбъ — горбá.

[Въ условіяхъ сохраненія долготы находится об.-п. słup: р. столбъ — столбá, с. стȗп — стȗпа].

Такимъ образомъ, установленное правило подтверждается 40 примѣрами слишкомъ первичныхъ номинальныхъ образованій. Кажущимся отступленіемъ отъ него являются: п., напр. сваж. śćana, stšala, broda, głova, środa и об.-п. rękа, grzęda: сербскій и русскій въ формѣ имен. п. ед. ч. одинаково свидѣтельствуютъ объ ударенiи окончанія:—р. стѣнá, с. стијѐна; р. стрѣлá, с. стријѐла; р. бородá — с. брáда; р. головá, с. глáва; р. середá, с. сриједа; р. рукá, с. рȕка; р. грядá, с. gréda; вмѣсто ожидаемой долготы находимъ краткость не только въ польскомъ, но и въ чешскомъ: stěna, střela, hlava, brada, středa, ruka, gřada. Какъ польское, такъ и чешское сокращеніе обязано своимъ возникновеніемъ вліянію формы винит. падежа, гдѣ удареніе было на корнѣ и притомъ нисходящее (fallend): ср. сербскія — стȉјену, глâву (и дат. п. глâви), брâду (при брáду), срȉједу, стрâну, грȇду, рȕку и русскія—стѣну, гóлову, бóроду, сéреду, стóрону; но с. стријѐлу, р. стрѣлȕ, с. рȕку.

Въ польскомъ сокращеніе произошло въ силу того правила, что всякій долгій гласный подъ удареніемъ сократился, въ чешскомъ же въ виду нисходящаго качества долготы.

Остальныя слова женскаго рода съ удареніемъ на второмъ слогѣ, сохранившія долготу въ имен. п., имѣли удареніе на второмъ слогѣ и въ вин. падежѣ: ср. русскія — травȕ, хвалȕ, бѣдȕ, свѣчȕ, рѣкȕ, цѣнȕ, звѣздȕ, борозднȕ и сербскія — трáву, хвáлу, бијѐду, свијѐћу, ријѐку, цијѐну, звијѐзду, брáну, брáзду, р. цѣну, рѣку не гармонируютъ сербскимъ Ф.Ф.

Такимъ образомъ, при униформированіи склоненія въ отношеніи ударенія, при проведеніи одного типа по всѣмъ падежамъ въ словахъ первой категоріи: стѣнá — стѣну — одержалъ побѣду

типъ винительнаго падежа съ удареніемъ на корнѣ. Хорошую параллель такому униформированію представляютъ нѣкоторые юго-западные говоры Сербіи: ср. въ говорахъ Òzrinići и Přčan— брâда, глâва, срӣjеда, стӣjена, стрӣjела, стрâна, рȳка, грȇда проф. Rešetar «Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten» 1900, 94 с.

Аналогичное явленіе: вліяніе винительнаго падежа на именительный въ отношеніи акцентуативномъ предполагаетъ для резьянскихъ rôka, pêta и т. п. проф. Бодуэнъ де К. «Опытъ фонетики резьянскихъ говоровъ» 1875, 73 с. Но для резьянскихъ говоровъ, какъ признаетъ и самъ проф. Бодуэнъ де К., такое объясненіе — недостаточно: въ нихъ находимъ и trâwa, zvŷzda, ср. р. траву́, звѣзду́ и с. тра́ву, звијѐзду.

Прибавлю, что и въ им. мн. сербскій проводитъ то же различіе между двумя группами именъ ж. р.: хва́ле, бијѐде, свијѐће, ријѐке, цијѐне, звијѐзде, лијѐхе, бра́не, бра́зде, но: стрӣjеле, стӣjене, стра̂не, глâве, брâде, срӣjеде (также трâве). Русскій этого различія не знаетъ: бѣ́ды, свѣчи, рѣ́ки и т. д. (но хвалы́) и: го́ловы, бо́роды, стѣ́ны.

Въ частности, по поводу śćana съ сокращеніемъ замѣчу, что долгота въ этомъ словѣ діалектически сохранилась: въ сѣверноопавскомъ (переходный чешско-польскій говоръ) śćona (Rozpravy filologické věnované Janu Gebauerovi 1898 г., 56 с.).

Сважендзское struna въ виду сербскаго стра̂ну и русскаго сто́рону могло бы быть объясняемо также тѣмъ, что о находилось въ немъ предъ n и слѣд. измѣнилось въ u независимо отъ квантитативныхъ отношеній; такое пониманіе поддерживается чешскимъ strana, хотя и въ чешскомъ языкѣ могла существовать, по крайней мѣрѣ діалектически, форма съ долгимъ гласнымъ корня: ср. въ Библіи 1462 г. чешскаго музея (IV B 12) na poledni stráni 6 a.

Существующія у насъ свѣдѣнія о кашубскомъ языкѣ позволяютъ думать, что правило о сохраненіи долготы въ положеніи предъ первоначальнымъ удареніемъ вѣрно и для кашубскаго: такъ польскому ǫ въ mąka, kątu, sądu, łąka, jądro, соотвѣтствуетъ кашубское ǫ: mǫka, kǫta, sǫde, łǫka, jǫdro (Ramułt).

Польскимъ chváła, tráva, płášča, b́éda, gv́ázda, gńázdo, brózda, dłóto, grzécha, chrósta, króla, źródło въ кашубскомъ соотвѣтствуютъ: chwôła, trôwa, płôšče, bjèda, gwiôzda, gńôzdo, gřèx, bròzda, dłòto, chròsta, kròla gen. s. (Ramułt), zřòdło съ рефлексами долгихъ a, ě, o, e. Въ нѣкоторыхъ изъ соотвѣтствующихъ словъ у Рамулта находимъ краткость, но эти неблагопріятные выводу факты, повидимому, основаны на неточности Рамулта; самъ авторъ говоритъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ оставлялъ долготу неотмѣченной, гдѣ не былъ въ ней вполнѣ увѣренъ; съ другой стороны, въ болѣе точныхъ записяхъ Брониша находимъ во многихъ изъ такихъ случаевъ долготу: такъ у Рамулта: mlekœ, brona и barna, vlec, mjech, cena, svjeca, řeka, у Брониша: brõna, vlẽc, śḿẽch.

Въ соотвѣтствіи польскимъ śćana, střeła, głova, broda, środa краткость находимъ и въ кашубскомъ: scana (у Ramułt'a и Bronisch'a), střała, broda, głowa, střoda, также strona.

Вѣрность установленнаго правила для кашубскаго могла бы быть провѣрена и на гласныхъ i, y, u, такъ какъ кашубскій языкъ сохранилъ по отношенію къ этимъ гласнымъ количественныя различія, безслѣдно потерянныя польскимъ языкомъ. Но къ сожалѣнію повѣрка эта является почти невозможной при современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній о кашубскомъ языкѣ: словарь Рамулта не различаетъ ī, ȳ, ū и ĭ, y̆, ŭ; матеріалъ же, который находимъ въ работѣ Bronisch'a ограниченъ немногими примѣрами.

klūč — klūča: ср. р. ключъ — ключá, с. кљу̂ч — кљу́ча.

křīš — křīža: с. кри̂ж — кри́жа.

trūt (g. s. trūda): р. трудъ — трудá, с. тру̂д — тру́да; чак. trúd — trūdà.

Указанное совпаденіе между польскимъ и кашубскимъ относительно судьбы долгихъ въ положеніи предъ старымъ удареніемъ въ виду общей ихъ близости позволяетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ пользоваться кашубскими данными, какъ коррективомъ.

Остановлюсь теперь на такихъ примѣрахъ «наклоненныхъ»

гласныхъ въ первичныхъ именныхъ образованіяхъ, въ которыхъ квантитативныя отношенія не могутъ быть съ увѣренностью установлены въ виду показаній родственныхъ языковъ.

Сважендзскому gaju gen. s. въ оппельнскомъ соотвѣтствуетъ gáju съ рефлексомъ долгаго а Oppeln. M. 7 c., то же въ говорѣ бескидскихъ горалей Zbiór XII, c. 124; кашубскій (Ramułt) въ данномъ случаѣ примыкаетъ къ сважендзскимъ показаніямъ: gaju. И въ родственныхъ языкахъ — отношенія колеблющіяся: малор. гáю, с. гáя (изъ *gājà), въ чак. gàja и gājà рядомъ; чешская долгота — háj можетъ одинаково возводиться, какъ къ ударенію окончанія, такъ и къ восходящему ударенію коренного гласнаго.

Сважендзскому źarno, съ рефлексомъ краткости сочетанія *ъr, въ нѣкоторыхъ иныхъ говорахъ соотвѣтствуетъ źárno, съ а «наклоненнымъ» (Krzęcin Rozpr. XI, c. 340); въ кашубскомъ также сохранена долгота: у Bronisch'a zôrno Kasch. Dialectst. 50 c., въ словинцскомъ zā́rno (Lorentz Arch. XXIV, 34 c.). Показанія кашубскаго, словинцскаго и говора Krzęcina отвѣчаютъ русскому мѣсту ударенія: зернó (при множ. ч. зёрна), тогда какъ сважендзское źarno совпадаетъ со свидѣтельствомъ сербскаго и чакавскаго: с. зр̏но, чак. zȑno указываютъ на восходящее (steigend) удареніе коренного слога, также болгарское зъ̀рно.

Сважендзское źryb̓e (ср. въ опочиньскомъ źryb̓e Rozpr. XI, c. 156) соотвѣтствуетъ русскому жеребя́; сербскій указываетъ на удареніе коренного слога: ждри̏јебе — ждре̏бета и съ нимъ согласуется словинцское — zdřìe̯bjică g. s. (Arch. XXIV, 24 c.) но nom. s. zdřḗbją.

Сваж. jaje: въ сербскомъ — у Будмани jȃje, у Вука jáje можетъ быть подъ вліяніемъ nom. pl. — jája.

Сваж. tšyvo своимъ рефлексомъ долготы гармонируетъ съ сербскимъ цријѐво, въ то время какъ чешскій своею краткостью указываетъ на нисходящее удареніе корня: střevo, а русскій на восходящее: черéво (Словарь Даля, т. 4, 608 с.) впрочемъ при чéрево. Если р. черéво — подъ вліяніемъ ц.-сл. чрево (т. е. чрѣво),

то первоначальная схема была, вѣроятно, чéрево — черевá; с. цријѐво и п. tšyvo — подъ вліяніемъ ф. мн. ч.

Сваж. śmicha соотвѣтствуетъ чакавскому smẽhá, наоборотъ русскій: смѣха и сербскій: смијеха указываютъ на удареніе корня; съ чак. сходится рагузанское—smijèha Rešetar «Die serbo-kroat. Beton.» 54 с.

Сваж. slod — slodu: ср. р. слѣдъ — слѣдá, но въ с. слиједа, чак. sléda, чеш. sleda.

Сваж. vruk — vruga: въ чак. vrag — vrãgà при vrága, ср. р. литературное врагá, но с. врâг — врâга, малор. вóрог — вóрога; чеш. vraha.

Писаржовицкое táryń Spraw. IV, с. 5: чак. tŕn — tŕna и tr̃nà, но с. tr̃n — tr̃na, р. тёрнъ — тёрна.

древне-п. maak (Семенов. 16 с.): с. мâк—màка, чеш. mák—máka, но р. макъ — мáка.

Сюда же относится кашубское bŕèg — bŕèga (въ польскомъ bŕegu) ср. чакавское brég — brẽgà при brégа, с. брijега g. s., р. бéрега.

п. wątor — wątoru: р. утóръ — утóра, чак. utór — utóra, но серб. ўтор — ўтора.

Наконецъ, въ извѣстномъ числѣ случаевъ для опредѣленія акцентуативныхъ отношеній вовсе нѣтъ данныхъ: kobita (опочиньское Rozpr. XI, с. 156).

др.-п. staadla = status Семен. 16 с.

др.-п. slyaachthą Семен. 16.

др.-п. ląwycza Семен. 28 с.

Заключу настоящую главу однимъ, не лишнимъ замѣчаніемъ: какъ мы могли видѣть изъ примѣровъ, всѣ сопоставляемые словянскіе языки — сербскій, чешскій и польскій, сходятся относительно судьбы долготы въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенію: долгота въ этомъ положеніи сохраняется; невольно напрашивается на сопоставленіе наблюденіе, къ которому

независимо пришли проф. Потебня и проф. Богородицкій, первый относительно южно-великорусскаго говора, второй относительно литературной рѣчи: предударный слогъ въ русскомъ языкѣ отличается бо́льшей силой и ясностью сравнительно съ другими безударными.

проф. Брандтъ «Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка» 1892 г. 34—36 сс.

Врядъ ли можетъ быть сомнѣніе во внутренней связи указанныхъ двухъ явленій.

4. Об.-словянскіе долгіе подъ старымъ удареніемъ.

Об.-словянскіе носовые въ слогѣ, на которомъ было первоначально ударе́ніе, какъ установилъ д-ръ Лоренцъ, являются въ польскомъ въ видѣ ę т. е. первоначальная долгота носовыхъ въ данномъ положеніи сократилась, — независимо отъ качества долготы, нисходящей или восходящей:

А. Долгота была восходящая (steigend); въ чешскомъ въ такихъ случаяхъ обычно находимъ долготу, въ сербскомъ сокращеніе:

mękа: р. му́ка, с. му̏ка, чак. mùka (въ чешскомъ противъ ожиданія также краткость: muka).

przędza: р. пря́жа, с. пре̏ља, чак. prèja, чеш. přízе.

mięta: р. мя́та, чак. mèta, чеш. máta.

stępa, р. сту́па, с. сту̏па, чеш. stoupa.

zięba: с. зе̏ба.

kolęda: с. ко́леда, р. коля́да.

ostręga: с. о̀струга.

nędza: р. ну́жа, ну́жда при нужда́, с. ну̏жда, чеш. nouze.

Долженъ замѣтить, что въ соотвѣтствіи русскому нужда́ я слышалъ въ Сважендзѣ не nędza, но nędza, — по правилу, установленному въ предыдущей главѣ.

pęto: малор. пу́то, с. пу̏то, ч. pouto.

węgra g. s.: с. угар — у̏гра.

węgla g. s.: с. ѫ̑галь — ѫ̑гья, р. у́голь — у́гля, чак. ùgalj — ùglja (но чеш. uhel).

gęśli: р. гу́сли, с. гу̑сли, чеш. housle.

zięć — zięćia: р. зя́ть — зя́тя, с. зе̑т — зе̑та.

В. Долгота была нисходящая (fallend); въ чешскомъ въ такихъ случаяхъ обычно находимъ краткость, въ сербскомъ сохраненіе долготы:

mięso: р. мя́со, с. ме̑со, чак. méso, ч. maso.

błędu g. s.: р. блу́да, чак. blúd — blúda, ч. bludu.

więzu g. s.: р. вя́за, с. ве̑за, чак. véza, ч. vazu.

jęku g. s.: с. је̑ка.

kęsu g. s.: р. ку́са, с. ку̑са, чак. kúsa, ч. kusu.

rębu g. s.: р. ру́ба, с. ру̑ба, чак. rúba, ч. rubu.

męża g. s.: р. му́жа, с. му̑жа, чак. múža, ч. muže.

trędu g. s. (проказа): с. тру̑та.

sędu g. s. (сосудъ): с. су̑да, чак. súda, ч. sudu см. Arch. XIX, 146 и сл.

Правило о сокращеніи долготы подъ удареніемъ, независимо отъ качества его, подтверждается и такими примѣрами, въ которыхъ нельзя съ увѣренностью опредѣлить этого качества, но мѣсто ударенія устанавливается показаніемъ русскаго языка:

cięga: р. тя́га; przysięga: р. прися́га; siermięga: р. серм я́га; komięga: р. ком я́га; przęsło: р. пря́сло; omięga g. s.: р. ом е́га; węchu g. s.: р. нюха; pępu g. s.: р. пу́па; pęka g. s.: р. пу́ка; sięgu g. s.: р. ся́га; stęku g. s.: р. сту́ка; ustępu g. s.: р. усту́па; względu g. s.: р. взгля́ду; węza g. s.: р. у́за; głębi g. s.: р. глу́би; pieczęci g. s.: р. печа́ти; rtęci g. s.: р. рту́ти; pięści g. s.: р. пя́сти; въ послѣднемъ примѣрѣ сербскій указываетъ на долготу восходящую: пе̑сти; въ чакавскомъ—pésti. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ примѣровъ указаніе на качество долготы даетъ чешскій: ч. přísaha своей краткостью свидѣтельствуетъ о нисходящей долготѣ, тоже въ словахъ puk, ústup, vzhled, pečeť, rtuť, pěst; наоборотъ, можно предполагать восходящее качество долготы въ словахъ

przęsło, głębi g. s., sięgu g. s. въ виду сохраненія долготы въ чешскомъ: přáslo, sáh — sáhu, hloub.

Такимъ образомъ, у д-ра Лоренца находимъ 40 примѣровъ слишкомъ, подтверждающихъ положеніе въ его общей формулировкѣ: долгота носового сокращается въ польскомъ подъ старымъ удареніемъ; изъ нихъ 17 относятся къ восходящей долготѣ и 15 къ нисходящей.

Противорѣчащими являются: klątwa: р. кля́тва, с. клêтва; żądza: р. жа́жда, с. жêђа, чак. žéja; żądło: р. жа́ло; wąsa g. s.: р. у́са; wielbląda g. s.: р. верблю́да; słaka: р. слу́ка, с. слу̏ка; strąga: с. стру̏га.

Изъ этихъ примѣровъ klątwa, какъ думаетъ д-ръ Лоренцъ, стоитъ подъ вліяніемъ kląć Arch. XIX, 157 с., słąka и strąga— не чисто словянскія ibid. (słąka=лит. slankà; strąga изъ румынскаго); żądło (каш. žǫdło), вѣроятно, обязано своимъ происхожденіемъ вліянію множ. ч.: р. жала́ n. pl., также wąsa ср. plur. wąsy, каш. vǫse и р. усы́. Внѣ такого вліянія стоятъ: kręgu g. s.: с. кру̏га, р. кру́га, но n. pl. круги́; dębu g. s.: с. ду̏ба, р. ду́ба, но дубы́ n. pl.; въ послѣднемъ случаѣ и чакавскій колеблется въ формахъ ед. ч.: dúba и dūbà; ср. также lęku g. s.: р. лу́ка, с. лу̏ка, чак. lúka и lūkà; см. Arch. XIX, 153 с.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ самомъ польскомъ языкѣ находимъ колебаніе: cięża и ciąża (въ Сважендзѣ ciąża): р. тя́жа, с. тêжа; plęsy и pląsy: р. пля́са g. s., чак. plésa; obłąku и obłęku g. s.: с. о̀блука; rzędu и rządu g. s.: р. ря́да, с. рêда; cięgu и ciągu g. s.: чак. téga, с. тêга, но loc. s. те́гу, малор. тяго́м и бѣлор. тяги́.

Первое изъ этихъ словъ — въ кашубскомъ является съ краткостью: cąža; форма gen. s. отъ řǫd — въ кашубскомъ řąde. Колебаніе rządu — rzędu, cięgu — ciągu и т. п. объясняется очень раннимъ смѣшеніемъ склоненія темы—о и темы—u; при первоначальныхъ ф.ф. съ удареніемъ корня въ о — темахъ являлись формы съ удареніемъ окончанія u — темъ; отсюда rządu при rzędu; то же въ р. слѣда́, чак. dūbà, vrāgà и т. п.

Обращаясь къ инымъ первоначально долгимъ гласнымъ: *ā, *ē, сочетаніямъ *or, *ol, *er, *el и *ъr, *ьr, *ъl, *ьl, убѣждаемся, что выводъ д-ра Лоренца имѣетъ общее значеніе: *долгота гласнаго подъ удареніемъ сокращается, независимо отъ качества его,—нисходящаго или восходящаго.*

I. Восходящая долгота (steigend):

А. гласный ā.

а) ж. р. сваж. baba; р. ба́ба, с. ба̏ба, чеш. bába.
сваж. čapla: р. ца́пля, с. ча̏пља.
сваж. čaša: р. ча́ша, с. ча̏ша, чак. čàša, ч. číše.
сваж. jama: р. я́ма, с. ја̏ма, чеш. jáma.
сваж. kaša: р. ка́ша, с. ка̏ша.
сваж. rana: р. ра́на, с. ра̏на, чеш. rána.
сваж. žaba: р. жа́ба, с. жа̏ба, чеш. žába.
b) ср. р. сваж. masło: р. ма́сло, с. ма̏сло, чеш. máslo.
сваж. pasmo: р. па́смо, с. па̏смо, чеш. pásmo.
сваж. sadło: р. са́ло, с. са̏ло, чеш. sádlo.
сваж. stado: р. ста́до, с. ста̏до, чеш. stádo.
с) м. р. сваж. g. s. gradu: р. гра́да, с. гра̏да, чеш. hrádu.
сваж. g. s. płaču: р. пла́ча, с. пла̏ча, чеш. pláče.
сваж. g. s. raju: р. ра́ja, с. ра̏я, чеш. ráje.

В. Гласный ē:

а) ж. р. сваж. mara: р. ме́ра, с. мје̏ра, чеш. míra.
сваж. pana: р. пе́на, с. пје̏на, чеш. pěna, но при этой отступающей формѣ есть діалектическое pína.
сваж. žera (= rzera): р. ре́па, с. ре̏па, чеш. řípa.
сваж. śara (молоко): р. се́ра, с. сје̏ра, чеш. síra.
сваж. vara: р. ве́ра, с. вје̏ра, чеш. víra.
b) ср. р. сваж. lato: р. ле́то, с. љ̏е̏то, чеш. léto.
сваж. masto: р. ме́сто, с. мје̏сто, чеш. místo.
сваж. śeme: р. се́мя, с. сје̏ме.

c) муж. p. g. s. сваж. vatru: р. вѣтра, с. вјётра, чеш. vítr—větru.

g. s. сваж. chleba: р. хлѣба, с. хљёба, чеш. chléb—chleba, древне-чешское chléba (примѣръ этотъ встрѣтился мнѣ въ постиллѣ Гусса XV в. чешск. Музея № 11, л. 131a).

C. Сочетанія *or, *ol, *er, *el:

a) ж. р. сваж. chrosta: р. коро́ста, с. кра̏ста, чеш. chrásta.
сваж. krova: р. коро́ва, с. кра̏ва, чеш. kráva.
сваж. bžoza: р. бере́за, с. бре̏за, чеш. bříza.
сваж. kłoda: р. коло́да, с. кла̏да, чеш. kláda.
сваж. pleva: р. поло́ва, с. пље̏ва, чеш. pléva.
b) ср. р. сваж. błoto: р. боло́то, с. бла̏то, чеш. bláto.
c) м. р. сваж. grochu g. s.: р. горо́ха. с. гра̏ха, чеш. hrách—g. s. hrachu.
сваж. proga g. s.: р. поро́га, с. пра̏га, чеш. práh — praha.
сваж. mrozu g. s.: р. моро́за, с. мра̏за, чеш. mráz—mraza.

Въ послѣднихъ трехъ примѣрахъ для установленія восходящаго ударенія коренного слога достаточно согласія въ показаніяхъ русскаго и сербскаго языковъ. Что касается чешскаго, то замѣчу, что новѣйшій изслѣдователь чешскаго количества, A. Černý (Listy Filol. XXIV, 343—354, 421—431 сс.) считаетъ долготу въ формѣ имен. п. данныхъ словъ такою же позднею, какъ въ chléb, vítr, bůh, не объясняя, подъ какими вліяніями эта вторичная долгота возникла.

Къ этому вопросу вернусь ниже.

D. Сочетанія *ъr, *ьr *ъl, *ьl.

a) ж. р. сваж. vołna: р. во́лна (шерсть), с. вы̏на.
b) ср. р. сваж. garło: р. го́рло, с. гр̏ло.
c) м. р. сваж. charta g. s.: малор. хо́рта; с. хр̏та, чак. hȓta и болгарское хъртът указываютъ на восходящую долготу.

II. Нисходящая долгота.

A. гласный ā:

a) ж. р. примѣры отсутствуютъ.
b) ср. р. примѣры отсутствуютъ.
c) муж. р. сваж. daru g. s.: р. да́ра, с. dâra, чеш. dara.
сваж. kvasu g. s.: р. ква́су, с. ква̂са, чеш. kvasa.
сваж. sadu g. s.: р. са́да, с. са̂да, чеш. sada.
сваж. vara g. s.: с. ва̂ра. чеш. vara.
сваж. znaku g. s.: р. зна́ка, с. зна̂ка, чеш. znaka.
сваж. strachu g. s.: р. стра́ха, с. стра̂ха, чеш. stracha.

B. Гласный ē:

a) ж. р. примѣры отсутствуютъ.
b) ср. р. сваж. śano: р. сѣно, с. сӣјено, чеш. sěno.
сваж. ćasto: р. тѣсто, с. тӣјесто, чеш. těsto.
сваж. ćało: р. тѣло, с. тӣјело, чеш. tělo.
c) муж. р. сваж. ƀegu g. s.; р. бѣга, с. бӣјега, чеш. běha.
сваж. kv́atu g. s.: р. цвѣта, с. цвӣјета, чеш. květa.
сваж. lasu g. s.: р. лѣса, с. лӣјеса, чеш. lesa.
сваж. śńegu g. s.: р. снѣга, с. снӣјега, чеш. sněhu.
Чешская долгота въ nom. s. sníh, повидимому, вторична.
сваж. śv́atu g. s.: р. свѣта, с. свӣјета, чеш. světa.
сваж. v́eku g. s.: р. вѣка, с. вӣјека, чеш. věka.
сваж. ḿechu g. s.: р. мѣха, с. мӣјеха, чеш. měcha.
сваж. zv́ežu g. s.: р. звѣря, с. звӣјера, чеш. zvěře.

C. Сочетанія *or, *ol, *er, *el:

a) ж. р. — примѣры отсутствуютъ, какъ и примѣры съ ā, ē въ корнѣ: первопачальныя формы им. п. ж. р. съ нисходящимъ удареніемъ на коренномъ гласномъ уже въ литовско-словянскую эпоху перенесли ударе́ніе на флексію — ā, — ср. литовское barzdà n. s. — barzdą acc. s. и об.-сл. *bordà — bórdǫ (р. борода — бо́роду, серб. бра́да — бра̂ду). Сюда относятся, слѣдовательно, лишь

формы вин. п., сохранившія удареніе на корнѣ, въ польскомъ же и чешскомъ и формы им. п., принявшія типъ ударенія винит. падежа: śćana, stšała, broda, głova, środa, ręka, grzęda.

Долгота флексивнаго ā въ nom. s. была иного типа, чѣмъ въ коренномъ гласномъ (условно—восходящая): ср. лит. gerà – gerój̃i; наоборотъ, если долгота окончанія была того же типа, что и долгота коренного гласнаго, то удареніе оставалось на коренномъ гласномъ: такъ въ вин. п. см. Tore Tornbiörnson «Die gemeinslavische Liquidametathese» 1902 г., 56—57 с.

b) ср. р. сваж. złoto: р. зо́лото, с. зла̂то, чеш. zlato.
сваж. dževo: р. де́рево, с. дрв̑јево, чеш. dřevo.
c) м. р. сваж. głodu g. s.: р. го́лода, с. гла̂да, чеш. hlada.
сваж. głosu g. s.: р. го́лоса, с. гла̂са, чеш. hlasa.
сваж. bžegu g. s.: р. бе́рега, с. брв̑јега, чеш. břěha.
сваж. kłosa g. s.: р. ко́лоса, с. кла̂са, чеш. klasa.
сваж. vłosa g. s.: р. во́лоса, с. вла̂са, чеш. vlasa.
сваж. bžosta g. s.: малор. бе́реста, чак. brésta, чеш. břesta.
сваж. młotu g. s.: р. мо́лота, чеш. mlata.
сваж. mroku g. s.: р. мо́рока, с. мра̂ка, ч. mraka.
сваж. prochu g. s.: р. по́роха, с. пра̂ха, чеш. pracha.
сваж. vžosa g. s.: р. ве́реса, с. врв̑јеса, чеш. vřěsa.
сваж. smrodu g. s.: с. смра̂да, чеш. smrada.
сваж. žłobu g. s.: р. жо́лоба, с. жлв̑јеба, чеш. žlaba.

D. Сочетанія *ъr, *ьr, *ъl, *ьl:

a) женскаго рода и b) ср. р. примѣры отсутствуютъ,
c) м. р. сваж. targu g. s.: р. то́рга, с. тр̑га, чеш. trha.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ нельзя съ увѣренностью опредѣлить качество долготы, но лишь ея мѣсто:—на коренномъ слогѣ. Сюда относятся:

сваж. sroka: р. сорóка, с. свра̑ка, чеш. straka; удареніе несомнѣнно было на корнѣ и, судя по показаніямъ русскаго и сербскаго языковъ восходящее; наоборотъ, чешская краткость можетъ быть возведена лишь къ нисходящему типу долготы; показаніямъ русскаго и сербскаго языковъ соотвѣтствуетъ и болгарское сра̀ка.

сваж. ḿed͡źi g. s.: р. мѣ́ди, с. мјѣ̈ди т. е. изъ восходящаго типа долготы, чеш. mědi — изъ нисходящаго.

Тѣ же самыя отношенія въ словахъ:

d͡źada (сваж.) g. s.: р. дѣ́да, с. дјѣ̈да, чеш. děda.

gńeva (сваж.) g. s.: р. гнѣ́ва, с. гњѣ̈ва, чеш. hněva.

brata (сваж.) g. s.: р. бра́та, с. бра̏та, чеш. brata.

časa (сваж.) g. s.: р. ча́са, с. ча̏са, чеш. časa.

gadu (сваж.) g. s.: р. га́да, с. га̏да, чеш. hada.

kraju (сваж.) g. s.: р. кра́я, с. кра̏ја, чеш. kraje.

raka (сваж.) g. s.: р. ра́ка, с. ра̏ка, чеш. raka.

svata (сваж.) g. s.: р. сва́та, с. сва̏та, чеш. svata.

Въ словѣ chłopa g. s. русскій указываетъ на восходящее ударе́ніе: холо́па, но въ чешскомъ: — chlapa.

Всѣ эти примѣры являются все-таки подтвержденіемъ установленнаго въ настоящей главѣ правила въ его общей формулировкѣ: долгота сокращается въ польскомъ языкѣ подъ ударе́ніемъ, независимо отъ ея качества. Такимъ образомъ, правило это подтверждается всего 120 примѣрами слишкомъ, включая сюда примѣры, относящіеся къ носовымъ.

Сличеніе этихъ примѣровъ съ соотвѣтствующими кашубскими словами, какія находимъ въ существующихъ пока работахъ, не оставляетъ сомнѣнія, что правило вѣрно и для каш.: п. męka = каш. mąka; п. tęča = tąča; п. mięta = к. mjąta; п. kolęda = к. kœląda; п. nędza = к. nądza; п. = węgla = к. vągla; п. zięć = к. zec; п. mięso = к. mjąso; п. błędu g. s. = к. błąde; п. kęsu = к. kąsa; п. rębu = к. rąbu; п. męża = к. mąža; п. siermięga = к. sermjąga; п. węchu = к. vąchu; п. pęku = к. pąku; п. stęku = к. stąku; п. ustępu = к. wustąpu; п. baba = к. baba; п. jama = к. jama; п. rana = к. rena изъ *rana; п. żaba = к. žaba; п. masło = к. masło; п. sadło = к. sadło; п. brata g. s. = к. brata; п. časa g. s. = к. časa; п. gadu g. s. = к. gade; п. grada g. s. = к. grade; п. kraju g. s. = к. kraju; п. płaču g. s. = к. płača; п. raka g. s. = к. reka изъ *raka; п. raju g. s. = к. raju; п. ḿara = к. mjara; п. pana = к. pjana; п. v́ara = к. vjara, п. lato = к. lato; п. ḿasto =

к. ḿasto у Брониша; п. krova = к. krova и karva; п. bžoza = к. bř̆oza; п. błoto = к. błoto; п. grocha = к. grocha; п. proga = к. proga; п. mrozu = к. mroze; п. vołna = к. vełna; п. garło = к. gardło; п. daru g. s. = к. dare; п. kvasa g. s. = к. kvasa; п. sadu g. s. = к. sade; п. varu g. s. = к. vare; п. strachu g. s. = к. stracha; п. śano = к. sano; п. ćasto = к. casto; п. ćało = к. cało; п. kv́atu g. s. = к. kvjate; п. lasu g. s. = к. lasa; п. sv́at = к. svjata; п. v́eku g. s. = к. vjeku; п. ḿechu g. s. = к. mjexa; п. złoto = к. złoto; п. dževo = к. dřewœ; п. głodu g. s. = к. głode; п. głosu g. s. = к. głose; п. kłosa g. s. = к. kłosa; п. vłosa g. s. = к. vłosa; п. młotu g. s. = к. młota; п. mroku g. s. = к. mroku; п. prochu g. s. = к. proxu; п. vžosa g. s. = к. vř̆ose; п. smrodu g. s. = к. smrode; п. žłobu g. s. = к. žłobu; п. targu g. s. = к. targu; п. sroka = к. sroka и sarka; п. ḿed͡źi g. s. = к. mjedzé; п. d͡źada g. s. = к. d͡zada; п. chłopa g. s. = к. xłopa.

Всѣ примѣры, при которыхъ источникъ не отмѣченъ, взяты у Ramułt'a причемъ сохранена орѳографія источника (только dz — вмѣсто особаго знака Ramułt'a). Въ формахъ g. s. grade, mroze, sade, głade, smrode Bronisch считаетъ болѣе правильнымъ писать gradë, mrozë и т. д.: ë вм. *u.

Только въ четырехъ примѣрахъ кашубскій языкъ расходится съ польскимъ: g. s. gńèvu (п. gńeva); g. s. bjègu (п. b́ega); xlèba (п. chleba) — у Ramułt'a; bř̃ega у Bronisch'a 50 с. Послѣдній примѣръ былъ уже оговоренъ въ III главѣ: ср. чак. brēgá g. s.; аналогичное объясненіе гипотетически должно быть примѣнено и къ первымъ тремъ.

Привлекая къ сравненію кашубскія данныя, разсмотрю теперь случаи, противорѣчащіе найденному фонетическому закону, а также случаи съ неясными или неизвѣстными акцентуативными отношеніями.

Только кажущееся противорѣчіе представляютъ примѣры — vruna (сваж.): ч. vrána, с. вра̏на, р. воро́на; и słuma (słyma сваж.): ч. sláma, с. сла̏ма, р. соло́ма: u вм. o возникло здѣсь подъ вліяніемъ слѣдующихъ m, n (ср. гл. VII, I ч.), и кашубскій представляетъ закономѣрныя формы: vrona, słoma (Ramułt).

Дѣйствительными отступленіями являются: сважендзское poša Rozpr. VIII, 189 с.: ср. р. па́ша (пастбище), с. па̏ша.

сваж. džozga, въ Krzęcinie džyzga Rozpr. XI, 342 с., опочиньское džázga Rozpr. XI, 155 с., кашубское dřõzga Bronisch 50 с.: с. дри̏језга, чеш. dřezha — сербская форма можетъ быть возникла подъ вліяніемъ acc. s. nom. pl., какъ и чешская, а польскій и кашубскій сохранили рефлексъ первоначальной формы *drẽzgà.

сваж. vžut — vžuda g. s., каш. vřòd — vřòde g. s. (Ramułt): малор. ве́ред — ве́реда, с. ври̏јед — ври̏једа, чеш. vřěd — vřěda. Въ основѣ факта лежитъ, вѣроятно, діалектическая ф. съ удареніемъ флексіи ср. чак. brēgà, grādà, vrāgà, snēgà.

сваж. žułć — žułći g. s., каш. žêłc — žêłcé Ramułt: р. же́лчь — же́лчи, с. жу̑ч — жу̏чи, чеш. žluč; чешскій и сербскій расходятся въ указаніяхъ на качество долготы, но вмѣстѣ съ русскимъ предполагаютъ удареніе на корнѣ.

сваж. gošć (= литер. garść) — gošći g. s., каш. gôřc — gôřcé Ramułt (Bronisch. grõsc 25 с.): р. го́рсть — го́рсти, с. гр̑ст — гр̑сти (чеш. hrsť).

Въ 1-ой части изслѣдованія, въ главѣ, посвященной полугласнымъ, было уже отмѣчено, что польскій языкъ въ рядѣ именъ темы — і провелъ удареніе окончанія, первоначально характеризовавшее большинство падежныхъ формъ, во всей схемѣ склоненія; то же явленіе, вѣроятно, объясняетъ и послѣдніе два примѣра, а также и сважендзское dłyń, но въ послѣднемъ случаѣ показанія родственныхъ словянскихъ языковъ не вполнѣ сходятся: р. доло́нь (Словарь Даля I, 476) и сербское дла̏н — дла̏на указываютъ на восходящій типъ долготы, чешское же dlaň — dlaňe — на нисходящій; въ кашубскомъ — краткость: dłoń — dłońe.

сваж. stšycha: малор. стрі́ха; ч. střecha, с. стре̏ха; при разногласіи между сербскимъ и чешскимъ языками относительно качества долготы, мѣсто ударенія и тѣмъ, и другимъ предполагается на коренномъ слогѣ.

сваж. bis — bisa, зебржидовское bés — bésa Rozpr. IX, 161 с.,

каш. bjès — bjèsa у Ramułt'a, bẽs — bẽsa у Bronisch'a 50 с.: р. бѣсъ — бѣ́са, с. бӣjес — бӣjеса; ср. выше vžuda.

сваж. jodło, въ Krzęcinie jádu̯o Rozpr. II ser. XI, 340 с.— ср. с. jе̏ло, чеш. jídlo, — или стоитъ подъ вліяніемъ причастной формы jodł или же объясняется инымъ образомъ: сопоставленіе русскихъ и сербскихъ фактовъ показываетъ, что уже въ общесловянскомъ нѣкоторыя имена ср. р. съ удареніемъ на коренномъ слогѣ въ единственномъ числѣ переносили его на конечный слогъ во множ. ч.: ср. р. сло́во — слова́, по́ле — поля́, жи́то — жита́ и т. п. съ сербскимъ — дри̏јево — дријѐва, мѐсо — мéса, бр̏до — бр̏да, по̏ље — пòља, жи̏то — жи́та и т. п. Обратное явленіе представляютъ имена съ удареніемъ окончанія въ единственномъ числѣ: село́ — се́ла, гнѣздо́ — гнѣ́зда, лицо́ — ли́ца и т. п. ср. чаковскія: sedlò — sèdla, stegnò — stègna, staklò — stákla и т. п.

Въ отдѣльныхъ сербскихъ діалектахъ явленіе это захватываетъ не всегда одни и тѣ же слова; такъ вуковскимъ ȍka, slȍva п. pl. въ діалектѣ Рагузы соотвѣтствуютъ òka, slòva Rešetar «Die serbo-kroat. Beton.» 66 с., послѣднее въ согласіи съ русскимъ; между сербскимъ и русскимъ вообще въ отдѣльныхъ случаяхъ замѣчается разногласіе; вѣроятно, уже въ общесловянскомъ указанное колебаніе ударенія въ ед. и мн. ч. діалектически являлось въ различныхъ примѣрахъ.

Такимъ образомъ, возможно, что форма jodło возникла изъ *jĕdłó, которое явилось подъ вліяніемъ формы мн. ч. *jĕdłá, хотя сербскій (діалектъ Вука) въ этомъ случаѣ не поддерживаетъ такого предположенія; ср. однако сваж. d͡zoło и др. п. dziąlo (ą вм. ā Семеновичъ 28 с.) и русское — дѣла́ nom. pl. при сербскомъ дје̏ла. Кашубское działo (Ramułt) показываетъ, что послѣдній примѣръ въ общей картинѣ кашубско-польскихъ количественныхъ отношеній — фактъ частнаго, діалектическаго значенія. Польскому jodło у Ramułta соотвѣтствія нѣтъ. Можно отмѣтить и еще нѣсколько аналогичныхъ отступленій отъ общаго правила, — къ которымъ было бы примѣнимо то-же объясненіе, но прежде всего замѣчу, что значеніе ихъ въ вопросѣ о вѣрности

установленнаго закона ограничивается ихъ безспорно діалектическимъ характеромъ: такъ на мѣстѣ сважендзскаго śano и кашубскаго sano, указывающихъ на кашубско-польское *sěno изъ *sě́no, въ говорѣ с. Łukowc'a находимъ śáno Spraw. V, 151 с. (то-же у горалей Rozpr. III, 351 с.); въ томъ же говорѣ сважендзскому ćało и кашубскому cało, изъ кашубско-польскаго tělo, соотвѣтствуетъ ćáło ibid.: ср. русское тѣлá; сважендзскому masto и кашубскому masto, изъ каш.-п. *mě́sto — másto ibid. (и въ др.-п. myąstho т. е. mā̀sto): ср. р. мѣстá nom. pl.; на мѣстѣ сважендзскаго lato и кашубскаго lato, слѣд. кашубско-польскаго *lě̀to, въ древне-польскомъ находимъ là̀to т. е. lā̀to у Семеновича 59 с., lyaathom ibid. 17 с. Далѣе, отступленіями отъ правила, имѣющими также діалектическое значеніе являются:

сваж. polono: р. полѐно, ч. poleno, с. по̀љѐно.

koláno въ говорѣ с. Пышницы Rozpr. II ser. V, с. 374; въ Сважендзѣ kolano и лясовскомъ говорѣ kola°no Rozpr. VIII, 73 с. въ гармоніи съ р. колѐно и с. ко̀љѐно.

já°ma въ оппельнскомъ говорѣ «Ueb. d. oppeln. M.» 7 с. и др.-п. w jámą у г. Łośa Prace fil. II 1, 132 с. ср. выше-указанныя нормальныя — сваж. jama и кашубское jama.

сваж. bžyḿe при кашубскомъ břemja, которое соотвѣтствуетъ показаніямъ иныхъ словянскихъ языковъ: ч. břímě, с. brȅme и болг. брѐме согласно указываютъ на восходящее удареніе корня.

На возможность діалектической формы съ удареніемъ окончанія косвенное указаніе даетъ рагузанская форма: brijème Rešetar «Die serbo-kroat. Bet.» 108 с.; форма съ предлогомъ — nȁ brijeme предполагала бы и въ этомъ діалектѣ brijeme, если бы можно было быть увѣреннымъ, что она первоначальна.

Опочиньское śiḿe Rozpr. XI, с. 156, также въ говорѣ Miejsk'ой Górk'и Rozpr. XI, 124 с., при нормальной сважендзской формѣ śeḿe (р. сѣмя, с. сје̏ме, ч. símě), быть можетъ, также восходитъ къ діалектическому *sěmę̀.

сваж. druga ср. dróga въ бржезиньскомъ Rozpr. VIII, 189 с., зебржидовскомъ Rozpr. IX, 164 с., у горалей Rozpr. III, 353 с.,

въ оппельнскомъ Ueb. d. opp. M. 16 с.: ср. р. дорóга, ч. dráha, с. дра̏га; у лемковъ дріга м. б. заимствовано въ эпоху, когда малор. ō еще совпадало въ звуковомъ отношеніи съ др.-п. ō Ж. М. Н. Пр. 311 т. 55 с.

cás—cásu въ говорѣ Łukovc'a Spraw. V, 151 с. и у горалей Rozpr. III, с. 351; ср. въ др.-п. czȧs, czaas, т. е. *čās, czásu, cząssu, т. е. *čāsu Семеновичъ 17, 28, 30, 59 сс. — въ противоположность сважендзскому čas—časa и кашубскому čas—časa, изъ польско-кашубскаго *čăs — *čăsa.

lása въ Пышницѣ Rozpr. II ser. V, с. 374 и у горалей Rozpr. III, с. 351 ср. др.-п. laas у Семеновича 17 с. do losza въ примѣрахъ, собранныхъ г. Łos'емъ Prace fil. II 1, 133 с. ср. сважендзское и каш. las.

kv́át въ опочиньскомъ говорѣ Rozpr. XI, с. 154, въ Łukowc'ѣ Spraw. V, 151 с., Miejsk'ой Górk'ѣ (kv́o^{ů}t Rozpr. IX, 119 с.) ср. др.-п. kwiȧt т. е. *kv́āt Семеновичъ 59 с., въ противоположность сважендзскому kv́at—kv́ata и кашубскому kv́at—kv́ata. Такъ какъ слово оканчивается на согласный глухой, то рефлексъ долготы въ формѣ им. п. ед. ч. можетъ быть основанъ лишь на отношеніяхъ акцентуативныхъ.

d͡źáda g. s. въ с. Łukowc'ѣ Spraw. V, 151 с., въ противоположность сважендзскому d͡źada и кашубскому dzada.

chliba g. s. въ прашницкомъ говорѣ Spraw. V, с. 80 — ср. каш. chlèba при сважендзскомъ chleba.

bráta g. s. въ Łukowc'ѣ Spraw. V, с. 152: ср. сважендзское brata и кашубское brata.

Послѣдніе 6 примѣровъ — одного и того же характера — допускаютъ различное толкованіе.

Возможно, что всѣ они или нѣкоторые изъ нихъ восходятъ къ діалектическимъ формамъ съ удареніемъ окончанія: *dēdá, *chlēbá, *kvētá, *brātá, *čāsá, *lēsá, явившимся подъ старымъ вліяніемъ Ф.Ф. темы — u; ср. чак. brēgá и snēgá при русскомъ бéрега, снéга, ср. и формы им. п. мн. ч. цвѣты́, часы́; возможно также, что kv́át — kv́áta возникло подъ вліяніемъ kv́átek, lás —

lása подъ вліяніемъ *lásek, гдѣ ā находилось въ положеніи предъ ударе-ніемъ. Наконецъ, čás, — а можетъ быть и другіе примѣры, — могло возникнуть подъ вліяніемъ энклитическихъ сочетаній, въ которыхъ слово čas находилось не подъ ударе-ніемъ.

Дѣло въ томъ, что и въ Сважендзѣ при čas, času, časem и т. д. говорятъ: f-tyn-čos; въ этомъ тѣсномъ сочетаніи словъ ударе-ніе сочетанія падаетъ на первый слогъ и выраженіе čos находится въ слогѣ послѣ ударенія. Возможно, что въ такомъ положеніи старая долгота въ зависимости отъ качества ударенія сохранялась; затѣмъ изъ такихъ сочетаній выраженіе čos было перенесено и на случаи отдѣльнаго употребленія. Возможно и то, что изслѣдователь луковецкаго говора изъ такихъ именно сочетаній взялъ свой примѣръ. Если въ формѣ род. п. čásu — á явилось изъ имен. п., то такой переносъ оправдывается тѣмъ обстоятельствомъ, что слово оканчивается на глухой согласный: старый рядъ отношеній ā: ă, ē: ĕ, ō — ŏ (или á: a, é: e, ó: o) въ им. и род. падежахъ ассоціированъ съ параллельнымъ различіемъ въ согласномъ тѣхъ же падежей: sát: sada; dźát — dźada, chlép — chleba, bók — boga и т. п. Наоборотъ, въ другомъ рядѣ отношеній: płášč — plášča, gřéch — gřéchu, śmćch — śmćchu, chrást — chrásta и третьемъ las — lasu, čas — času, brat — brata, svat — svata и т. п. параллельно тожеству гласной корня въ имен. и род. падежахъ стоитъ и тожество согласной. Оттого, быть можетъ, при čás могло возникнуть čásu g. s.

Явленіе, параллельное сважендзскому, находимъ въ лясовскомъ говорѣ: «der Ausdruck čas, hier cas, hat offenes a in allen Casus: cas, casu, casᵘovi u s. w., aber vtencás, na jaki cás, es hiesse auch gewiss na ūov cás, wenn es gebräuchlich wäre, also mit Pronominibus verbunden hat das Subst. geschlossenes á im acc. sg.» Arch. V, 639 с. ср. dᵤötyxcás въ зебржидовскомъ говорѣ Rozpr. IX, 160 с.

Отмѣчу еще miśǫc въ Łukowc'ѣ Spraw. V, с. 153 при mieśǫc иныхъ говоровъ, — сважендзскаго, опочиньскаго Rozpr. XI, с. 155 и кашубскомъ mjesǫc: ср. русское мѣсяцъ, с. мѣсѣц.

Нѣкоторые противорѣчащіе закону факты датируются исключительно памятниками, а не говорами; въ такихъ случаяхъ не всегда обезпечено фонетическое ихъ значеніе: ср. у Семеновича

rzeecz = factum 23 с.: р. рѣчь, ч. řeč, с. рӣјеч; можетъ быть, др.-польская долгота основана на формѣ съ удареніемъ окончанія, такъ какъ слово относится къ темамъ — і ср. выше о gošć, žułć.

prooch Семен. 18 с.; płączem ibid. 27 с.: с. плáч, р. плáча g. s.; sthrąthą acc. s. = *strāta ibid. 28 с. (ср. р. трáта, утрáта), въ послѣднемъ примѣрѣ первое ą, быть можетъ, лишь описка въ виду ą слѣдующаго слога.

Остается отмѣтить рядъ примѣровъ съ неясными или вовсе неизвѣстными акцентуативными отношеніями.

сваж. tvaży g. s. (n. s. tvoš); но въ др.-п. находимъ przed twárzu Prace Fil. II 1, 132 с.: ср. р. тварь — твáри; сербскій (у Вука) указываетъ на нисходящее удареніе коренного слога: твӑр, чешская же долгота, — tvář, могла явиться или въ положеніи предъ старымъ удареніемъ, или подъ восходящимъ удареніемъ коренного слога.

др.-п. gaalki у Семеновича 17 с.: ч. hálka.

dráb — drába въ Krzęcinie Rozpr. XI, II ser. c. 341: чеш. dráb — drába.

dáreń въ писаржовицкомъ говорѣ Spraw. IV, с. 5: р. дéрнъ — дéрна (чеш. drn не даетъ никакихъ указаній, такъ какъ различіе между r̥̄ и r̄ въ чешскомъ утрачено).

сваж. pof — poṷa, но каш. pôv — pavja Ramułt: ч. páv.

сваж. pliśńe; въ родственныхъ языкахъ слово встрѣчается лишь въ формѣ ж. р.: р. плѣснь — плѣсни, с. плӣјесан — плӣјесни, чеш. plíseň, причемъ показанія чешскаго и сербскаго разнорѣчивы.

g. s. pana — n. s. pun (pon) въ Сваженлзѣ и другихъ говорахъ ср. paanem, paanom, pàná у Семеновича 17, 59 сс.: малор. пáнъ — пáна, ч. pán — pana; сербское пâн у Вука — «slovacismus» и потому не имѣетъ значенія.

сваж. sif — sivu: чеш. sev — sevu.

сваж. čołno; родственные языки знаютъ лишь форму м. р.: р. чолнъ — чóлна, ч. člun, с. чӯн — чӯна; этимъ показаніямъ пра-

вильно соотвѣтствуетъ кашубское čoɫen — čoɫna у Ramułt'a при čẽɫno.

сваж. struš — struža, каш. strõš — strõža Bronich. 50 с.: р. сто́рожъ — сто́рожа, съ нимъ не сходится въ показаніяхъ чешское — stráž, въ сербскомъ лишь въ ж. р. — стра̂жа, также не гармонирующее русскому сторо́жа.

сваж. vrota, каш. vrota: р. воротá и воро́та, с. вра́та и болг. вратá поддерживаютъ русскую форму воротá, ч. vrata предполагаетъ об.-сл. форму съ нисходящимъ удареніемъ на коренномъ слогѣ; въ чак. vráta, б. м. съ восходящимъ удареніемъ ср. Arch. XVII, 195 с.

сваж. skaɫa, каш. skaɫa: с. ска̂ла, но р. скалá; чеш. skála одинаково оправдываетъ, какъ русскую, такъ и сербскую форму.

сваж. chlevu g. s.—chlif n. s., но каш. xlẽf — xlẽva Bronich 50 с.: р. хлѣвъ — хлѣ́ва, чак. hlév — hléva, чеш. chlév или изъ формы съ восходящимъ удареніемъ коренного слова, или съ удареніемъ окончанія, въ послѣднемъ случаѣ оно поддерживало бы кашубскую форму.

др.-п. uyaas (suspensum) Семеновичъ 17 с.: р. вѣсъ — вѣ́са.

сваж. sarna, каш. sarna Bronisch 25 с.: малор. серна́, болг. сърна̀, с. ср̀на (и acc. s. ср̀ну), но р. се́рна.

сваж. sić—sići ср. въ Miejsk'ой Górk'ѣ śić Rozpr. IX, 122 с., каш. sèc — sècé Ramułt (sẽc — sẽcë Bronisch 50 с.): р. сѣть — сѣ́ти, ч. síť можетъ восходить и къ формѣ съ восходящимъ удареніемъ коренного слога, и къ формѣ съ удареніемъ окончанія, послѣднее для польскаго естественно предположить въ виду принадлежности слова къ склоненію — i темъ.

Параллельное польскому сокращеніе старой долготы подъ удареніемъ, независимо отъ качества его, — въ словацкомъ. Словацкій, какъ чешскій и польскій, сохраняетъ долготу предъ удареніемъ и сокращаетъ ее подъ нисходящимъ удареніемъ — ср.

чешскіе примѣры у Чернаго Listy Fil. XXIV, 349 и сл., 422 и сл. и соотвѣтствующіе словацкіе: 1) для положенія предъ ударе-ніемъ: lúka, múka, prúha, trúba, túha, kút, púť, prúd, súd, játra, jádro (при jadro, которое, вѣроятно, — изъ праслов. Ф. *jádro подъ вліяніемъ nom. pl. ср. р. ядро́—я́дра), brázda, brána, vláda, chrám, král, dláto, žláza, mlieko, striebro, krúpa, plúca, kľúč, hlísta, kríž, šíp, vír, štít, krídlo, líco, písmo, víno, mýto, bieda, lieska, svieca, hriech, liek, diel, smiech, hniezdo, chvála, tráva, háj, hnát, plášť, slúp; 2) для положенія подъ нисходящимъ уда-реніемъ: dub, kruh, muž, rub, sud, zub, zvuk, kňaz, ťah, jak, brav, hlad, hlas, hrad, chlad, klas, mrak, mrav, plaz, prach, smrad, svrab, vlas, vrah, zlato, breh, vred, vres, žleb, drevo, strecha, beh, bes, čep, kvet, jed, lep, les, mech, sled, svet, vek, gnev, seno, telo, dar, kvas, sad, strach, znak, var.

I. Loos: Slownik slowenskej, madarskej a nemeckej reči 1871 г. Въ соотвѣт-ствіи ч. duha — въ словац. dúha: ср. р. дуга́, с. ду́га. И въ др.-ч. — долгота: въ библіи 1462 г. чешскаго музея нашелъ я—dúha 4 с.(bis). Сокращеніе въ новоч. явилось, вѣроятно, подъ вліяніемъ Ф. им. мн.: ср. р. дуга́—дугу́—ду́ги. Слова, имѣвшія и въ вин. п. ед. ч. ударе́ніе корня, сократили долготу въ им. п., повидимому, раньше; въ такихъ словахъ и въ словацкомъ, и въ чешскомъ, и въ польскомъ находимъ сокращеніе; наоборотъ, болѣе позднее сокращеніе,—подъ вліяніемъ nom. pl. не всегда раздѣляется всѣми этими языками. Ср. два ряда отношеній: I. рука́—ру́ку, ру́ки: ч. ruka, слов. ruka, п. ręka; зима́—зи́му—зи́мы: ч. zima, слов. zima; борода́ — бо́роду — бо́роды: ч. brada, слов. brada, п. broda; голова́ — го́лову — го́ловы: ч. hlava, слов. hlava, п. głova; середа́ — се́реду — се́реды: ч. středa, слов. sreda, п. środa; сторона́ — сто́рону — сто́роны: ч. strana, слов. strana; стѣна́ — стѣну — стѣны: ч. stěna, слов. stena, п. ścana; чакавское pẽtà — pétu — péti (но р. пятý): ч. pata, слов. päta, п. pięta; с. гре́да — гре̂ду — гре̂де (но р. гряду́): ч. hřada, слов. hrada, п. grzęda; только въ соотвѣтствіи р. душа́ — ду́шу — ду́ши — въ слов. dúša (ч. duše). II. дуга́ — дугу́ — ду́ги: ч. duha, но слов. dúha, п. dęga и dąga; звѣзда — звѣзду́ — звѣзды: ч. hvězda, но слов. hviezda, п. gwiazda; рѣка́ — рѣку́ — рѣки: ч. řeka, но слов. rieka, п. rzeka; узда́ — узду́ — у́зды (?): ч. uzda, но слов. úzda; цѣна — цѣну́ (и цѣ́ну) — цѣны: ч. cena, слов. cena, но п. cena; руда́ — руду́ — ру́ды: ч. ruda, слов. ruda. Сюда же отно-сится польское діалектическое (прушинское) trava при tráva иныхъ говоровъ.

Что касается $\underset{\circ}{r}$ и $\underset{\circ}{l}$, которые сохранили въ словацкомъ въ извѣстныхъ случаяхъ долготу, то для положенія ихъ предъ ста-рымъ ударе́ніемъ слишкомъ мало несомнѣнныхъ примѣровъ, от-носящихся къ первичнымъ номинальнымъ образованіямъ:

слов. žlna—ч. žluna, вѣроятно, восходитъ къ формѣ съ удареніемъ корня, хотя р. желна́, чак. žūnà, с. жу́ња.

слов. vrba соотвѣтствуетъ русскому ве́рба при малор. верба́, чак. vr̄bà и с. вр́ба.

слов. srna ср. съ р. се́рна при малор. серна́, чак. sr̄nà, с. ср́на.

vrch — согласно съ р. ве́рха при с. вр́ха, чак. vr̀h — vr̀ha, vŕha и vrhà, vr̄hà. Чешскій зналъ б. м. форму съ удареніемъ окончанія: въ библіи 1462 г. Чеш. Музея — na swrchnich a wysokých vŕšiech 369 л.

chlm, ч. chlum: р. хо́лмъ — холма́, с. хӯм — ху́ма.

Долгота сохранена лишь въ stl̄p (ч. sloup): р. столпа́, с. стӯп — сту́па.

Различіе между польскимъ и чешскимъ обнаруживатся въ судьбѣ первоначально восходящей долготы подъ удареніемъ: чешскій ее сохраняетъ, польскій сокращаетъ. Словацкій въ данномъ случаѣ на сторонѣ не чешскаго, но польскаго.

Съ примѣрами сохраненія восходящей долготы въ чешскомъ у Чернаго Listy fil. 422 и слѣд.: houba, housle, stoupa, úhel, pouto и т. д. ср. словацкіе: — huba, stupa, husle, uhel, puto, baba, jama, rana, žaba, skala, staja, maslo, sadlo, plač, laz, ňadra, lesa, vera, repa, delo, jedlo, leto, vetr, lipa, hlina, šidlo, sito, hriva, jiva, sila, sliva, žila, šija, vidly, riza, klin, kyla, lyko, mydlo, syr, hruda, šťuka, chrasta, krava, breza, klada, pleva, blato, hrach, prah, vrana, slama, vlaha, čas, ded, had, kraj, raj, svat, vlha, plch, mrva, prha, prst, hrb, brdo, zrno, vlna, chrt (ср. с. вӯга, пӯх, мр̏ва, мр̏ха, пр̏га, пр̏ст, гр̏б, бр̏до, зр̏но, вӯна, хр̏т).

Въ нѣсколькихъ случаяхъ и чешскій представляетъ сокращеніе; такъ какъ сербскій, иногда и русскій, и здѣсь указываетъ на восходящее удареніе, то примѣры эти — въ пользу нашего правила: ч. muka и слов. muka; ч. straka и слов. straka; ч. sukňe и слов. sukňa, ч. hnida — слов. hnida; ч. višňe — слов. višňa, ч. žito — слов. žito; ч. vydra — слов. vydra; ч. ryba — слов. ryba, впрочемъ при дудлебскомъ rejba, и въ др.-ч., въ постиллѣ Гусса

XV в. 58 л. встрѣтилъ я гу́by gen. s. (ср. с. му̏ка, сра̏ка, су̏кња, гњи̏да, ви̏шња, жи̏то, ви̏дра, ри̏ба).

Слова—struna, slina быть можетъ сюда не относятся: ср. р. струна́, слюна́—струну́, слюну́ — стру́ны, слю́ны; подъ вліяніемъ nom. pl. нисходящее удареніе корня могъ получить nom. s. — отсюда въ чешскомъ краткость; въ с. стру̏на, сли̏не n. pl.

Такимъ, образомъ, правило о сокращеніи восходящей долготы въ словацкомъ подтверждается 77 примѣрами. Къ нимъ можно бы присоединить слов. misa — ч. mísa, хотя въ с. параллели нѣтъ; слов. mucha — ч. moucha: ср. р. му́ха, но с. му̏ха, слов. mak — ч. mák: ср. р. ма́ка g. s., но с. ма̏к — мàка; с. му̏ха и мàка, вѣроятно, вторичны.

Отступленій немного: máta, sláva, ráj, stádo, pásmo, stráža, rúcho, miera, trieska, núza, prám, úd, štír, vietor, mráz. Изъ нихъ núza должно исключить: ср. р. нужда́ при ну́жда. Имена ср. р. pásmo, stádo, roucho быть можетъ діалектически имѣли въ nom. pl. удареніе окончанія, проникшее затѣмъ въ nom. s.: ср. р. стада́.

Нѣкоторые примѣры могли возникнуть подъ литературнымъ вліяніемъ чешскаго языка; въ частности stráža быть можетъ соотвѣтствуетъ р. сторожа́.

Въ нѣсколькихъ случаяхъ—колебаніе: draha—dráha, vera—viera, miesto = мѣсто и mesto = городъ; miesto можетъ быть подъ вліяніемъ nom. pl.: р. мѣста́; со слов. deva и dieva ср. ч. děva: колич. отношенія неясны (с. djéva—съ ласкательнымъ значеніемъ).

Въ 6 примѣрахъ не нашелъ словацкихъ параллелей чешскимъ формамъ: tuče (с. ту̏ча), vřídlo, krpě (с. кр̏па), lin, tis, kyta.

Отмѣченное разногласіе между чешскимъ и словацкимъ и согласіе послѣдняго съ польскимъ въ судьбѣ восходящей долготы подъ удареніемъ, конечно, не можетъ служить обоснованіемъ самостоятельности «словацкаго языка» по отношенію къ чешскому.

Это подтверждается съ одной стороны тѣмъ, что въ иныхъ пунктахъ развитія количества словацкій совпадаетъ съ чешскимъ,

отличаясь отъ всѣхъ остальныхъ словянскихъ языковъ, напр. — въ нормахъ вторичнаго удлиненія краткихъ гласныхъ въ конечныхъ закрытыхъ слогахъ, какъ увидимъ ниже; съ другой стороны тѣмъ, что сокращеніе восходящей долготы подъ удареніемъ вовсе не отдѣляетъ какъ бы пограничной чертой словацкій отъ чешскаго, но чрезъ посредство моравскихъ говоровъ подходитъ близко къ самой области чешскаго языка.

Указанія на это даетъ даже скудный матеріалъ Бартоша въ его «Dialektologie moravská»: сокращеніе восходящей долготы, повидимому, извѣстно не только моравско-словацкимъ говорамъ, но и центральнымъ-ганацкимъ и даже группѣ моравско-чешскихъ говоровъ (Nařeči české). Такъ, въ злинскомъ г. (словацко-моравское н.): jama, kłada, rana, skala, hrach, prah, błato, hlina, lipa, mak, misa, siła, sito, łyko, hruda, husle, puto, pruh, uhel I, 9 с.; въ ганацкихъ говорахъ «количество а то же, что въ злинскомъ» II, 10 с., mřeža, březa, větr II, 11 с., lipa, misa, hlina, žila, kyta, mydło, hruda, husle, pruh, uheł; въ чехо-моравскихъ говорахъ: jama, klada, vrana, žaba, blato, prah, mak «a t. d.» II, 244 с., hruda, huba II, 246 с. ср. еще I, 101 с., II, 14, 41, 44, 67, 180, 228, 230 сс.

Сокращеніе восходящей долготы извѣстно и переходнымъ чешско-польскимъ говорамъ Силезіи: ср. горноостравскій говоръ, описанный г. Jan'омъ Loriš'емъ въ Rozprav'ach Чешск. Акад. VII 1, 1899 г. Прага.

Различія долгихъ и краткихъ говоръ этотъ не знаетъ; ā, какъ въ польскомъ, = o, u (предъ m, n). Вокализація сочетаній *or, *ol, *er, *el — чешская, но законы сохраненія старой долготы,—и въ этихъ сочетаніяхъ, и въ другихъ долготахъ—польскіе, какъ и явленіе вторичнаго удлиненія предъ звонкимъ согласнымъ въ конечномъ закрытомъ слогѣ. Изслѣдователь говора утверждаетъ, что «o изъ ā въ горноостравскомъ говорѣ не совпадаетъ съ польскимъ сужеинымъ a, но съ чешскимъ ā» 7 с. Однако сообщаемые имъ факты явно противорѣчатъ его утвержденію: соотвѣтственно польскому закону сокращенія восходящей долготы

подъ удареніемъ, въ его говорѣ находимъ — błato, draha, hrach, kłada, krava, prah, słama, vrana, jama, mak, masło, pasmo, rana, sadło, skała, vłaha, žaba; въ чешскомъ въ этихъ примѣрахъ — долгота. Утвержденіе автора, что о изъ ā въ горноостравскомъ говорѣ совпадаетъ съ чешскимъ ā, основано на недоразумѣніи: что въ извѣстномъ количествѣ случаевъ это совпаденіе имѣетъ мѣсто, понятно, такъ какъ и чешскій, и польскій одинаково сохраняютъ старую долготу *предъ удареніемъ*. Приведенныя отступленія отъ чешскаго авторъ объясняетъ вліяніемъ польскаго языка 9 с. Но спрашивается, какъ же подъ вліяніемъ польскихъ krova, groch, błoto, słoma, droga, kłoda, próg — proga, vrona могли возникнуть *чешскія*: krava, hrach, błato, słama, draga, kłada, prah, vrana горноостравскаго говора.

5. Долгота во второмъ предъ удареніемъ слогѣ.

Первичныя именныя образованія, въ которыхъ бы долгій гласный находился въ требуемомъ положеніи, — крайне рѣдки; анализъ же вторичныхъ образованій не даетъ твердыхъ выводовъ, такъ какъ эти образованія стоятъ обычно подъ вліяніемъ соотвѣтствующихъ основныхъ.

Внѣ такого вліянія у Лоренца (Arch. XIX, 361 с. и сл.): — cięciva, р. тетива́, с. тети́ва; węzina: с. узи́на; trębacz—trębacza; р. трубача́ g. s., с. трубача́ (trąba); plęsacz (pląsać); rębacz (rąbać); rędzina: с. руди́на; cięgoty: с. тегòта, р. тяготá; język: р. языка́ g. s., с. jèзик — jèзика; сербская Ф. g. s. вторична: если бы удареніе было на 2 слогѣ, ожидали бы jéзика. Ср. еще vžećono (Сважендзъ): р. веретено́, чак. vretenò; batóg — batoga (Сваж., опочин. Rozpr. XI, 148 с., batuog лясовск. Rozpr. VIII. 72 с.): батóгъ — батога́. То же — въ кашубскомъ: trąbôč, batog — batoga и batožéšče (ср. батожи́ще) у Ramułt'a, język у Bronisch'a 24 с.

Въ чешскомъ: tětiva, trubač при trouba, těhota (при tíhota), jazyk, vřeteno, batoh; акад. Шахматовъ указываетъ lakota при

lákati и глагольныя образованія: kralovati при král и králiti, mudrovati при moudry и moudřiti Изв. VII 2, 314 с.

Для сербскаго сокращеніе долготы въ данномъ положеніи установилъ Лескинъ Untersuchungen I, 6 с.

6. Долгота въ слогѣ послѣ ударенія.

Матеріалъ въ данномъ случаѣ такъ же скуденъ, какъ и въ предыдущемъ. Лескинъ установилъ сохраненіе долготы въ данномъ положеніи въ сербскомъ помощью анализа суффиксальныхъ слоговъ: вр̏тāj, но̏шāj, шко̏льāр и т. п. Untersuchungen II (1893 г.) 55, 57 сс. Но такой матеріалъ — не вполнѣ надеженъ: если долгота ā въ суфф. — ār — и сокращалась въ польскомъ послѣ ударенія (pisăŕa = пи́саря), то она могла быть возстановлена подъ вліяніемъ ā въ аналогичныхъ образованіяхъ, какъ skotāŕa: р. скотаря́. Мы вернемся, поэтому, къ этому матеріалу позже; сперва же обратимся къ образованіямъ, болѣе обезпеченнымъ отъ вліянія аналогіи. У Лоренца Arch. XIX, 158 с. Находимъ: gołębia g. s.: р. го́лубя, чак. gȍłūba, с. го̏лӯба; járzęba gen. s.: с. ја̏ре̏ба; jastrzębia g. s.: р. я́стреба, с. ја̏стријеба; obręcza gen. s.: р. о́бруча, с. о̏бру̏ча; okrętu: чак. ókruta; łabędzia gen. s.: р. ле́бедя, с. ла̏бу̏да; mesiąca gen. s.: р. ме́сяца, с. мје̏се̏ца; zająca gen. s.: р. за́йца; pieniądza gen. s.: с. пе̏не̏зи.

tysiąca: р. ты́сяча, с. ти̏суħа; otrębу: р. о́труби; żołędzi: р. жо́луди, с. же̏лу̏да gen. s. (но чак. želùda); ramięci gen. s.: р. па́мяти, с. па̏ме̏ти.

Слово rająk — rająka должно быть исключено, такъ какъ могло соотвѣтствовать русскому пау́къ — пука́, а не сербскому па̏у̏к — па̏ука.

Итакъ, лишь 4 изъ приведенныхъ словъ имѣютъ ą т. е. рефлексъ долготы, остальныя 9 своимъ ę указываютъ на сокращеніе первоначальной долготы въ слогѣ послѣ ударенія. Однако какъ разъ этимъ четыремъ примѣрамъ съ долготой соотвѣтствуетъ долгота и въ чешскомъ: miesiąc: ч. měsíc, zając: ч. zajíc;

tysiąc: ч. tisíc; pieniądza: ч. peníz. Изъ остальныхъ — польской краткости соотвѣтствуетъ чешская долгота лишь въ двухъ случаяхъ: п. jarzęba: ч. jeřáb, п. jastrzębia: ч. jestřáb; въ другихъ примѣрахъ и въ чешскомъ краткость: holub, obruč, словацкое okrut, labuď, otruby, žalud, pamět.

Такое отношеніе фактовъ привело Лоренца къ предположенію, котораго, какъ онъ признаетъ, нельзя ничѣмъ подтвердить: что сохраненіе или сокращеніе долготы въ польскомъ и чешскомъ въ положеніи послѣ ударенія зависѣло отъ качества долготы; «вѣроятно при восходящемъ качествѣ долгота сохранялась, при нисходящемъ сокращалась» 161 с. Въ пользу этой мысли «f — tyn — čos» ср. 132 с. Польскій, какъ видимъ, въ общемъ сходится съ чешскимъ. Двумъ отступающимъ примѣрамъ: п. jastrzębia при ч. jestřáb и jarzęba при ч. jeřáb Лоренцъ не придаетъ значенія: они возникли по аналогіи gołębia и т. п. при п. s. gołąb.

Въ кашубскомъ въ общемъ находимъ то же, что въ польскомъ: gœłąbja g. s., wœkrąt, wœtrąbé, pamiąc, jastréba, но: miesǫc, tésǫc, pjeńǫdza g. s. Ramułt (zajc; соотвѣтствія польскимъ — jarzęba, łabędzia, żołędzi у Рамулта нѣтъ). Только польскому obręcz противорѣчитъ каш. wœbrǫč.

Въ словацкомъ — сходно съ чешскимъ: holub, obruč, labuť, otruby, pamäť, žaluď, но: mesiac, zajac, peniaz (tisíc — подъ чешскимъ вліяніемъ). При этомъ словацкій даетъ поправку къ изложенію вопроса у Лоренца: польскія jarzęba и jastrzębia нельзя объяснять, какъ вторичное явленіе, такъ какъ и въ словацкомъ — краткость: jarab, jastrab; отступающими являются скорѣе ч. jeřáb, jestřáb.

Итакъ, относительно судьбы долготы въ слогѣ послѣ ударенія мы должны пока довольствоваться гипотезой Лоренца, не имѣя средствъ твердо ее обосновать.

7. Долгота въ конечномъ открытомъ слогѣ.

По отношенію къ носовымъ вопросъ разсмотрѣнъ у Лоренца Arch. XIX, 135—144 сс. Носовые въ конечномъ открытомъ

слогѣ сокращаются, независимо отъ ударяемости или неударяемости, также — отъ качества долготы. Гдѣ конечный носовой является въ видѣ ą, тамъ онъ происходитъ изъ стяженія или первоначально не былъ въ открытомъ концѣ слова.

Дѣйствительно, мы одинаково имѣемъ въ acc. s. trawę: р. траву́, с. тра́ву и głovę: р. го́лову, с. гла̂ву. Что не имѣло значенія и качество долготы, показываетъ сопоставленіе ф. nom. s. tráva и ф. acc. s. travę: флексіи acc. s. и nom. s. f. представляли первоначально долготы различнаго типа, откуда и происходитъ литовско-словянское отношеніе *bordà — *bórdǫ ср. гл. IV и Tore T. Liquidametathesis 56—57 сс.

Сопоставленіе лит. mergà instr. s. и sukù 1 s. pr. заставляетъ ожидать краткости и въ instr. s. Однако и въ польск., и въ чешск. — долгота: rybą, rybou. Долготу эту Лоренцъ основательно объясняетъ стяженіемъ: *rybǫ изъ *rýbojǫ или *rýboɩǫ. Флексія — ą въ 3 pl. pr. первоначально не была въ открытомъ концѣ слова: она — изъ — ǫtь.

Необъясненнымъ считаетъ Лоренцъ лишь — ą въ acc. s. f. именъ volą и т. п., такъ какъ нельзя обосновать *volija 141 с.

И иные долгіе гласные являются въ конечномъ открытомъ слогѣ сократившимися т. е. въ говорахъ открытыми: ср. — а въ nom. s. f. (ryba и т. п.), — а въ gen. s. m. — n. (voza, masła и т. п.),—'е изъ ě въ dat.-loc. s. f. (ryb̆e и т. п.).

Др.-п. prawą = *prawā, dwą = duo Семеновичъ 26 с. — факты графическіе.

Повидимому, затрудненіе представляютъ лишь ф.ф. nom. s., какъ volá, — на ряду съ acc. s. volą и т. п. Объясненіе этихъ формъ дано уже въ 1870 г. проф. Бодуэномъ де К. Beitr. VI, 25—26 сс.: нѣкоторыя изъ именъ данной категоріи имѣютъ 'á ('ā) изъ стяженія -ii̯a; таковы sędźá ср. р. судья́ и ст.-сл. сѫдии; braćá: р. братья, ст.-сл. братиꙗ. Когда различіе между стяженными и нестяженными ф.ф. перестало чувствоваться, окончаніе 'á въ сознаніи говорящихъ стало особенностью мягкихъ основъ и было перенесено въ иныя имена со старымъ—а. Такъ явились volá, dolá, rolá, nędzá и т. д. Позже это 'á было перенесено и въ

заимствованныя имена: lilijá, maryjá и т. д. То же объясненіе mutatis mutandis могло бы быть примѣнено и къ — ą въ вин. п.: volą и т. п.

На сравнительно раннее вліяніе аналогіи указываетъ др.-п. памятники: ср. у Семеновича при braczaa, sądzaa и burzaa, duszą, volyą, zemyą и т. п. Въ современныхъ говорахъ явленіе это распространено не вездѣ въ одинаковыхъ размѣрахъ ср. Rozpr. VIII, 87 с., 193 с ; XI, 153 с.; X, 232 с., IX, 116 с., 160 с., II s. V, 376 с , XI, 339 с., Spraw. IV, 6 с. Колебаніе и въ кашубскомъ: rolô и rola у Ramułt'a; у него же burô, kuchńô при grobla, mša, šéja, višńa. Иначе понимаетъ польское volá — volą ак. Шахматовъ Изв. VI, 353 с.

Долгое а т. е. á находимъ и въ gen. s. n. на -iję: młuceńá, pokoleńá и т. п. ср. I ч., 8 с., въ др.-п. у Семеновича 15 с., въ кашубскомъ у Брониша 54 с. Здѣсь происхожденіе долготы изъ стяженія ясно.

Сокращеніе долготы въ конечномъ открытомъ слогѣ наблюдается также въ сербскомъ и чешско-словацкомъ.

8. Долгота изъ стяженія.

Долготу изъ стяженія находимъ: въ nom. s. f. именъ, какъ braćá; въ g. s. n. именъ типа młuceńá; въ инфинитивныхъ формахъ типа sḿáć śe, báć śe, dźáć; въ Ф.Ф. 2—3 s. и 1—2 pl. praes. глаголовъ 3 класса (znáś, znáy, známy, znáće); въ формахъ прилагательныхъ сложныхъ: dodrá, dobrégo, dobrému, dobrém, dobréj и т. п. Въ нѣкоторыхъ говорахъ сохранился и рефлексъ ē изъ стяженія въ nom. s. n.: напр., въ опольскомъ: źelé, ṕićé, sńadańé и т. п. Ueber. d. opp. M. 17 с.

Въ другихъ говорахъ, какъ сважендзскій, форма n. s. n. означенныхъ именъ потеряла свою старую флексію, замѣнивъ ее открытымъ *e* такихъ именъ, какъ morze, pole.

По поводу формъ gen.-dat.-loc. s. m.-f.-n. прилагательныхъ на -égo, -ému, -ém, -éj должно отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ говорахъ гласный этихъ флексій является открытымъ: въ зебржидовскомъ d$_{u}$öbreg$_{u}$ö, d$_{u}$öbremu, d$_{u}$öbrem, но—d$_{u}$öbry gen.-dat.-loc. s. f. Rozpr. IX, 163 с.; то же въ бржезинск. Rozpr. VIII, 188 с. Особенно удивительна форма loc.-s.—dobrem: тутъ ожи-

даемъ «наклоненности» гласнаго, въ виду положенія его въ конечномъ закрытомъ слогѣ предъ -ш. Очевидно, Ф.Ф. dobrego, -emu повліяли и на остальныя: ср. instr. s. d$_u$öbrem, то же въ dat. pl. и d$_u$öbremi instr. pl., гдѣ во всякомъ случаѣ должно быть -y. Конечно, Ф.Ф. dobrego, -emu суть нефонетическія, возникшія подъ вліяніемъ Ф.Ф. мѣстоименныхъ -ńego, ńemu. Въ иныхъ говорахъ — обратное вліяніе: въ Сважендзѣ при dobrygo, -ymu— и -tygo, samygo, въ Луковцѣ jigu, samygu, tygu, cygu (=czego), tymu, cymu, takigu Spraw. V, 153 с.

Возникаетъ вопросъ, можно ли признать фонетическими, получившими свое -é изъ стяженія -aje, -uje — самыя Ф.Ф. dobrégo, dobrému: ср. эти формы со ст.-слов. Ф.Ф. добраго, добраго, доброуоумоу, доброумоу или даже съ глагольными Ф.Ф. самихъ зап.-слов. языковъ: znáš, zná и т. д. Какъ объяснить эту противоположность?

проф. Бодуэнъ де К. полагалъ, что въ сочетаніяхъ dobraiego, dobruiemu и т. п. въ ст.-сл. мѣстоименіе было энклитикой, словомъ безъ ударенія, удареніе было на флексіи краткой Ф. dobráiego, въ польскомъ же обѣ части долго чувствовались отдѣльными словами, и мѣстоименіе произносилось съ удареніемъ: dòbrajègo. Отсюда—разница въ результатахъ стяженія въ ст.-слов. и польскомъ «О др.-п. яз.» 58 с. Такъ же произошли Ф.Ф. «mêgo, svêgo и т. д. (теперь mego, svego) изъ mojègo, svojègo и т. д. (въ противоположность малор. mohò, tvohò, svohò)» ibid.

Съ этимъ объясненіемъ интересно сопоставить гипотезу ак. Шахматова, предложенную имъ для объясненія существованія стяженныхъ и нестяженныкъ Ф.Ф. рядомъ въ чешскомъ.

Отчетъ о присужденіи премій проф. Котляревскаго въ 1898 г. 74 с.

ак. Шахматовъ предполагаетъ, что еще въ об.-сл. языкѣ въ зависимости отъ акцентуативныхъ отношеній различались j и j̨: j̨ — предъ неударяемыми гласными, а j предъ ударяемыми. Въ обще-зап.-сл. эпоху выпадало j̨, а не j, слѣд. нестяженныя Ф.Ф. возводятся къ Ф.Ф. съ удареніемъ окончанія, а стяженныя — къ Ф.Ф. съ удареніемъ на корнѣ или на второмъ слогѣ двухслож-

наго окончанія: ч. moja изъ mojà; ч. mého изъ mòjego, mému изъ mòjemu (ср. р. по-мóему, чак. mòjega, mòjemu) или изъ mojegó, mojemú (р. моегó, моемý). Съ этой точки зрѣнія непріемлемы Ф.Ф. проф. Бодуэна де К. — *dóbra-jégo, *dóbru-jému: онѣ дали бы нестяженныя Ф.Ф.; ч. dobrého, п. dobrégo должно съ этой точки зрѣнія возводить къ — Ф. *dóbra-jegó, причемъ — aje, гдѣ обѣ части неударяемы дастъ é, тогда какъ *čytáješь даетъ čytáš въ виду ударяемости перваго элемента.

Непонятными для меня являются лишь ч. státi, pás, bázeň, má, — которыя ак. Шахматовъ возводитъ къ *stòjati (р. стóять при стоя́ть), *bòjaznь (с. бо́јазан), *pòjas (р. пóясъ), *mòja: въ виду ударяемости перваго элемента ожидали бы изъ *òja — ō, а не ā, какъ — áje даетъ ā. Стяженіе это нельзя вѣдь относить къ столь ранней эпохѣ, для которой можно принять измѣненіе ō въ a.

Далѣе, является вопросъ, въ какой мѣрѣ естественно предполагать для зап.-сл. Ф.Ф. типа dobrégo праформу — dóbra-jegó или dóbra-jégo (проф. Бодуэнъ де К.).

ак. Соболевскій указываетъ на фамильныя имена Благовó, Дурновó и Ф.Ф. Крижанича: простогó, драгогó, прегустогó, ясногó, чистогó и думаетъ, что удареніе въ членныхъ Ф.Ф. многихъ прилагательныхъ и мѣстоименій нѣкогда находилось на конечномъ слогѣ Ж. М. Н. Пр. 311 т. (1897 г. № 5) 56.

Не дóлжно забывать, что не всѣ краткія формы g. s. m.-n. прилагательныхъ двусложныхъ имѣли одинаковое удареніе въ об.-словянскомъ; однѣ имѣли удареніе перваго слога, другія — второго: ср. с. бр́за, бла́га, вра́на, глу́ха, гу́ста, дра́га, мла́да, на́га, пу́ста, су́ха, пијѐма, бијѐла и др. Примѣры эти, вовсе не малочисленные, см. у Даничича Rad XIV 91—92 сс.; ср. и русскія: не-с-простá, до-нагá, до бѣлá, малъ-малá меньше.

Эти формы въ эпоху сложенія формъ полныхъ прилагательныхъ не могли дать предполагаемой проф. Бодуэномъ де К. формулы *blága-jégo или *blagá-jégo: ср. р. егó емý, с. њѐга, њѐму.

Да и въ типѣ *zdórva + jego удареніе во второй части первоначально было на второмъ слогѣ. Пришлось бы, слѣд., прини-

мать передвиженіе ударенія: *zdórva-jegó > zdórva-jégo; пришлось бы предполагать, что этотъ типъ *zdorva-jégo вытѣснилъ другой типъ: *blagá-jegó, что было бы произвольнымъ. Такимъ образомъ, гипотеза проф. Бодуэна де К. маловѣроятна. Мы должны исходить изъ первоначальныхъ типовъ: *zdorva-jegó и *blagá-jegó, *zdorvu-jemú и *blagú-jemú. Предполагать переносъ ударенія въ первой части второго типа, — при болѣе тѣсномъ сліяніи элементовъ,— т. е. измѣненіе *blagá-jegó въ *blágajegó мы не вправѣ: ср. р. сухóго, пустóго, но не сýхого, пýстого.

Въ старословянскомъ оба типа даютъ — аго, второй потому, что удареніе въ сочетаніи — áje падало на а; въ первомъ типѣ а является изъ сочетанія — aje, стоявшаго послѣ ударенія. Тѣхъ же результатовъ ожидали бы и въ зап.-словянскихъ языкахъ: какъ znáješ дало znáš, такъ pustá-jegó должно бы дать pustāgo; какъ dělaješ дало děláš, такъ *zdorvajegó (съ побочнымъ удареніемъ конечнаго слога) должно дать *zdrávāgo, *zdróvāgo.

Типъ глаголовъ, какъ dělati (брйзгати, дйелати, прйгати, слйшати, стýкати — въ сербскомъ) не настолько малочисленъ, чтобы можно было его показаніями пренебречь, сославшись на возможность вліянія глаголовъ типа čitáti— čitáješь ср. Даничичъ «Akcenti u glagola» Zagreb 1896 г., 78—79 сс. Впрочемъ могли вліять иныя формы тѣхъ же глаголовъ: dělati, dělaj, dělaachъ.

Русскія Ф.Ф. Благовó, Дурновó и чак. žutegá, žutemú могли бы привести къ предположенію, что, какъ въ Ф. *rúsajegò, такъ и въ Ф. pustájegò въ общесл. діалектически побочное удареніе (Nebenton) второй части одерживало верхъ надъ главнымъ первой части, и изъ pustajegó, rusajegó получились зап.-сл. Ф.Ф. съ ē. Однако такое измѣненіе акцентуативныхъ отношеній фонетическимъ путемъ кажется мнѣ маловѣроятнымъ; и приведенныя русскія Ф.Ф., и аналогичныя чакавскія скорѣе возникли позже подъ вліяніемъ мѣстоименныхъ: его́, сего́, того́, твоего́, моего́, своего́ (или въ р. — мово́, твово́, свово́); самое существованіе въ русскомъ рядомъ — сухóва, пустóва и т. п. говоритъ въ пользу такого пониманія фактовъ.

Такимъ образомъ, на чисто фонетической почвѣ противоположность зап.-слов. Ф.Ф. типа čitáš и dobrégo врядъ ли можетъ

быть объяснена; проф. Лескинъ полагаетъ, что сочетаніе -аје— въ формахъ того и другого типа давало ā, формы же зап.-сл. съ ē возникли подъ вліяніемъ мѣстоименныхъ Ф.Ф. (jego, jemu), но сохранили долготу изъ фонетическихъ Ф.Ф. на -āgo.

Взглядъ этотъ высказанъ былъ проф. Лескиномъ на одной изъ лекцій.

Такимъ же путемъ получилось сербское -ôга, -ôму.

ак. Фортунатовъ и сербскія Ф.Ф. на -ôга, -ôму объясняетъ фонетически: ujemu >-uemu > uomu, откуда въ ст.-сл. -ѹѹмѹ, въ ср.-болг. пам. -оомѹ (также въ древнѣйшихъ русскихъ), въ с. -ôму (изъ -оому). Изъ дат. п. о перешло въ род. п. въ с. -ôга и р. -ого. Наоборотъ, изъ род. п. въ зап.-сл. -ēgo (изъ ајego) é перешло въ дат. п. -ému. Лекціи по фонетикѣ ст.-сл. яз. Москва 1888 г., 108 с. Объясненіе Ф.Ф. род. п. вліяніемъ дат. п. и обратно кажется мнѣ искусственнымъ, а придавать значеніе формамъ ср. — болг. и др.-р. памятниковъ небезопасно; есть факты, указывающіе на то, что Ф.Ф. на -ому по аналогіи мѣстоименныхъ могли явиться въ болгарскомъ раньше, чѣмъ ср. — болг. -оомѹ, что слѣд. нельзя объяснять первыя изъ послѣднихъ: ср. въ Зографск. пръвомѹ, въ пражскихъ отр. слѣпомѹ, въ календарѣ Ассем. Ев. благовѣрномѹ. Ф.Ф. -оого, -оомѹ могли возникнуть подъ перомъ писца, какъ комбинація живого -ого или -омѹ и литературныхъ -аго, -ѹѹмѹ. ак. Фортунатовъ предполагаетъ, что въ Ф.Ф. gen. s.-dat. s. вслѣдствіе энклитическаго употребленія во второй части формъ являлось ударепіе перваго слога. Въ Ф.Ф. типа *rúsa — jego такое явленіе возможно, но въ Ф.Ф., какъ *pustá — jego — маловѣроятно; слѣд. Ф. pustégo все же непонятна.

Мысль проф. Лескина поддерживается діалектическими польскими dobrego, dobremu.

Во всякомъ случаѣ, вліяніе мѣстоименныхъ Ф.Ф. въ томъ или другомъ видѣ на образованіе зап.-слов. формъ типа dobrēgo, dobrēmu врядъ ли подлежитъ сомнѣнію. Такъ, зап.-сл. -ēgo, ēmu могли возникнуть, если не подъ вліяніемъ svēgo, tvēgo, mēgo, svēmu, mēmu изъ svojegò, tvojegò и т. д., то подъ вліяніемъ kēgo, čēgo изъ къ jegó, čьjegó и kēmu, čēmu изъ къjemú, čьjemú: ср. др.-ч. kého, čého у Гебауэра Hist. Ml. III 1, 464, 505 с. Сербскія добрôга, добрôму могли получить -ôга, ôмоу подъ вліяніемъ мôга, твôга, свôга изъ mòjego, tvòjego, svòjego (ср. чак. mòjega, mòjemu при mojegà, mojemù и р. по мóему при моегó, моемý).

Русскія мовó, своvó могли получиться и не изъ стяженія. На возможность вліянія Ф.Ф. kého, čého обратилъ мое вниманіе Г. А. Ильинскій.

Мысли г. Колара (Прага) объ образованіи словянскихъ Ф.Ф. прилагательныхъ опредѣленныхъ въ Сборникѣ статей въ честь Ф. Ѳ. Фортунатова 1902 г. обхожу молчаніемъ.

По поводу глагольныхъ Ф.Ф. типа znáš — zná должно отмѣтить гипотезу проф. Бодуэна де К., видящаго въ нихъ остатокъ спряженія безъ соединительнаго гласнаго Beitr. VIII, 207—208 сс. Однако съ этой точки зрѣнія долгота гласнаго а въ данныхъ Ф.Ф. для меня непонятна: въ Ф.Ф. 3 л. ед. и 2 л. мн. ч. znā, znāće и т. п. долгота ничѣмъ инымъ, кромѣ стяженія, объяснена быть не можетъ, такъ какъ старая долгота въ конечномъ открытомъ слогѣ и въ открытомъ слогѣ внутри словъ подъ удареніемъ сокращается; въ Ф.Ф. 2 s. — znāš долгота также не могла явиться инымъ путемъ, такъ какъ вторичное удлиненіе въ закрытомъ слогѣ являлось первоначально лишь предъ звонкими согласными.

Что касается Ф.Ф. vȃć, śȃć, d͡zȃć и т. п., то онѣ, вопреки русскимъ вѣять, сѣять, дѣять, должны быть возводимы къ Ф.Ф. съ удареніемъ суффиксальнаго а, хотя бы это ударѐніѐ явилось въ нихъ вторично подъ вліяніемъ иныхъ аналогичныхъ образованій: ср. р. боя́ться, смѣя́ться (п. bȃć śe, smȃć śe) и словинскія: sejáti, dejáti при vę̀jati.

ср. проф. Брандтъ въ Сборникѣ въ честь ак. Фортунатова 1902 с., 202 с.

9. Первоначально краткіе гласные въ открытомъ слогѣ.

Первоначально краткіе гласные, какъ въ сербскомъ, такъ и въ чешскомъ остаются въ открытомъ слогѣ вообще краткими.

ср. «Untersuchungen» Лескина 1893 г. 7, 13 сс. и Listy fil. XXIV, 343 и сл.

То же положеніе можно установить и для польскаго: ср. o, e въ открытомъ слогѣ въ литературномъ языкѣ, вообще сохранившемъ ó, é, какъ рефлексы ō, ē, или примѣры изъ сважендзскаго говора. Въ Сважендзѣ находимъ:

а) имена ж. р. kosa, koza, koża, noga, ǫosa, rosa, smoła, voda, roloǫ, doloǫ, voloǫ, vẹ̀zoǫ, ḿedza, ḿotła, śostra (изъ ḿetła, śestra); gen. s. moli, boli, soli, kośći, nocy, mocy, pẹ́cy.

b) ср. р.: koło, może (=morze), oko, pole, proso, słovo, ńebo, ƀodro, čoło, vósło (съ ′o изъ ′e).

c) м. р. (g. s.): boga, boju, boka, boru, dołu, głogu, gośća, gnoja, groba, ježa, gvoźdźa, koša, mozgu, ńodu, mosta, ńeča, noža, nosa, posta, pota, roga, roda, roku, stoła, stroja, stoga, snopa, soka, voła, voza, voska, vepša.

Однако, отъ установленнаго правила существуютъ отступленія. Уже въ др.-п. — panooszaa, mooczy, sóstra, zóni n. pl. wuola, booga, mooczy, zeetuye Семеновичъ 19, 24, 31, 35 сс. Лось Prace fil. II, 127 с.

Но нельзя придавать значеніе фонетическое всѣмъ этимъ фактамъ; такъ — booga, можетъ быть, — фактъ графическій (ср. n. s. boog).

Въ діалектахъ и литературномъ языкѣ отступленія ограничены словами: góra, gróza, córa, próba, ṕóro, rózga, róža, skóra, vóla, źéńa.

ср. góra или gura въ Сважендзѣ, Miejskéj Górk'ѣ, Закопянахъ, Зебржидовицахъ, опочиньскомъ: Rozpr. IX 121, X 172, IX 164, XI 157. Въ Стонавкѣ gora = mons XII 21; gora и въ оппельн. Ueber d. opp. M. 16 с. и въ писаржов. Spraw. IV 3 с.: próba (pruba) въ Сважендзѣ, зебржид., опочиньскомъ, Miejsk'ой Górk'ѣ ср. Rozpr. IX 164, 121, XI 157, также въ литературной рѣчи; róža (ružǫ) въ Сважендзѣ, Мѣйск. Г. Rozpr. IX 121 с., литературной рѣчи; въ Стонавкѣ, гдѣ ó и u различаются, — ruža Rozpr. XII 21 с.; ṕóro (ṕuro) въ Сважендзѣ и въ литературной рѣчи; rózga въ литературномъ языкѣ, въ Стонавкѣ — ruzga; córa (cura) въ Сважендзѣ, Мѣйск. Г. Rozpr. IX 121 с.; źéńa — въ Сважендзѣ; skóra въ зебржид., Мѣйск. Г. IX 164, 121 сс.; vóla — въ Стонавкѣ Rozpr. XII 21 с, Сроповцахъ Mat. i pr. I 1, 55 с.; hruza — въ Стонавкѣ Rozpr. XII 21 с. (sic: h); прашницкое zóna (= žona) Spraw. V 79 с. не имѣетъ значенія: въ этомъ говорѣ всякое o предъ n измѣняется въ u, то-же въ сваж. łuno изъ łuno.

Въ кашубскомъ у Ramułt'a находимъ: gòra, pjòro, ròzga, ròža, skòra, но: cora, groza, proba; у Bronisch'a: gõra, skõra, rõža, pšõro.

То же явленіе, какъ извѣстно,—и въ чешскомъ: hrůza, vůňe, smůla, kůže, kůzle, vůle, sůva при sova діалектически, chvůje, lůno, růže, průba (но діалектически — prouba, что, по мнѣнію Гебауэра, указываетъ на неправильность литературнаго правописанія съ ů) Hist. Ml. I 243 с.

Въ др.-ч. и иные примѣры: въ Пассіоналѣ XIV в. чешск. музея—wuodu 280 a, Гебауэръ указываетъ даже buoha, buohu, buozie Hist. Ml. I 243 c.; послѣдніе примѣры врядъ ли отражаютъ живое произношеніе; скорѣе, это — фактъ графическій (ср. nom. s. buoh), ср. еще др.-ч. dvéře, yméno, совр. vzhůru, моравскія céra, рýго Bartoš II 1, 2, 67 сс. Въ словацкомъ лишь— prôba, vôňa, vôla, (ruža), но: koža, lono, smola, sova.

Примѣры, стоящіе внѣ первичныхъ именныхъ образованій, имѣютъ меньше значенія при анализѣ условій даннаго явленія; къ такимъ относятся въ польскомъ: który, šósty (въ оппельн.— ktory 16 c.), въ чешскомъ ср. mohu — můžeš — může, zovu — zůveš — zůve, ženu—žéneš, peru—péřeš Hist. Ml. III 1, 377—379 сс.; rustu — rusteš — ruste Bartoš II 44 c., infinitiva — vésti, nésti, péci, růsti и т. п. при nesti, vesti, peci.

Указанныя отступленія представляютъ явленіе загадочное, доселѣ неразъясненное.

Врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію, что происхожденіе его — не всегда фонетическое, но по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ аналогическое, хотя и трудно подыскать удачную аналогію для всѣхъ примѣровъ.

Fischer въ Arch. III 525 c. сопоставлялъ чешское отношеніе между hora и vzhůru съ русскимъ: горá — гóру, признавая это перенесеніе ударенія на корень въ вин. п. литовско-словянскимъ, послѣ чего долгота въ Ф. vzhůru становилась для него ясной.

На дѣлѣ, сопоставленіе съ русскимъ нисколько дѣла не уясняетъ, хотя невольно напрашивается каждому: ср. mohu — můžeš и р. могý — мóжешь. Признавъ ударение въ Ф. *górǫ об.-словянскимъ и предположивъ, что *старое ударение удлиняло краткій гласный*, мы, пожалуй, объяснимъ долготу въ ч. kůže, vůle, lůno, růže, průba и п. próba, rózga, róża, vóla, но не поймемъ, почему нѣтъ удлиненія въ остальныхъ словахъ, исконн имѣвшихъ ударение на коренномъ краткомъ слогѣ, какъ показываетъ русскій и сербскій: въ чешскихъ—kolo, moře, oko,

pole, proso, nebe, g. s. boha, boje, boku, boru, dołu, hlohu, brodu, drobu, hodu, hromu, chodu, kovu, krovu, kroje, lovu, mostu, mozhu, nosu, potu, rohu, rodu, roje, roku, rovu, skoku, stohu, stroje, znoje, kosu, zvonu, vosku, hnoje, loje, vozи и въ соотвѣтствующихъ п. koło, morze, niebo, oko, pole, proso, słowo, gen. s. boga, boju, boka, boru и т. д.

Словинскія kǫ́ža, vǫ́la указываютъ на первоначально восходящую краткость подъ удареніемъ; является предположеніе, что удлинялась лишь *восходяще ударенная краткость* ср. Изв. VII 312 с. Однако не находимъ удлиненія въ ч. (kon) — kona g. s., (kmet) — kmeta, (hon) — honu; с. ко̏н — ко̏на (р. конъ — ко́на), с. кме̏т — кме̏та, словин. kmèt — kmę́ta, с. го̏н — го̏на, (по слов. gòn — góna съ открытымъ гласнымъ) — датируютъ восходящій характеръ краткости подъ удареніемъ въ данныхъ словахъ ср. ниже 10 гл.

Притомъ не поймемъ при такомъ предположеніи ч. vz—hůru: acc. s. *górǫ былъ ударяемъ нисходяще ср. словин. gorǫ̂ изъ górǫ и р. на́-гору; наконецъ, останутся при этомъ необъясненными ч. hrúza, smůla, sůva и п. góra, gróza, ṕóro, źéḿa: ср. р. смола́, сова́, гроза́, гора́, перо́, земля́ и с. го̀ра, гро̀за, смо̀ла, пѐро, со̀ва, зѐмља.

Допуская для объясненія этихъ послѣднихъ примѣровъ, что удлинялись ŏ, ĕ въ открытомъ слогѣ подъ перенесеннымъ удареніемъ, не поймемъ чешскихъ okno, voda, hora, koza, kosa, noha, osa, rosa, stopa, zoře, g. s. dvoru, nože, stolu, vola, konè, n. s. mezě, metla, sestra, země, žena, bedro, čelo, pero, veslo, также польскихъ okno, voda, koza, kosa, noga, osa, rosa и т. д.: ср. р. окно́, вода́ и т. д., с. о̀кно, во̀да и т. д.

Самая спорадичность примѣровъ удлиненія, ихъ характеръ отступленій отъ правила и діалектическія колебанія приводятъ къ мысли о нефонетическомъ ихъ происхожденіи, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ smůla, sůva, п. góra, hrůza, п. źéḿa, указать аналогію сравнительно нетрудно. Дѣло въ томъ, что нѣкоторыя изъ именъ съ

удареніемъ окончанія въ nom. s. — въ acc. s. имѣли ударе́ніе корня, также въ nom. pl.: ср. р. гора́ — го́ру — го́ры; земля́ — зе́млю — зе́мли; вода́ — во́ду — во́ды, нога́ — но́гу — но́ги и с. го̀ра — го̏ру — го̏ре, ко̀са — ко̏су — ко̏се, ло̀за — ло̏зу — ло̏зе, мѐђа—мѐђу — мѐђе, зѐмља—зе̏мљу—зе̏мље, ро̀са—ро̏су—ро̏се, смо̀ла — смо̏лу — смо̏ле, со̀ха — со̏ху — со̏хе, во̀да — во̏ду — во̏де; въ р. однако: косу́, лозу́, росу́, смолу́, соху́; впрочемъ Востоковъ датируетъ: ро́су, смо́лу, со́ху Русск. гр. 1835 г. 395 с.

Изъ разногласій между русскимъ и сербскимъ видно, что первоначальное строгое различіе между двумя типами: *stopá — *stopǫ́ — *stopý и *vodá — *vódǫ — vódy уже нарушено, явились діалектическія колебанія. Но общій параллелизмъ между именами съ долгимъ и краткимъ коренным гласнымъ сохраненъ: отношенія stopá — stopǫ́ — stopý (с. сто̀пе n. pl.) параллельны отношеніямъ chvalá — chvalǫ́ — chvalý; отношенія vodá — vódǫ — vódy параллельны отношеніямъ stěná — stě́nǫ — stě́ny, *bordá — *bórdǫ — *bórdy и т. п. Эти параллельныя отношенія ассоціировались въ сознаніи говорящаго.

Позже, когда нисходящая долгота въ польскомъ и чешскомъ сократилась, пропорціональныя отношенія нарушились: stěná — stěnǫ: gŏrá — gŏrǫ. Тогда отношеніе stěná — stěnǫ могло вызвать при gŏrǫ — gōrá т. е. stěnǫ: stěná = gŏrǫ: x, откуда x = gōrá. Возможно, что такая аналогія явилась и въ иныхъ словахъ, какъ voda: ср. др.-ч. wuoda, но мы не можемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ увѣренностью рѣшить этотъ вопросъ. Когда въ им. п. проникъ типъ удареніе вин. п.: вм. stěna явилось stěna и т. п., должно было исчезнуть удлиненіе и въ gōra, smōla, vōda, zēma. Оно и исчезло, повидимому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ: въ ч. и п. voda, въ ч. hora, země. Опредѣлить условія, способствовавшія сохраненію пережитковъ, какъ п. góra, ч. smula, п. діалектич. źéma, трудно. Можетъ быть напр. п. gōra поддерживало стоявшее рядомъ gōrka. Чеш. vzhūru

быть можетъ стояло подъ вліяніемъ аналогичныхъ проклитическихъ сочетаній, въ которыхъ имя существ. имѣло долгій коренной гласный.

Для именъ hrůza, sůva (р. грозу́—гро́зы, но с. гро̀зу, гро̀зе; р. сову́ — со́вы, но с. со̏ва — со̏ву — со̏ве) можно бы предположить діалектическую ф. acc s. grózǫ или же, если русскія показанія приемлемы, — stě̆ny: stě̄ná = grǒ́zy, sǒ́vy: x, откуда x = grōzá, sōvá.

Труднѣе дать удовлетворительное объясненіе остальнымъ отступленіямъ; п. ṕóro изъ ṕōro, — быть можетъ, стоитъ подъ вліяніемъ отношеній kryló — krýla (ср. чак. krīlò — kríla), которыя на польской почвѣ являлись въ видѣ krȳłó — kryła; отсюда быть можетъ — ṕēró при ṕĕra. Польское córa, можетъ быть, возникло подъ вліяніемъ болѣе употребительнаго córka (также моравское céra), п. skóra — подъ вліяніемъ skórka. По поводу ч. chvůje должно отмѣтить, что сербскій датируетъ удареніе окончанія: хво́ја изъ хвоја́ съ вторичной долготой о; слѣд. ср. góra, smůla и т. д.; ч. průba, růže и п. próba, róža слѣдуетъ выдѣлить, какъ слова заимствованныя: ср. ч. lůn = нѣм. Lohn; ср. и ruža въ Стонавкѣ, гдѣ ó и u различаются, и въ словацкомъ; замѣчательно и ruzga въ Стонавкѣ. Въ словинскомъ находимъ rǫ́zga, rǫ́ža; предполагать первоначально нисходящую краткость подъ удареніемъ здѣсь — нельзя: въ формахъ съ нисходящимъ удареніемъ корня удареніе въ nom. s. f. переносилось на окончаніе, слѣд. изъ *r̆ŏ̆ža, r̆ŏ̆zga получилось бы rožà, rozgà и затѣмъ въ словинскомъ róža, rózga ср. góra изъ gorà.

Менѣе имѣютъ значенія такіе примѣры, какъ п. który, šósty, śódmy; о нихъ см. ниже, въ XII гл.

Чешскія ф.ф. nésti, vésti, růsti и т. п. будутъ объяснены въ слѣдующей главѣ.

Неяснымъ остается происхожденіе п. vóla, ч. vůle, vůňe, kůže, kůzle, lůno, dvéře, jméno (ср. въ словацкомъ koža, lono), неясны и ч. můžeš, zůveš, žéneš. Возможно, что восходящая краткость дѣйствительно удлинялась подъ удареніемъ: ср. слов. kǫ́ža,

vǫ́la, rǫ́zga, vǫ́nja, dvę́ri. Въ такомъ случаѣ первоначальныя *hōna, *kōna, *kmēta исчезли подъ вліяніемъ отношеній *bŏg — *bŏga, nōž — nŏža. Но сюда не относятся kûzle, гдѣ удареніе вѣроятно было на окончаніи, jméno (и́мя — и́мени), zûves, žénes, péreš (р. зове́шь, слов. zóvem, -eš, žénem, pérem). Чеш. můžeš врядъ ли можно сопоставлять съ слов. mǫ́rem (mǫ́rati), tǫ́nem и т. п.: отношенія могу́: мо́жешь параллельны отношеніямъ nogá — nógǫ, что̀ въ слов. nóga — nogǫ̂.

10. Краткіе гласные въ конечномъ закрытомъ слогѣ.

проф. Лескинъ нашелъ, что первоначально краткіе гласные въ конечномъ закрытомъ слогѣ получаютъ въ сербскомъ вторичное удлиненіе, если на нихъ искони падало удареніе; этого удлиненія нѣтъ подъ удареніемъ перенесеннымъ: bȏr — bȍra (р. бо́ра), но bȍb — bòba (р. боба́) Untersuchungen 1893; 8 с.

Вѣрнѣе формулировалъ законъ сербскаго удлиненія Вальявецъ: вторичному удлиненію подлежитъ старая нисходящая краткость подъ удареніемъ Rad 132 т. 174 с. Съ точки зрѣнія Лескина непонятны приводимыя имъ ско̏т — ско̏та, шкро̏б — шкро̏ба, тво̏р — тво̏ра, то̏њ — то̏ња, со̏к — со̏ка, шкро̏к — шкро̏ка, по̏д — по̏да, ко̏н — ко̏ња, гво̏зд — гво̏зда, сво̏к — сво̏ка, гре̏б — гре̏ба, хре̏б — хре̏ба, кме̏т — кме̏та, тре̏н — тре̏на.

Удареніе ˝ доказываетъ исконную ударяемость коренного слога, но удлиненія нѣтъ. Эта особая категорія примѣровъ удобно объясняется гипотезой Вальявца: въ нихъ подъ удареніемъ была восходящая краткость. Въ сербскомъ ˝ совпали удареніе нисходяще-краткое и восходяще краткое (восходящей была, вѣроятно краткость и въ случаяхъ, какъ bobȗ́ — bobá).

Особая — третья группа именъ засвидѣтельствована и чакавскимъ: при 1) bóg — bȍga и т. п. и 2) pòp — popà, bȍb — bobà и т. п. — 3) skȍt — skȍta, kmȅt — kmȅta, bȍk — bȍka, drȍb — drȍba, grȍm — grȍma, pȍt — pȍta, grȍt — grȍta, krȍp — krȍpa, vȍnj — vȍnja (при bȍk — bȍka, drȍb — drȍba, grȍm — grȍma, pȍt — pȍta —

и bók — bòka, drób — dròba, pót — pòta, gróm — gròma ср. с. бо̑к — бо̏ка, дро̑б — дро̏ба, гро̑м — гро̏ма у Мажуранича, гро̑м — гро̀ма у Вука, по̑т — по̏та).

Словинскій, какъ извѣстно, сохранилъ различіе между нисходяще-краткимъ и восходяще-краткимъ: poljȇ, morjȇ, okȏ, bogȃ, nosȃ gen. s. при vǫ́lja, kǫ́ža и т. п., но въ немъ мы не можемъ различить по качеству ударенія второго и третьяго типа: именъ съ удареніемъ первоначально на окончаніи и именъ съ восходящимъ удареніемъ на корнѣ; оба типа имѣютъ одинъ видъ: škrǫ̀b — škrǫ́ba и bòb — bóba. Тѣмъ не менѣе различіе это въ словинскомъ сохранилось: — въ качествѣ гласнаго; исконно ударяемый гласный является всегда закрытымъ, — ср. kóza, kósa, kóra, lóza, nóga и т. д. (р. коза́, коса́, кора́ и т. д.), g. s. nóža, póra, snóra, stóla, vóla и т. д. съ примѣрами, какъ: kǫ́ža, vǫ́la, šǫ́ja и т. д., gen. s. škrǫ́ba, skǫ́ka, skǫ́ta (при skóta), tǫ́ra, tǫ́ka, vǫ́ja и т. д. Rad CXXXII 123, 134, 167, 177 сс. Въ болгарскомъ — нисходяще-ударенная краткость отличается отъ восходяще-ударенной перенесеніемъ ударенія на слѣдующій слогъ: мостѫ̀т, носѫ̀т, бродѫ̀т, дробѫ̀т, плодѫ̀т, потта̀, рогѫ̀т, родѫ̀т, богòве, долѫ̀т, гноїта̀, лоїта̀: ср. с. мо̑ст — мо̏ста, слов. mǫ̑st — mostȃ, с. но̑с — но̏са, слов. nǫ̑s — nosȃ и т. д. Но типъ кмѐт — кмѐта и бо̀б — бòба являются въ одномъ видѣ: кмѐтъ, скòтъ и бòбъ, нòжъ.

Уже сопоставленіе болгарскихъ показаній съ чакавскими и сербскими убѣждаетъ въ справедливости мысли Вальявца: чак. и с. устанавливаютъ, что ударенiе въ Ф. kmeta было на корнѣ, иначе было бы въ чак. не kmèta, но kmetá, какъ bobà, — въ с. не кмѐта, но кмѐта, какъ bòba; болгарскій и словинскій (kmę́ta) показываютъ, что это ударенiе корня не было нисходящимъ, иначе въ б. было бы кметѫ̀т, въ словинскомъ kmȇt — kmȇta; слѣд. праформа имѣла восходяще-краткій гласный въ корнѣ подъ удареніемъ. Закрытость гласнаго въ словинскомъ даетъ возможность легко отличить такіе случаи отъ случаевъ съ первоначальнымъ удареніемъ окончанія.

Въ русскомъ указанія на типъ словъ съ восходящимъ удареніемъ на краткомъ коренномъ слогѣ — скудныя: конъ — ко́на ср. у Даля отъ ко́на, до-ко́ну II 156 с. (ср. до́-поту), но скотъ — скота́.

Въ примѣрахъ съ ь въ корнѣ: р. льва́, льна́, мста́ противорѣчатъ с. ла̏в—ла̏ва, ла̏н—ла̏на, ма̏ст—ма̏ста; быть можетъ эти примѣры объясняются въ русскомъ вліяніемъ иныхъ ф.ф. съ ъ, ь въ корнѣ: сънъ: съна́, пьсъ: пьса́, дьнь: дьня́, пьнь — пьня́ ср. лёдъ — льда́, гдѣ въ корнѣ первоначально было ё подъ удареніемъ (с. лѐд — лѐда).

Какъ извѣстно, и чешскій языкъ знаетъ въ рядѣ примѣровъ вторичное удлиненіе краткаго гласнаго въ конечномъ закрытомъ слогѣ: bůh, půst, dvůr и т. п.

Но законъ этого удлиненія до сихъ поръ не найденъ.

Объ удлиненіи предъ звонкой согласной, какъ думалъ когда-то Миклошичъ, не можетъ быть и рѣчи. Новѣйшій изслѣдователь вопросовъ чешскаго ударенія, Černý указываетъ на законъ, установленный Лескиномъ для сербскаго: удлинялся краткій гласный, искони ударяемый, и съ точки зрѣнія этого принципа располагаетъ свой матеріалъ; получается 15 примѣровъ, соотвѣтствующихъ правилу: bůh, důl, hnůj, lůj, vůz при: skot, drozd, koš, pop, snop, odr, oheň, rob, škrob, bob; противорѣчатъ же ему всѣ остальные примѣры Чернаго, числомъ 35....

Мы, кажется, ближе подойдемъ къ истинѣ и получимъ болѣе гладкіе результаты, предположивъ, наоборотъ, что *краткій гласный въ конечномъ закрытомъ слогѣ въ чешскомъ получалъ удлиненіе только подъ перенесеннымъ удареніемъ*, но не подъ старымъ.

Дѣйствительно, отсутствіе удлиненія замѣчаемъ, какъ разъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ виду показаній сербскаго и русскаго можно предполагать первоначальное удареніе корня: ч. boj, bok, bor, brod, drob, hod, chod, kov, krov, kroj, lov, mozh, most, nos, pot, plot, roh, rod, roj, rok, rov, skok, stoh, stroj, znoj, vosk, kost, moc, noc, bol, med, pec. Во всѣхъ этихъ случаяхъ въ русскомъ находимъ удареніе корня: бо́я, бо́ка, бо́ра, бро́да, дро́бу

(малор.), го́да, хо́да, ко́ва и т. д.; въ сербскомъ: бо̑j—бо̏ja, бо̑к—бо̏ка, бо̑р—бо̏ра; бро̑д—бро̏да и т. д. Сюда же могутъ быть отнесены также: ч. hrom: р. гро́ма g. s., у Мажуранича гро̑м—гро̏ма, чак. gròm—gròma, но у Вука—гро̑м—гро̀ма; ч. plod: р. плода́ g. s. но м.-р. плід—пло́ду, с. пло̑д—пло̏да, чак. plód—plòda, болг. плодъ̀т, слов. plǫ̑d—plodū; ч. kos: чак. kós—kòsa, но въ малор. кіс—коса̀; ч. zvon: р. зво́на, чак. zvón—zvòna, слов. zvǫ̑n; ч. led: с. ле̑д—ле̏да, слов. lę̑d, чак. léd—lèda, б. ледъ̀т, русская ф. льду́—вторична; ч. jež: р. ежа́, но с. jȇž—jȇža, чак. jéž—jèža; ч. veprˇ: р. ве́пря, с. ве̏пар—ве̏пра.

Далѣе, въ виду с. ско̏т—ско̏та, слов. skǫ́ta и чак. skòt—skòta мы имѣмъ право предположить праформу съ восходяще-ударяемымъ ŏ и для чешскаго skot; также ч. škrob соотвѣтствуетъ с. шкро̏б—шкро̏ба, слов. škrǫ́ba, ч. kmet—с. кме̏т—кме̏та, чак. kmèt—kmèta, слов. kmę́ta.

Чешское drozd, повидимому, не соотвѣтствуетъ р. дрозда́ и с. (у Мажуранича) дро̏зд—дро̀зда. Однако въ словинскомъ находимъ drǫ̑zd, что указываетъ на возможность существованія праформы съ удареніемъ корня.

Съ другой стороны, въ чешскомъ находимъ въ слѣдующихъ примѣрахъ удлиненіе подъ перенесеннымъ удареніемъ:

ч. půst: ср. р. постъ—поста́; въ сербскомъ по̏ст—по̀ста, соотвѣтственно русскому,—у Мажуранича, но у Вука pȍst—pȍsta, чак. póst—pòsta, б. по̀стът, слов. pòst—pósta. Показанія чакавскаго одинаково опровергаются болгарскимъ, русскимъ, словинскимъ. Совпаденіе русскаго и словинскаго съ діалектомъ Мажуранича позволяетъ предположить и для чешскаго праформу съ удареніемъ окончанія.

ч. dvůr: р. двора́, чак. dvòr—dvorà, слов. dvóra, Мажураничъ дво̑р—дво̀ра, Вукъ дво̑р—дво́ра.

ч. nůž: р. ножа́, чак. nóž—nōžà, с. но̑ж—но́жа (sic), слов. nóža.

ч. stůl: р. стола́, чак. stól—stolà, с. сто̑—сто̀ла, слов. stóla.

ч. vůl: р. вола̀, чак. vól—volà, с. во̑—во̀ла, слов. vóla.

ч. kůň: р. коня́, чак. kónj—konjà, с. ко̏њ—ко̀ња, слов. kóńa.

Итакъ, высказанному выше предположенію соотвѣтствуетъ въ чешскомъ 49 примѣровъ.

Число отступленій отъ него значительно меньше. Во-первыхъ въ нѣсколькихъ примѣрахъ не находимъ удлиненія, хотя родственные языки указываютъ, повидимому, на удареніе окончанія въ праформѣ.

Изъ этихъ примѣровъ одинъ не имѣетъ значенія:

ч. rob не гармонируетъ с. ро̏б — ро̀ба и р. раба́, но въ чак. — ròb — ròba въ слов. rǫ́ba при róba, слѣд. возможно, что и чешское rob восходитъ къ праформѣ съ удареніемъ окончанія.

Остаются: 1) ч. koš — ср. с. ко̏ш — ко̀ша, чак. košà, слов. kóša; 2) ч. pop: р. попа́, чак. pòp — popá, с. по̏п — по̀па, слов. pópa; 3) ч. snop: р. снопа́, чак. snòp — snopà, с. сно̏п — сно̀па, слов. snópa; 4) ч. odr: р. одра́, с. о̀дар — о̀дра; 5) ч. oheň: р. огня́, с. о̀гањ — о̀гња, чак. ogànj — ognjà; 6) ч. bob: р. боба́, чак. bòb — bobà, с. бо̏б — бо̀ба, слов. bóba.

Къ краткому гласному ĕ относятся еще два примѣра: čep и klen: с. че̏п — чѐпа, чак. čèp — čepà и с. кле̏н — клѐна, чак. klèn — klenà. Но в.-русское клё́на и малор. кле́на показываютъ, что чешское klen могло восходить и къ праформѣ съ удареніемъ корня.

Въ словѣ čep, если и было удлиненіе, то оно легко могло исчезнуть, такъ-какъ одинъ примѣръ не могъ образовать особую категорію, особый типъ отношенія формъ: съ ē въ nom. s. и ĕ въ gen. s. Оттого слово легко могло подчиниться вліянію стоявшихъ рядомъ klĕn — klĕna, vĕpř — vĕpřa, kmĕt — kmĕta, mĕd — mĕda, lĕd — lĕda, jĕž — jĕža.

Съ другой стороны, имѣемъ нѣсколько случаевъ съ удлиненіемъ, гдѣ родственные языки предполагаютъ удареніе корня: 1) ч. bůh: р. бо́га, с. бо̑г — бо̏га; 2) ч. důl: р. до́ла, с. до̑ — до̏ла; 3) ч. hnůj: р. гно́я, с. гно̑j — гно̏ja; 4) lůj: р. ло́я, с. ло̑j — ло̏ja; 5) vůz: р. во́за, с. во̑з — во̏за; 6) sůl: р. со́ли, с. со̑ — со̏ли. Оставивъ въ сторонѣ оговоренное čep, получаемъ 12 примѣровъ, отступающихъ отъ правила при 50 въ пользу его т. е. 24%.

Всѣ примѣры, соотвѣтствующіе правилу въ чешскомъ, соотвѣтствуютъ ему и въ словацкомъ: т. е. boj, bok, bor, brod, drob, hod, hrom, chod, kov, krov, kroj, lov, most, mozok, nos, plod, pot, roh, rod, roj, rok, rov, skok, stoh, stroj, znoj, kos, zvon, vosk, vepr, kosť, moc, noc, pec, jež, drozd, kmeť, vepor, rob, škrob, klen, med и съ другой стороны: pôst, nôž, stôl, vôl, kôň; только вм. ожидаемаго dvôr находимъ у Loos'a dvor.

Изъ первой категоріи исключеній сохраняютъ свое значеніе лишь snop и pop; вмѣсто ч. koš и bob въ словацкомъ — kôš и bôb; слово odr отсутствуетъ, въ словѣ oheň — вставной глухой.

Изъ второй категоріи исключеній т. е. изъ примѣровъ удлиненія, гдѣ его не ожидаемъ, — находимъ въ словацкомъ лишь bôl, въ противоположность чешскому bol, но за то вм. ч. bůh, důl, hnůj, lůj, vůz, sůl — закономѣрныя формы: boh, dol, hnoj, loj, voz, sol.

Такимъ образомъ, выставленный законъ вторичнаго удлиненія краткихъ гласныхъ въ конечномъ закрытомъ слогѣ лишь подъ перенесеннымъ удареніемъ оправдывается въ словацкомъ 55 примѣрами при 4 исключеніяхъ. Относительно ч. sůl и слов. bůl должно помнить, что имена эти -i темъ, гдѣ въ извѣстныхъ падежахъ было удареніе окончанія, которое могло проникнуть и въ Ф. nom. s.; ч. důl—пзъ u—темъ, также знавшихъ, какъ правило удареніе окончанія. Быть можетъ и иные примѣры долготы объясняются вліяніемъ -u темъ.

Малорусскій, какъ извѣстно, удлиняетъ краткій первоначально гласный, независимо отъ мѣста ударенія въ праславянскомъ: ніс — нóсу и піп — попá.

Иное — въ польскомъ. Здѣсь законъ удлиненія вполнѣ ясенъ: и первоначально краткіе гласные, и сократившіеся долгіе въ конечномъ закрытомъ слогѣ получаютъ вторичное удлиненіе *лишь въ положеніи предъ первоначально-звонкимъ или сонорнымъ согласнымъ.*

Въ Сважендзѣ: grot — gradu, kroj — kraju, d͡ź͡ot — d͡ź͡adu, gńif — gńeva, chlip — chleba, mić — m̀ed͡ź͡i, pruk — progu, mrus—

mrozu, pun — pana, sot — sadu, vor — varu, tvoš — tvaży, pof — pava, śńik — śńegu, ślot — śladu, źviš — źveża, bžyk — bžegu, głut — głodu, smrut — smrodu, žłup — žłobu, stuų — stoła, vuų — voła, nuš — noža, mul — moli, struj — stroja, głuk — głogu, guść — goźdźa, bul — boli, sul — soli, stuk — stoga, buk — boga, gnuj — gnoja, duų — dołu, musk — mozga, ruk — roga, rut — rodu, vus — vozu, buj — boja, bur — boru, grup — groba, drup — droba, jiš — ježa, lut — lodu, ḿut — ḿodu, d͡źiń — dńa, dyšč — dyšču, syn — snu, ṕiń — ṕńa.

Съ другой стороны: brat, čas, płač, rak, svat, vatr, bžost, groch, chłop, kvas, strach, znak, bat, kat, kvat, svat, vek, głos, kłos, vłos, młot, mrok, proch, post, snop, koš, gość, kość, noc, moc, sok, bok, most, nos, pot, rok, vosk, pec, vepš, ḿeč, veś, dech, pes, mech.

Примѣры, приведенные Лоренцомъ съ носовыми въ корнѣ Arch. XIX 162 с., вполнѣ соотвѣтствуютъ правилу: błąd — błędu, wiąz — więzu, powąz — powęza, trąd — trędu, wzgląd — względu, dąb — dębu, kłąb — kłęba, krąg — kręgu, mąż — męża, rżąd — rzędu, ząb — zębu, ciąg — cięgu, kśądz — kśędza, poprąg — popręga, rąb — rębu, siąg — sięgu, wąz — węza, sąd — sędu (сосудъ), łąg — łęgu, głąb — głębi, piądź — piędźi, żołądź — żołędzi, gołąb — gołębia, jarząb — jarzęba, jastrząb — jastrzębia, łabąd͡ź — łabęd͡źia 166 c.; но: jęk — jęku, kęs — kęsu, węch — węchu, pęp — pępu, stęk — stęku, pręt — pręta, zięć — zięcia, łęk — łęku, część — części, gęś — gęsi, obręcz — obręcza, okręt — okrętu, pamięć — pamięći. При такой массѣ примѣровъ въ пользу правила, отступленіями являются: strąk — stręka, omięg — omięga, gęg — gęgu. Всѣ три выраженія малоупотребительны; gęg стоитъ подъ вліяніемъ болѣе употребительныхъ: gęgać, gęgotać, gęgoś, gęganie; strąk подъ вліяніемъ болѣе употребительныхъ strącze, strączka, strączeć.

Въ wąs, pląs, pąk, bąk и т. п., въ которыхъ и въ gen. s. — ą, — не удлиненіе, но старая долгота.

Въ Свакендзѣ находимъ kref — krvi, marchev — marchvi, но

эти имена относятся къ темѣ -i и были ассоціированы съ иными именами этой темы, какъ ṕec, cześć, pŀeć съ краткостью въ коренномъ гласномъ.

То же правило и въ другихъ польскихъ говорахъ ср. выше стр. 107. То-же въ кашубскомъ ср. у Броніша 51 с.

Далѣе аналогичное удлиненіе предъ звонкими согласными извѣстно и моравскимъ говорамъ: именно нарѣчію ляшскому Bartoš I, 100—101 сс., переходнымъ чешско-польскимъ говорамъ Силезіи ср. горноостравскій говоръ Rozpravy чешской академіи VII, № 1 (1899 г.) 8 с.

Иное дѣло, какъ понимать установленный фактъ.

проф. Бодуэнъ де К. полагалъ, что удлиненіе первоначально было и предъ глухими согласными, но позже получило ограниченіе въ силу того, что въ схемѣ pōt—pŏta тожество согласнаго вызвало уподобленіе формы nom. s. остальнымъ Ф.Ф., тогда какъ въ схемѣ bōk — bŏga (bōk изъ bōg) не было такого мотива для уподобленія. Удлиненіе же въ примѣрахъ, какъ bōj, kōń, vōł, mōl, bōr удержалось потому, что оно было ассоціировано съ звонкостью согласнаго. «О др.-п. яз.» 78 с. Все это очень маловѣроятно: имена съ отношеніями типа *pōt—pŏta были настолько многочисленны, что легко ассоціировались бы въ особый классъ, который не исчезъ бы. Удлиненіе не могло быть ассоціировано съ звонкостью согласнаго, такъ какъ въ bōg — g измѣнялось въ k, оно было ассоціировано съ различіемъ согласнаго въ Ф. gen. s. и nom. s., слѣд. уподобленіе, происшедшее въ схемѣ *pōt—pŏta, должно было произойти и въ схемѣ bōr — bŏra.

Иначе объяснялъ явленіе Потебня: «конечный глухой звукъ долѣе удерживался послѣ отзвучныхъ (болѣе сильныхъ, требовавшихъ бо́льшаго напряженія дыханія), чѣмъ послѣ звучныхъ, почему предъ послѣдними явилось удлиненіе основного о (и основного е, изъ коего é) въ то время, какъ предъ первыми нѣтъ» Къ ист. зв. 1876 г., 52 с.

Это объясненіе предполагаетъ, что дѣйствіе закона удлиненія прекратилось уже въ эпоху, когда редуцированные ъ, ь отпали

и послѣ отзвучныхъ. Такое предположеніе возможно, хотя и искусственно: въ данномъ случаѣ звукоизмѣненіе обусловлено не чисто-субъективной склонностью говорящихъ, которая можетъ быстро мѣняться, но общими физіологическими основаніями; если отпаденіе ъ, ь вызвало въ данной средѣ говорящихъ удлиненіе гласнаго предъ звучными, то маловѣроятна мысль, что нѣсколько позже въ той же средѣ такое же отпаденіе ъ, ь удлиненія въ гласномъ предшествующаго слога не вызвало.

Между тѣмъ различіе между звучными и глухими согласными могло имѣть значеніе: въ voz — z измѣнялось въ s, происходила потеря голоса, которая могла вызвать удлиненіе предыдущаго слога; такого измѣненія не было въ poťъ̯ — poť. Затруднительнымъ пунктомъ при такомъ пониманіи процесса являются примѣры, какъ pān, krōj, mōl, sōm (voł измѣнялось въ voų̯). Теоретически измѣненіе конечнаго согласнаго въ безголосный, потеря голоса въ концѣ слова не невозможна и въ этихъ случаяхъ; такое измѣненіе было бы недостаточнымъ для того, чтобы вызвать у говорящаго сознаніе различія въ paų̯ и papa, но оно было бы достаточнымъ основаніемъ для безсознательнаго фонетическаго процесса замѣстительнаго удлиненія; о редукціи голоса въ сонорныхъ согласныхъ ср. у Sievers'a[5] 196 с. Дѣло лишь въ томъ, что засвидѣтельствовать фактическое существованіе такихъ безголосныхъ n̥, r̥, l̥, j̊ — въ польскихъ говорахъ я не могу: мое ухо не замѣчаетъ никакого различія между n формы pan и ф. papa напр. въ сважендзскомъ говорѣ. Предоставляю рѣшеніе этого вопроса изслѣдователямъ съ болѣе тонкимъ слухомъ. Возможно однако, что удлиненіе предъ r, l, n, m въ закрытомъ слогѣ представляетъ особое, независимое отъ удлиненія предъ звучными согласными, явленіе, быть можетъ болѣе раннее (напр. вызванное измѣненіемъ конечнаго ъ, ь въ ъ̯, ь̯, а не отпаденіемъ ъ̯, ь̯): ср. въ сербскомъ подобное удлиненіе предъ r, l, n, m, j, v въ закрытыхъ слогахъ при отсутствіи его въ положеніи гласнаго предъ иными согласными въ закрытомъ слогѣ; очевидно имѣла значеніе самая природа этихъ согласныхъ. Но какъ бы

то ни было,—врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что различіе между bōg — bŏga и bŏk — bŏka — фактъ фонетическаго происхожденія, а не аналогическаго.

Остается разсмотрѣть нѣкоторые факты, внѣ области первичныхъ именныхъ образованій, повидимому противорѣчащіе принятому нами правилу. Лоренцъ принимая удлиненіе, независимое отъ качества согласнаго, въ обоснованіе этой мысли указываетъ на:

a) формы gen. pl.—а темъ ж. р. и gen. pl. ср. р.

b) односложныя инфинитивныя ф.ф.

c) инфинитивныя формы на -nąć = ст.-сл. нѫти.

d) формы несклоняемаго причастія наст. вр.

e) нарѣчія. Разсмотримъ всѣ эти категоріи.

a. *Формы gen. pl. именъ ж. р. — а темъ и ср. р.* Въ этихъ формахъ находимъ нерѣдко долгій гласный и въ положеніи предъ глухимъ согласнымъ: не только dąg (dęga), gąb (gęba), grząd (grzęda), ksiąg (księga), otrąb (otręby), przysiąg (przysięga), wstąg (wstęga) Lorentz Arch. XIX, 340—341, др.-п. raan, nyedzeel, pczool, skoor, opoon, ofiár, spráw, chorób, ozdób, bród, trzód, szkód, osób, wód, dróg, głów, ostróg, nóg, zbrój, ról, stodól, krów, sów, kóz, stád, pól, jeziór, mórz, mów, zbóż, dóbr, biódr Miklosich «Ueber d. langen V.» 112 c.; по и—miąs (mięso), strát, łáp, niewiást, koos, cnót, robót, mąk (męka), rąk (ręka), laath, myaasth, ptástw, stóp, kóp, wrót.

Съ другой стороны самъ Лоренцъ указываетъ pęt, tęcz g. pl. вмѣсто ожидаемыхъ имъ *tącz, *pąt; ср. еще klęsk, ponęt, pięt. Эти формы онъ объясняетъ вліяніемъ остальныхъ формъ тѣхъ же именъ съ ę. Такіе примѣры — и въ словахъ съ звучнымъ согласнымъ темы: cięg, jędz, nędz, pawęz, węd, potęg, torb, korb, form, sikor, gawęd.

Мы видимъ, что формы gen. pl. не совсѣмъ оправдываютъ положеніе Лоренца; ему приходится прибѣгать къ аналогіи.

Позволительно къ ней обратиться и намъ, но не два раза, а лишь одинъ; съ точки зрѣнія Лоренца приходится аналогіей объ-

яснять и формы nom. s. m., какъ bok, pot и т. п.; мы исходимъ изъ положенія, что эти Ф.Ф.—фонетическія. Возникновеніе формъ, какъ strát, łáp, kós, объясняемъ вліяніемъ формъ, какъ rán, oñár, spráw и т. п. Такое вліяніе тѣмъ болѣе правдоподобно, что группа именъ съ звонкимъ согласнымъ въ темѣ гораздо многочисленнѣе группы на согласный глухой. Съ другой стороны существованіе рядомъ съ формами *gǭb, *dǭg, *rān и т. д. формъ *pę́t, tǭč и т. д. вызвало появленіе Ф.Ф. *tǭg, *nǭdz и т. д. или существованіе отношеній pę́ta : pę́t и т. п. вызвало появленіе отношеній tǭga — tǭg.

Въ польскомъ, такимъ образомъ, первоначальное строгое различіе между двумя типами отношеній: tǭga—tǭg и tǭča—tǭč нарушено. Но не нарушено оно въ кашубскомъ. Здѣсь и въ gen. pl., какъ въ nom. sing. удлиненіе—лишь предъ звонкими согласными; предъ — глухими — его нѣтъ: lāt, rǭbúët, ḿāst, sërǭt, cemnǭt, pąk, strąk, sąk и т. д. см. у Брониша 51—54 с. Единственное исключеніе представляетъ rǫk.

Закономѣрными съ точки зрѣнія проф. Бодуэна де К. и Лоренца являются польскія формы gen. pl. n. темъ -nt: cieląt, swiniąt, zwierząt. Наоборотъ, съ нашей точки зрѣнія эти формы явились подъ вліяніемъ mórz, dóbr, biódr, jęźór, stád, pól т. е. stădo : stād = telę̆ta : telę̄t. Въ пользу такого пониманія говоритъ и малочисленность именъ этого типа, и то, что въ кашубскомъ— cēląt, svíńąt съ рефлексомъ краткости.

проф. Бодуэнъ де К. предполагаетъ измѣненіе *pōt въ pŏt въ виду того, что иныя падежныя формы съ краткимъ гласнымъ имѣли въ окончаніи темы тотъ же согласный, что и им. п. Но отчего же п. cieląt не измѣнилось въ cielę̄t? Отчего при ḿasto находимъ въ польскомъ ḿāst, при lato — lāt? и съ другой стороны удлиненіе не сохраняется тамъ, гдѣ этого условія не было: węt gen. pl. при węda и т. д., torp gen. pl. при torba.

Мнѣ кажется, аналогію мы должны видѣть не тамъ, гдѣ господствуетъ строгая выдержанность, гдѣ послѣдовательно проведенъ извѣстный принципъ — именно въ польскихъ и кашуб-

скихъ формахъ nom. s. m. и кашубскихъ Ф.Ф. gen. pl., а тамъ, гдѣ находимъ путаницу и противорѣчія—въ польскихъ формахъ gen. pl.

Показанія народныхъ говоровъ въ разсматриваемомъ вопросѣ — скудны, такъ какъ не только въ имена м. р, но и въ склоненіе ж. и ср. р. проникла въ gen. pl. флексія -ov: въ Сваженцзѣ говорятъ—głovuf, roluf, źeḿuf, paṅuf, kozuf, gymbuf, при rǫk — rękuf; только отъ osoba g. pl. -osup; въ именахъ ср. р. słyf (=słów), jęźur, pul, zbuš, džyf (drzew), muš, (morze), lot (lato).

То же, напр., въ опочиньскомъ говорѣ: «xlopóv, kozóv, osóv, źaḃóv i t. d.» Rozpr. XI 157 с. Относительно сохранившихся формъ безъ -ov находимъ у изслѣдователей обычно неполныя свѣдѣнія; нерѣдко встрѣчаются примѣры удлиненія предъ глухимъ согласнымъ: въ опочиньскомъ ibid. при vód, nóg — vrót, óc; въ Krzęcinie — при báb, žáb — lát, cás Rozpr. II s. XI, 342 с., въ зебржид. ós, kós Rozpr. IX, 163.

b. *Односложныя инфинитивныя формы съ носовымъ въ корнѣ.* Лоренцъ приводитъ слѣдующія формы: kląć, piąć, žąć (жму), žąć (жну), jąć, dąć, miąć, ciąć, prząść, trząść, ląć, siąść. Самъ Лоренцъ не увѣренъ, должно ли приписывать долготу коренного гласнаго этихъ формъ исчезновенію конечнаго ь; дѣло въ томъ, что и въ чешскомъ, гдѣ никакой потери ь нѣтъ, въ этихъ формахъ — долгота: kléti, píti, žíti, počíti, jíti, douti, títi, přísti, třásti, lécі. Въ чешскомъ долгота можетъ объясняться или положеніемъ долгаго гласнаго предъ ударе́ніемъ, или восходящимъ ударе́ніемъ на этомъ гласномъ. Ударе́ніе окончанія въ этихъ глаголахъ засвидѣтельствовано для п. ciąć, trząść, ląć = ч. títi, třásti, lécі: ср р. истяти́, трясти́ — с. тре́сти, с. ле́ћи.

Точно такъ-же у Вука находимъ кле́ти, пе́ти, же́ти (жму); Лескинъ въ виду сложныхъ формъ за̀кле̄ти, за̀пе̄ти, за̀же̄ти, указывающихъ на *кле̂ти, пе̂ти, же̂ти, отрицаетъ значеніе Вуковскихъ формъ, предполагая въ этихъ формахъ первоначальное ударе́ніе корня. Но формы за̀кле̄ти, за̀пе̄ти, за̀же̄ти не имѣютъ такого значенія: и при тре́сти находимъ о̀тре̄сти, однако ударе́ніе окончанія засвидѣтельствовано русскимъ *трясти́*, *отрясти́*; и при вра́та — на̀-вра̄та, однако никакого *вра̂та нѣтъ и не было въ сербскомъ. Очевидно, это очень старое перенесеніе ударе́нія на корень въ сложныхъ словахъ въ сербскомъ — явленіе вторичное ср. Rešetar «Die serbo-kroat. Beton.» 159 с.

Формы съ нисходящимъ удареніемъ корня, конечно, существовали въ глубокой древности; но -i флексіи -ti представляло, повидимому, восходящую долготу; слѣд. уже въ литовско-словянскую эпоху удареніе было перенесено съ нисходяще долгаго коренного гласнаго на окончаніе, какъ и въ *bordà; наоборотъ, формы, какъ с. дȕти, ч. douti параллельны именнымъ формамъ типа с. ба̏ба — ч. bába.

Такимъ же образомъ, с. пòчēти, òт-ēти, сопоставленное съ чешскимъ počíti, jíti, предполагаетъ праформу *čętí, *jętí: заключая отъ с. пòчēти, òтēти къ праформѣ *čę̑ti, *ję̑ti съ нисходящимъ удареніемъ корня, мы не поймемъ чешской долготы: подъ нисходящимъ удареніемъ долгота въ чешскомъ сокращается; предполагая въ виду чешской долготы восходящее удареніе корня въ ф.ф. *čęti, *jęti, не поймемъ сербскихъ ф.ф. пòчēти, òтēти: ср. дȕти—нàдути, тр̏ти—зàтрти, жѐти—дòжети, jѐсти—дòјести, љѐсти — зàљести. Прибавимъ еще zaprząc: малор. запрячи́, с. напре́ћи се. Такимъ образомъ, большинство приведенныхъ у Лоренца примѣровъ долготы: kląć, piąć, żąć (жму), począć, jąć, trząść, ciąć, ląć, zaprząć находятъ свое объясненіе внѣ принципа вторичнаго удлиненія; остаются: żąć (жну): ч. žíti, с. жѐти; dąć: ч. douti, с. дȕти; miąć = р. мять; siąść, с. сјѐсти. Такая картина фактовъ самого Лоренца приводитъ къ мысли, что типъ преобладающій былъ обобщенъ и удареніе окончанія было проведено въ польскомъ во всѣ инфинитивныя ф.ф. этого класса (съ носовымъ въ корнѣ). Не рѣшая этого вопроса, онъ все-таки склоняется къ объясненію долготы отпаденіемъ конечнаго ь. Для насъ такое объясненіе, наоборотъ, невѣроятно,—въ виду значенія звучности согласнаго въ формахъ nom. s. m., а въ кашубскомъ и въ формахъ gen. pl.

Остановимся еще на глаголахъ того же класса съ инымъ первоначально долгимъ гласнымъ въ корнѣ:

Въ Сважендзѣ: ruść (каш. rosc): р. рости́, с. ра́сти; vlic: малор. волочи́, ч. vléci, каш. vlẽc Bronisch 67 с.; džyć: с. дријѐти, ч. dříti, каш. dřẽc Bron. 69 с.; mřyć: с. мријѐти, ч. mříti, каш. mřẽc, но малор. ме́рти; přyć: с. допријѐти, ч. příti, каш. přẽc, но малор. пе́рти.

ср. въ зебржид. róść, mřéć, přéć, но drzeć Rozpr. IX 161—163 сс.; въ Мѣйской Г. wlèc Rozpr. IX 124 с.; въ опочин. mřyć, přyć, но vlec Rozpr. XI 155 с. Сербскія за̀дријети, у̀мријети не говорятъ противъ мријѐти, дријѐти ср. выше и с. до̀пријети, сопоставленное съ ч. přiti, должно быть возведено къ пријѐти; р. мере́ть, пере́ть — вторичны, какъ ме́сть, не́сть, ве́сть при первоначальныхъ мести́, нести́, вести́.

Мы видимъ, что тамъ, гдѣ съ извѣстной вѣроятностью можно предполагать удареніе флексіи, коренной гласный сохраняетъ долготу. Наоборотъ, въ томъ же сважендзскомъ говорѣ: mleć: р. моло́ть, ч. mléti, с. мљ̏ети; jeść: с. ј̏ести, ч. jísti; leść: с. слј̏ести, ч. slézti и slezti; śec: с. сј̏ећи, ч. séci; ƀec: с. бј̏ећи; kłaść: с. кла̏сти, ч. klásti; kraść: с. кра̏сти, ч. krásti; и — paść: с. па̏сти; рефлексъ краткости и въ кашубскомъ: mlōc, jȫsc, lēsc, sēc, ƀȫc, klāsc, krāsc, pāsc Bronisch 66, 67, 68, 75 сс. ср. выше каш. vlẽc, dřẽc, mřẽc, přẽc. Сопоставленіе сербскихъ и чешскихъ формъ указываетъ на первоначальное восходящее удареніе корня. Эти 8 примѣровъ ясно говорятъ противъ положенія Лоренца: отчего въ нихъ нѣтъ вторичнаго удлиненія?

Разсмотримъ еще глаголы того же типа съ краткимъ гласнымъ въ корнѣ. Въ Сважендзѣ: buść (изъ bóść): с. бо̀сти, р. бости́; muc изъ móc: с. мо̀ћи, р. мочи́; žec: с. жѐћи, р. жечи́; ćec: с. тѐћи, малор. течи́; v́eść: с. вѐсти, р. вести́; žec (изъ řec): с. рѐћи, р. речи́; ṕec: с. пѐћи, р. печи́; ńeść: с. нѐсти, р. нести́; ḿeść: с. мѐсти, р. мести́; gńeść: с. гнјѐсти, р. гнести́; gžeść: с. грѐпсти, р. грести́; v́eść: с. вѐсти; р. везти́. Мы видимъ, что только въ 2 примѣрахъ: buść и muc имѣетъ мѣсто удлиненіе, въ остальныхъ 10 оно отсутствуетъ. Эти показанія сважендзскаго говора ясно говорятъ противъ положенія Лоренца. Въ др.-п. находимъ mócy; можетъ быть, подъ вліяніемъ рядомъ стоявшаго rōstí возникло и bōstí, mōcí вм. bŏstí, mŏcí ср. и въ опочинск. bóść, «módz» Rozpr. XI, 155 с.; въ зебржидовск. bóść Rozpr. IX, 163 с.

Также подъ вліяніемъ mrētí, prētí, trētí, drētí, vlēcí могло возникнуть nēstí, vēstí и т. п.: ср. въ зебржидовск. при mřéć, přéć, třéć и — ƀéc, ńéść, léść, gńéść, pléść Rozpr. IX 163 с. Однако

сважендзскія показанія поддерживаются кашубскимъ: здѣсь не только plēsc, gńō̈sc, ḿō̈sc, ńō̈sc, grē̈sc, но и buësc, muëc — съ рефлексомъ краткости. Bronisch 66—67 сс. Явленіе, параллельное зебржидовскому — въ чешскомъ: рядомъ съ первоначальными формами — teci, vesti, nesti, peci, vezti — въ древне-чешскомъ и нынѣ въ діалектахъ — téci, vésti, péci, nésti, vézti, также др.-ч. bůsti. Въ чешскомъ проникновеніе долготы по аналогіи въ формы съ краткимъ кореннымъ гласнымъ могло совершаться тѣмъ легче, что долгота коренного гласнаго проходитъ по всему классу глаголовъ съ первоначально долгимъ гласнымъ корня: въ однихъ случаяхъ въ силу положенія его предъ старымъ удареніемъ, въ другихъ въ виду восходящаго ударенія корня (mlēti, jēsti, sēci, slēzti, krāsti, klāsti); сравнительно немногочисленные глаголы съ краткимъ гласнымъ легко подчинялись вліянію массы остальныхъ; и наоборотъ, въ результатѣ смѣшенія двухъ рядовъ появились такія формы, какъ vleci при vléci, sesti при sésti, slezti при slézti.

c. *Infinitiva на -nǫti.* Въ польскомъ infinitiv'ныя формы этого класса оканчиваются на -nąć, независимо отъ того, гдѣ было удареніе въ праслов.: ciągnąć = р. тяну́ть, więdnąć = р. вя́нуть. Въ чешскомъ всюду -nouti; въ кашубскомъ -nǫ. Самъ Лоренцъ ставитъ гипотезу, что долгота въ польскомъ являлась первоначально лишь въ типѣ глаголовъ więdnąć, въ положеніи послѣ ударенія, при извѣстномъ качествѣ долготы, затѣмъ окончаніе -nǭtь обобщилось, перешло и на глаголы типа ciągnąć.

И дѣйствительно, не можетъ подлежать сомнѣнію, что ǭ въ -nǭ представляло восходящую долготу: оттого удареніе съ коренного нисходящаго слога было перенесено на суффиксъ: ср. с. гр́нути—гр̑нêм, гдѣ форма 1 s. pr. имѣетъ удареніе корня изъ 2 s. 3 s., при кї̏снути. А именно восходящая долгота послѣ ударенія сохранялась ср. f — tyn — čos.

Но онъ отвергаетъ эту гипотезу: «для этого нужно было бы принять, что въ эпоху сокращенія носовыхъ, глаголы съ суффиксомъ -ṇą оканчивались на -ći, а это маловѣроятно»... 347 с. (Arch. XIX).

Не вижу причины, почему бы для вышеприведеннаго рѣшенія вопроса требовалось предположеніе, что глаголы этого класса оканчивались на -ćі. Лоренцъ ничѣмъ не доказалъ, что *-nǭtь въ положеніи послѣ ударенія должно было сократить ǭ. Въ *vę́dnǭtь -ǫ въ положеніи послѣ ударенія, при восходящемъ качествѣ долготы могло оставаться долгимъ независимо отъ того, было ли окончаніе -ti или -tь; такъ же независимо отъ вида флексіи сокращалось подъ удареніемъ ǫ въ ciǭgnǭ́ć; затѣмъ подъ вліяніемъ глаголовъ типа vę́dnǭ́ć получали долготу и глаголы типа ćǫgnǭ́ć. Что такое уравненіе (Ausgleichung) весьма возможно, показываетъ и сербскій: въ штокавскомъ -nŭ какъ въ глаголахъ типа ви́кнути изъ *viknŭti, такъ и въ па̏нӯти изъ *pȁnūti, но черногорскіе діалекты сохранили старое различіе между двумя типами: ви́кнӯти, но па̏нӯти. Прибавлю, что объясненіе это тѣмъ вѣроятнѣе для польскаго, что изъ сохранившихся въ немъ глаголовъ класса -nǫ́ć большинство принадлежитъ къ типу więdnąć — съ первоначальнымъ удареніемъ на коренномъ слогѣ.

Въ сравнительно полной коллекціи глаголовъ даннаго класса у Soerensen'a «Polnische Grammatik» 1899 г. къ типу съ удареніемъ корня относятся: bryznąć: р. бры́знуть; buchnąć: р. бу́хнуть; burknąć: р. бу́ркнуть, chłysnąć: р. хлы́снуть; cisnąć: р. ти́снуть, с. ти̏снути; chrupnąć: р. хру́пнуть; chłodnąć: р. холо́нуть; dźwignąć: р. дви́нуть; gasnąć: га́снуть; ginąć: р. ги́бнуть, с. ги̏нути, huknąć: р. гу́кнуть(?); gruchnąć: с. гру̏хнути; grzęznąć: с. гре̏знути, р. (по)гря́знуть; kisnąć: р. ки́снуть, с. ки̏снути; krzyknąć: р. кри́кнуть; klęknąć: с. кле̏кнути; marznąć: р. мёрзнуть, с. мр̏знути се; milknąć: р. (у)мо́лкнуть; moknąć: р. мо́кнуть; brzęknąć: р. бря́кнуть; więdnąć: р. вя́нуть, с. ве̏днути; -targnąć: р. -то́ргнуть, с. тр̏гнути; ziębnąć: р. зя́бнуть; wyknąć: р. (при-) вы́кнуть, с. ви̏кнути; wisnąć: р. ви́снуть; więznąć: р. вя́знуть; tupnąć ср. р. то́пнуть; sunąć: р. су́нуть; miękнąć: р. мя́кнуть, с. ме̏кнути; niknąć: р. -ни́кнуть, с. ни̏кнути; pachnąć: р. па́хнуть; pęknąć: с. пу̏кнути; pisnąć: р. пи́скнуть; plusnąć: с. плу̏снути; prysnąć: р. пры́снуть; parsknąć: с. пр̏снути; puchnąć: р. пу́хнуть; sięknąć: р. -ся́кнуть; słabnąć: р. сла́бнуть; stygnąć: р. сты́нуть, с. сти̏нути; stuknąć: р. сту́кнуть, с. сту̏кнути и сту́кнути; szarpnąć: р. ша́рпнуть; ślepnąć: р. сле̏пнуть; świsnąć: р. сви́снуть; ścignąć: р. (до)-сти́гнуть, с. сти̏гнути; skrzypnąć: р. скри́пнуть (?).

Значительно меньше глаголовъ, въ которыхъ удареніе первоначально падало на суффиксъ: błysnąć ср. р. блесну́ть, chrapnąć: р. всхрапну́ть; ciągnąć: р. тяну́ть, kaszlnąć: р. кашляну́ть; kiwnąć: р. кивну́ть; lgnąć, старо-п. lnąć: р. льну́ть; machnąć: махну́ть; mignąć: мигну́ть; minąć: мину́ть (?); -mknąć: р. -мкну́ть; mru-

gnąć: р. моргну́ть; pchnąć: пхну́ть; pierzchnąć: порхну́ть; rznąć; schnąć: с. са̀хнути; -snąć: -сну́ть; szepnąć: шепну́ть; uśmiechnąć się: усмѣхну́ться; tchnąć; tknąć, tonąć: тону́ть; -wichnąć: (с)вихну́ть; żgnąć; pisnąć (?): с. пи́снути; ryknąć: с. ри́кнути; sarknąć: с. ср́кнути; garnąć: с. гр́нути.

По поводу инфинитивныхъ формъ слѣдуетъ добавить, что мысли объ удлиненіи гласнаго предъ конечнымъ t(ь) противорѣчатъ и такія формы, какъ — čytać, kozać, godać, davać, spać и т. д. въ Сважендзѣ и другихъ говорахъ; ср. и кашубскія: brac, prac, znā̆c, dāc, dēptăc, plokac, skakac, pāsăc, kāzăc, gv̓izdac, šēptac, skūbnăc, drāpăc и т. д. Bronisch 69, 74 с.

ср. въ Miejskéj Górk'ѣ ko^{u}zać, skło^{u}dać, wo^{u}łać, sko^{u}kać, spro^{u}šać Rozpr. IX, 115, 119 сс.; въ бржезинскомъ kázać, gádać R. VIII, 189 с., въ Krzęcinie: ráb́ać, jádać, gádać, śṕéwać, chádzać, zb́érać и др. R. II s. XI, с. 340; въ зебржид. skákać, bádać, „obrázać R. IX, с.; только въ Łukowcu, вообще отличающемся странностями въ количествѣ, при stšylać, płákać, upádać находимъ—załowáć, synkowáć, dáć Spraw. V, 151 с.

d. *Формы несклоняемаго причастія наст. вр.* — на -ąc не могутъ имѣть особеннаго значенія въ вопросѣ; въ данномъ случаѣ несомнѣнно играло роль вліяніе причастныхъ ф.ф. одного класса на ф.ф. другого: въ нѣкоторыхъ случаяхъ долгота явилась въ положеніи предъ старымъ удареніемъ: ср. с с. вру́ћи, пру́ћи; затѣмъ могло произойти обобщеніе, поддерживаемое ассоціаціей съ флексіей 3 pl. pr., гдѣ -ǭ. Относительно качества долготы въ суффиксѣ -ǫštь, -ęštь въ положеніи послѣ ударенія трудно сказать что либо опредѣленное: если въ с. нѐсу̂ћи и т. п. долгота ŷ не вторична, то ǫ представляло нисходящую долготу. Но что польское -ąc не обязано своимъ происхожденіемъ вторичному удлиненію, показываетъ чешское -ouc, íc во всѣхъ классахъ глаголахъ: nesouc, prosíc, tisknouc, umějíc и т. п.

e. *Нарѣчія*, приводимыя Лоренцомъ 348 с., какъ разъ говорятъ противъ его положенія: inąd, onąd, но więc. Лоренцъ объясняетъ дѣло тѣмъ, что ę въ więc «вѣроятно находилось въ неударяемомъ положеніи». Но для вторичнаго удлиненія въ виду отпаденія ъ, ь не могло имѣть значенія мѣсто ударенія ср. gołąb̓ — gołębia, łabądź — łabędzia и т. п., гдѣ носовой также

былъ неударяемъ. Если же коренной гласный находился предъ удареніемъ, то онъ долженъ былъ сохранить долготу.

Отрицая удлиненіе, независимое отъ качества слѣдующаго согласнаго, мы не можемъ признать за результатъ вторичнаго удлиненія и флексію 3 pl. pr.: -ą изъ -ątъ: niesą, pięką, czytają, dmą, ciągną, cisną, wiążą, cierpią, bronią и т. п. Правда, въ данномъ случаѣ объяснить происхожденіе польской полготы труднѣе: въ Ф.Ф. типа ńesǭtъ -ǭ подъ удареніемъ должно было сократиться; въ случаяхъ, какъ chvā̀lǭ̄tъ долгота могла сохраняться, если бы ę представляло вообще восходящую долготу; но такому предположенію не благопріятствуютъ сербскія показачія: нѐсӯ, пѐкӯ указывало бы на нисходящую долготу флексіи, хотя сюда долгота могла быть перенесена изъ Ф.Ф., какъ пи́таӯ, то̀нӯ. Не благопріятствуютъ мысли о восходящемъ качествѣ долготы флексіи и р. но́сятъ, мо́лятъ, то́нутъ ср. тонӯ, молю́, тону́ть, моли́ть. Тѣмъ не менѣе всѣ эти факты ни въ коемъ случаѣ не могутъ служить защитой мысли о вторичномъ удлиненіи въ п. -ą 3 pl. pr.: ср. въ чешскомъ -ou во всѣхъ классахъ глагола: nesǭti съ ǫ нисходяще долгимъ должно было дать въ чешскомъ краткость.

1. О происхожденіи флексіи 3 pl. pr. въ зап.-слов. языкахъ ср. статью I. Horáka въ List. fil. 1900 г., 219 с. Авторъ справедливо относитъ измѣненіе первоначальнаго -ǫtь, -ętь въ ǫ, ę къ эпохѣ особной жизни зап.-сл. языковъ и предполагаетъ что долгота являлась лишь въ извѣстныхъ акцентуативныхъ условіяхъ и затѣмъ путемъ аналогіи распространилась на остальные случаи; но страннымъ образомъ авторъ считаетъ долготу первоначальной въ типѣ съ удареніемъ носового, забывая, что въ чешскомъ подъ удареніемъ сохраняется лишь восходящая долгота.

Отмѣчу еще, что въ луковецкомъ говорѣ находимъ Ф.Ф., какъ ẃanyk, woryk, dyscyk Spraw. V, 153 с. съ у изъ ъ. Фактъ этотъ врядъ-ли фонетическаго происхожденія: быть можетъ здѣсь сказалось вліяніе суффикса -ik.

11. Краткіе гласные во внутреннихъ закрытыхъ слогахъ.

Судьба краткихъ гласныхъ внутри слова въ закрытомъ слогѣ, т. е. предъ сочетаніемъ согласныхъ съ выпавшимъ между ними ъ, ь, — не вполнѣ пока выяснена не только по отношенію къ польскому, но и по отношенію къ родственному чешскому языку.

Въ сербскомъ, какъ извѣстно, находимъ удлиненіе краткихъ гласныхъ въ такомъ положеніи лишь предъ согласными l, r, n, m, v, j (Leskien Untersuchungen 1885 г., 7 с.).

Повидимому, потеря слога вызывала извѣстное измѣненіе прежде всего въ самихъ l, r, n, m, v, j: они переходили въ долгіе (или слоговые) l, r, n, m, v, j.

Затѣмъ удлиненіе это передано было предыдущему гласному.

ср. Летопис Матице српске 201 т. (1900 г.), 182 с.

Сходное явленіе, какъ извѣстно, — въ малорусскомъ: зілля, коріння и т. п.

Въ чешскомъ, какъ замѣтилъ Махалъ, первоначально краткій гласный чаще остается безъ удлиненія: lůžko (lože), půlko (pole), slůvko (slovo), dénko (dno), skélko (sklo), jezérko (jezero), seménko (semeno), vřeténko (vřeteno), olůvko (olovo), cévka (ceva), dcérka (dcera), klícka (klec), pícka (pec), víska (ves), zíďka (zeď), kůstka (kosť), но: plecko, kolko, očko (діалект. vůčko), bleška, cestka, cetka, plenka, špetka, teska, tetka, včelka, ženka, lebka, krevka, veška, žerďka, botka, kopka, kozka, nožka, notka, oska, skobka, soška, stopka, vodka, nocka, rolka.

Въ примѣрахъ: hrdélko (hrdlo), okýnko (okno), jadérko (jadro), křidélko (křidlo), stebýlko (steblo) é неорганическое; hrdélko образовалось по образцу skélko, okýnko — по образцу vřeténko, seménko, dénko; jadérko — по образцу jezérko.

Такая картина фактовъ не позволяетъ съ увѣренностью говорить о происхожденіи удлиненія краткихъ гласныхъ въ чешскомъ. Нѣтъ твердыхъ основаній видѣть зависимость удлиненія отъ качества ударенія на краткомъ гласномъ: ср. půlko, slůvko,

kůstka съ kolko, očko, nocka: въ томъ и другомъ случаѣ гласный находился первоначально подъ нисходящимъ удареніемъ (слов. polȇ, slovô, kǫ̑st — kostî, kolò, okô, nǫ̑č — nočî); или lůžko съ botka (словинское lǫ̑že, bǫ̑ta). Невозможно установить, что первоначально удлиненіе было ограничено положеніемъ гласнаго предъ r, l, n, v, j, хотя очень значительное количество примѣровъ этой мысли благопріятствуетъ: ср. půlko, slůvko, dénko, skélko, jezérko, seménko, vřeténko, olůvko, cévka, dcérka; однако: kolko, plenka, včelka, ženka, krevka, rolka и съ другой стороны: lůžko, klícka, pícka, víska, zíďka, kůstka.

Сопоставленіе со словацкимъ не помогаетъ въ рѣшеніи вопроса: ср. nôžka, vôdka, hôrka, kôpka, bôtka, dcérka, skielko, и — skobka, stopka, tetka, ženka, krevky n. pl., cetka, čelko, slovko, očko, platenka.

Очевидно первоначальныя отношенія нарушены вліяніями аналогіи. Являлось ли первоначально удлиненіе лишь предъ r, l, n, v, j или всѣ случаи удлиненія явились подъ вліяніемъ отношеній, какъ hlava — hlávka, не рѣшаю. Первому предположенію неблагопріятствуетъ то обстоятельство, что въ нормахъ удлиненія краткихъ гласныхъ въ конечныхъ закрытыхъ слогахъ нельзя усмотрѣть такого вліянія качества этихъ согласныхъ ни въ чешскомъ, ни въ словацкомъ. Вторая мысль встрѣчаетъ затрудненіе въ примѣрахъ, какъ dénko, skélko, такъ какъ отношенія hlava — hlávka не параллельны отношеніямъ dno — dénko; пришлось бы считать dénko и т. п. возникшими по образцу jezérko, seménko и т. п., которыя въ свою очередь — при jezero, semeno подъ вліяніемъ dřévko, střévko, tístko при dřevo, střevo, těsto и т. п.

Что касается этихъ послѣднихъ примѣровъ т. е. отношеній dřevo — dřévko и т. п. — съ первоначально долгимъ гласнымъ, которыя Махалъ разсматривалъ заодно съ отношеніями slovo — slůvko и т. п., то ихъ слѣдуетъ, конечно, отдѣлить отъ послѣднихъ: въ нихъ нѣтъ собственно удлиненія. Отношенія эти остались у Махала въ сущности совершенно необъясненными; между

тѣмъ они легче поддаются объясненію, чѣмъ выше разсмотрѣнныя — съ первоначально краткимъ гласнымъ.

Не выясняютъ вопроса и слишкомъ бѣглыя замѣчанія Čern'аго въ статьѣ 1900 года (Výročni zpráva. c. k. vyšši realné školy v Brně. 5 c.).

Недавно ак. Шахматовъ въ своей работѣ о русскомъ полногласіи Изв. VII 2, с. 309—310 высказалъ предположеніе, что въ случаяхъ, когда за долгимъ гласнымъ или сочетаніемъ слѣдовалъ слогъ съ ъ, ь, ставшими неслоговыми, качество об.-сл. ударенія измѣнялось: об.-сл. «vôlsъ» g. pl. > «vólsъ».

Тотъ же принципъ ср. у Streitberg'a Indogerm. Forsch. III (1894 г.) 313 s.: «Findet in einem Wort ein Morenverlust, so wird eine der Verluststelle unmittelbar vorausgehende betonte kurze Silbe gedehnt, dagegen eine unmittelbar vorausgehende lange Silbe mit gestossenem Akzent geschleift».

Мысль ак. Шахматова очень вѣроятна, хотя въ современномъ состояніи фактовъ принципъ не отражается вполнѣ ясно: оно измѣнено вліяніями аналогіи: ср. р. волóсъ g. pl., но въ nom. s. вóлосъ подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей.

Въ сербскомъ и словинскомъ ак. Шахматовъ указываетъ Ф.Ф. gen. pl., какъ чâсā, прâгā, жâбā при чȁс, прȁг, жȁб; слов. lîp, rîb, krâv при lípa, ríba, kráva и наоборотъ: с. дрýгā, влáсā отъ дрȳг, влâс, слов. mǫ́z, vlás отъ mô̄ž, vlâs и т. п.

Второй рядъ примѣровъ встрѣчаетъ нѣкоторое затрудненіе: ударе́ніе ′ въ сербскомъ обычно-перенесенное; если оно здѣсь (влáсā) обозначаетъ старое восходящее на томъ же слогѣ, то не вполнѣ ясно, отчего оно въ такихъ примѣрахъ не сокращается, какъ вообще въ сербскомъ; также неясно, почему въ словинскомъ — mǫ́ž, vlás, а не mǫ̀ž, vlàs ср. brȁt, mràz, pràg и т. п. Это затрудненіе ак. Шахматовъ стремится, повидимому, устранить замѣчаніемъ, что качество ударенія въ vólsъ не было тожественно съ качествомъ ударенія въ kórva, что въ первомъ случаѣ оно было музыкально-экспираторнымъ, а во второмъ экспираторнымъ.

Въ чешскомъ принципъ иллюстрируется формами; какъ g. pl. ryb, měr, krav при míra, rýba, kráva, а съ другой стороны — čás, tíl (діалект. и др.-чеш.) при čas, tělo.

Еще раньше въ Изв. III, 28 с. ак. Шахматовъ указывалъ на чешскія Ф.Ф. nom. s. brat, rak, děd, какъ на результатъ подобнаго измѣненія восходящаго въ нисходящее ударе́ніе на дол-

гомъ гласномъ въ виду отпаденія слѣдующаго ъ. Въ дѣйствительности и здѣсь мы не находимъ послѣдовательнаго проведенія принципа: при brat, rak, děd, čas, had, kraj, svat, hněv, chlap мы находимъ pláč, láz, hrách, mráz, práh, klín, sýr, hrád, ráj, chléb (при chleb), vítr. Въ этихъ послѣднихъ Ф.Ф. долготу пришлось бы объяснять вліяніемъ косвенныхъ падежей, гдѣ первоначальная восходящая долгота должна была сохраняться; однако въ gen. s. находимъ: prahu, mrazu, hrachu, chleba, větra; приходится стало быть думать, что первоначальныя отношенія prah—práha измѣнились въ отношенія práh — prahu. Съ другой стороны Ф.Ф. gen. s. hněva, brata, časa, hada, děda, kraje, raka, chlapa, svata вмѣсто ожидаемыхъ hníva, bráta и т. д. очень удобно объяснялись бы вліяніемъ Ф.Ф. n. s. hněv, brat, čas и т. д.

Въ именахъ съ первоначально нисходящимъ удареніемъ на долгомъ коренномъ гласномъ ожидали бы отношеній chlád: chlada и т. п.; однако находимъ: chlad, klas, prach, brav, vlas, vrah, břeh, vřed, vřes, žleb, hlad, hlas, sled, svět, dub, muž и т. д. всюду съ краткостью...

Остается предполагать, что первоначальные типы сильно смѣшались: отношенія chlád — chlada измѣнились въ chlad — chlada, отношенія brat — bráta въ brat — brata; вмѣсто отношеній prah — práhu, быть можетъ, въ то время, когда старое chlád — chladu еще употреблялось при новомъ prach — pracha и старое brat — bráta при новомъ čas — časa, — явилось práh — prahu.

Въ словацкомъ не находимъ такого смѣшенія, такъ какъ отношенія chl$\breve{\overset{\smile}{a}}$d — chl$\breve{\overset{\smile}{a}}$da и pr$\breve{\overset{\smile}{a}}$h — pr$\breve{\overset{\smile}{a}}$ha, если законъ измѣненія качества долготы въ слогѣ предъ $\breve{\overset{\smile}{\text{ъ}}}$ былъ извѣстенъ словацкому, одинаково давали здѣсь chlăd — chlăda и prăh — prăha.

Принципъ, который ак. Шахматовымъ примѣненъ къ положенію долгихъ въ конечныхъ закрытыхъ слогахъ, съ гораздо большей ясностью проведенъ въ чешскомъ во внутреннихъ закрытыхъ слогахъ — въ деминутивныхъ образованіяхъ, разсмотрѣнныхъ когда то Махаломъ, хотя и здѣсь не обошлось безъ нарушенія первоначальныхъ отношеній вліяніями аналогіи.

Въ этихъ образованіяхъ находимъ три группы.

I. Въ основномъ словѣ гласный — дологъ въ силу положенія предъ первоначальнымъ удареніемъ: производное сохраняетъ долготу, подъ вліяніемъ ли основного или фонетически, трудно рѣшить (ср. р. бороздá — борóздка): ч. brázda — brázdka, díra — dírka, svíce — svícka, mouka — moučka; chvalka, travka, pilka, krupka, trubka, služka (ср. sluha при slouha) явились, быть можетъ, подъ вліяніемъ отношеній типа kráva — kravka.

Сербскія параллели очень рѣдки: въ словѣ trâvka — вторичное удлиненіе.

II. Въ основномъ словѣ коренной гласный сократился подъ нисходящимъ удареніемъ, въ производномъ долгота, вѣроятно, сохранившаяся подъ восходящимъ удареніемъ: brada — brádka, hlava — hlávka, hřada — hřádka, strana — stránka, řeka — říčka, střecha — stříška; ср. р. (борода́) — бóроду — борóдка, (голова́) — гóлову — голóвка, (сторона́) — стóрону — сторóнка. Къ этому типу отношеній въ чешскомъ относятся еще: děva — dívka (долгота въ с. déva — вторична: всѣ ласкательныя получаютъ въ сербскомъ на первомъ слогѣ ср. Гласник Срп. Уч. Др. XII, 482 с.); kniha — knížka (хотя въ серб. кньи́га); husa — houska, zlato — zlátko, dřevo — dřívko, střevko — stříbko, těsto — tístko, tělo — tílko, květ — kvítko, žito — žítko, ucho — úško, břicho — bříško. По отношенію къ приведеннымъ именамъ средняго рода до́лжно имѣть въ виду и русское ушко́, брюшко́, очко́ при у́хо, брю́хо, о́ко.

Въ иныхъ случаяхъ и производныя — съ краткимъ гласнымъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ основныхъ: hvězdka, stěnka, ručka ср. hvězda, stěna, ruka; pivko ср. pivo (с. пи́во).

III. Въ основномъ словѣ коренной гласный сохранился долгимъ подъ вліяніемъ восходящаго ударенія, въ производномъ сократился въ виду измѣненія его въ нисходящее: kláda — kladka, kráva — kravka, rána — ranka, skála — skalka (ска̀ла въ Черногоріи: Вукъ), sláma — slamka, vrána — vranka, žába — žabka, máma — mamka, bříza — březka, hlína — hlinka, hříva — hřivka, jíva — jivka, lípa — lipka, mísa — miska, níva — nivka, síla — silka, sírka — sirka, slíva — slivka, žíla — žilka, bouda — budka, chvíla —

chvilka, moucha—muška. Въ нѣсколькихъ случаяхъ долгота изъ основного слова проникла нефонетическимъ путемъ въ производныя: vláha — vlážka, míra — mírka, jáma — jámka. Исходя изъ с. ка̏ша, пје̏на, шпи̏ца, ри̏ба должны признать нормальными Ф.Ф. kaška, pěnka, rybka, špička, но въ основныхъ — вмѣсто ожидаемой долготы — краткость: kaše, pěna, ryba, špice (ср. діалект. pína, rejba).

Въ словацкомъ первому типу отношеній соотвѣтствуютъ такія-же: svieca — sviečka, múka — múčka, píla — pílka, trúba — trúbka, dúha — dúžka. Во второмъ типѣ отношеній, предполагая первоначально нисходящее удареніе въ словахъ brucho, ucho въ виду чешскихъ břicho, ucho (ср. р. за́ ухо, за́ уши и болг. ухо́, но въ с. у̏хо, у̏ши и р. на брю́хо), получили бы ожидаемыя въ результатѣ измѣненія нисходящаго въ восходящее удареніе отношенія: ucho — uško, brucho — bruško. Но въ противорѣчіи съ принятымъ принципомъ находимъ словацкія: drevo — drievko, sluha — slúžka, hlava — hlávka, strana—stránka. Въ послѣднихъ трехъ примѣрахъ долгота могла проникнуть въ производную форму еще въ ту эпоху, когда им. п. ед. ч. основныхъ словъ сохранялъ долготу коренного гласнаго въ виду ударенія окончанія; позже форма им. п. получила краткость изъ вин. п. т. е. рядъ hlāva — hlăvu — hlāvka замѣнился рядомъ: hlăva — hlăvu — hlāvka.

Въ третьемъ типѣ отношеній въ словацкомъ находимъ въ соотвѣтствіи принципу краткость, какъ въ основномъ, такъ и въ производномъ: при jama, klada, slama, skala и т. д.: jamka, kladka, slamka, skalka, mamka, hlinka, lipka, miska, žilka, muška, kaška, penka, knižka (с. кни̏га). Рѣшить, не являются ли нѣкоторые изъ этихъ примѣровъ вторичными, получившими краткость изъ основныхъ вмѣсто удлиненія предъ извѣстными согласными (r, l, n, v, j), трудно.

Примѣры sírka, chvilka, búdka, strážka къ этой группѣ именъ отнести нельзя, такъ какъ долгота является и въ основныхъ: síra, chvíla, búda, stráža.

Въ сербскомъ находимъ: въ противорѣчіи съ принципомъ —

гра̏шка (гра̏х), ми̏шка (ми̏ш), си̏тко (си̏то), сра̏чка (сра̏ка), ши̏пка, (ши̏ба), бра̏тко (бра̏т), кла̂сје (кла̂с), пру̏ће (пру̏т), ли̏шће (ли̏ст), въ согласіи съ нимъ — зла̏тко — зла̏тка (зла̂то), гу̏ска (на *гу̏с косвенное указаніе даетъ чешское hus), звје̏рка (зви̏јер—зви̏јери). Интересно, что въ чакавскомъ находимъ líšće, prúće съ восходящимъ долгимъ удареніемъ Arch. XVII, 197 с., но значеніе этихъ фактовъ трудно съ точностью опредѣлить, такъ-какъ вопросъ о судьбѣ восходящей долготы въ чакавскомъ еще не вполнѣ выясненъ.

Въ словенскомъ, быть можетъ, указаннымъ принципомъ должны быть объясняемы примѣры, какъ: mîška (mìš — míši), sî tka (síto), srâčka (sráka), šî bka, šî bje (šíba), brâtja (brât). Съ другой стороны: zlâtka (zlatǫ̂).

Не знаю, не должно ли видѣть тотъ же принципъ и въ болгарскихъ примѣрахъ, какъ са̀път (с. са̂п—са̏па), хо̀дът (слов. hǫ̂d), го̀стът (слов. gǫ̂st), со̀кът (слов. sǫ̂k), пъ̀ртът (слов. prǫ̂t, с. пру̀т — пру̀та), сърпът (с. ср̀п — ср̀па), шѝпът (с. шѝп—шѝпа), стъ̀ркът (с. стру̀к—стру̀ка), ра̀стът (хра̂ст—хра̂ста). Въ виду нисходящаго качества ударенія въ примѣрахъ этихъ ожидали бы переноса ударенія на слѣдующій слогъ т. е. *сапът, ходът, гостът и т. д., какъ брегът, бегът, долът и т. д. Послѣдніе примѣры, являющіеся у Цонева, какъ правило (Сборн. Болг. Мин. VI, 65—66 сс.) должны быть въ такомъ случаѣ объясняемы, какъ возникшіе подъ вліяніемъ род. п. *брегà, *бегà, *долà, а формы са̀път, хо̀дът, го̀стът и т. д. («исключенія») представляли бы результатъ фонетическаго измѣненія качества ударенія вслѣдствіе потери моры въ слѣдующемъ слогѣ. Обратное измѣненіе восходящаго въ нисходящее ударевіе въ закрывшемся слогѣ представляли бы болгарскія: градът (с. гра̏д), ленът (с. ла̏н — ла̏на), плачът (с. пла̏ч), jадът (с. jа̏д), часът (с. ча̏с), мразът (с. мра̏з) — формы же кмѐтът, клѝнът, пръ̀стът, сва̀тът и т. д. (с. кме̏т — кме̏та, кли̏н — кли̏на, пр̏ст — пр̏ста, сва̏т — сва̏та) могли явиться подъ вліяніемъ ф.ф. род. п. *кмѐта, клѝна, пръ̀ста, сва̀та (см. примѣры на 48—49 сс. Сборника VI болг. мин.). Такимъ образомъ, получили бы свое объясненіе примѣры, являющіеся исключеніями, какъ у Цонева, такъ и у Hirt'a (Ind. Akz.).

Въ польскомъ описанная мѣпа качества ударенія, если и имѣла мѣсто, то не могла оставить слѣдовъ, такъ-какъ здѣсь всякая долгота сокращалась подъ удареніемъ.

Какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, въ польскомъ въ конечныхъ закрытыхъ слогахъ имѣлъ значеніе иной принципъ: качество замыкавшаго слогъ согласнаго.

Что касается внутреннихъ закрытыхъ слоговъ, то здѣсь принципъ этотъ не отражается такъ ясно.

Изъ именъ ж. р., приведенныхъ Лоренцомъ Arch. XIX, 350 и сл., важны главнымъ образомъ тѣ, которыя расходятся относительно носового съ соотвѣтствующимъ основнымъ.

Формы gen. s. именъ м. р., какъ podsędka, przyswędka, оставляю въ сторонѣ, такъ какъ онѣ находятся подъ вліяніемъ формъ им. п. podsędek, przyswędek, гдѣ долгота сократилась подъ удареніемъ въ открытомъ слогѣ.

Эти имена дѣлятся на двѣ группы: въ первой слогъ съ носовымъ замыкается звонкимъ согласнымъ, во второй — глухимъ.

1. gąbka (и gębka) — gęba; grządka — grzęda; książka — księga, prążka — pręga, stążka — stęga; wiązka — (wiąz-) więzu; gałązka — (gałąź-) gałęźi; prządka — przędza.

2. gąska — gęś; pieczątka — pieczęć; cząstka — część; miąsko — mięso; obrączka — obręcz; świątka — święty; pamiątka — pamięć.

Изъ именъ, въ которыхъ коренной гласный совпадаетъ съ гласнымъ основного слова, одну группу образуютъ примѣры съ рефлексомъ долготы, другую — съ рефлексомъ краткости.

3. łączka — łąka; mączka — mąka; сюда же я относилъ бы имена: dziesiątka, dziewiątka, piątka, такъ какъ они могли находиться подъ вліяніемъ Ф.Ф. dziesiąty, dziewiąty, piąty, а не dziesięć, dziewięć, pięć. Сюда же относятся имена, какъ gorączka, spiączka, biegączka, drzączka, ziębiączka, stawiączka при gorący, spiący, biegący и т. д.

4. piętka — pięta; chętka — chęć; miętka — mięta; stępka — stępa, dętka — dęty, pętko — pęto.

Особую группу образуютъ deminutiva съ суффиксомъ -ąt-ko: golębiątko, zwierzątko, książątko, gąsiątko, cielątko, bydlątko, kociątko, prosiątko, oslątko, jelątko.

Полагаю, что эти имена стояли подъ вліяніемъ формъ gen. pl.: zwierząt, cieląt и т. д., гдѣ t было также твердымъ, а не подъ вліяніемъ Ф.Ф. zwierzęcia, cielęcia и т. д.

Мы видимъ, что удлиненіе носового не ограничено положеніемъ его предъ звонкимъ согласнымъ въ закрывшемся слогѣ.

То же можно сказать и относительно удлиненія въ данномъ положеніи иныхъ первоначально долгихъ, но сократившихся, или первоначально краткихъ гласныхъ. Примѣры удлиненія предъ звонкимъ согласнымъ: —

Въ Сваженджѣ: provda (=pravьda), zdrojca, roćca (zdradьca, radьca), storka, d͡ʒifka, sklonka, bopka, gotka, bojka, skłotka, leżołki (сортъ грушъ), cołki, żotki (rzadki), koždyj, žodnyj, dovno, guvno, okinko, ćimnyj, zbujnik, rulnik, bužnica, nuška (=nóżka).

Въ Miejsk'ой Górk'ѣ: provda, ḿo^{u}rka, ḿołki, řo^{u}tki, cołki, skło^{u}tka, gł$_{u}$ówny, r$_{u}$óżny, ćimny, b$_{u}$óżnica Rozpr. IX, 114, 119, 121, 123 сс.

Въ опочиньскомъ: gořołka, ćinko, malińki, dvójka, trójka, jaskółka, jałówka, krówka, ḿentówka, vódka, kółko, nózka, ćémny, głóvny, róvny, prózny, późny, dróznik, bóznica, trójca. Rozpr. XI, 154—157 сс.

Въ зебржидовскомъ: gádka, gořáwka, bródka, dvójka, ćfórka, galasófka, gadófka, jagódka, jaskówka, jawófka, krófka, ḿętófka, přegródka, rogófka, tarnófka, trójka, vótka (vodka), kówk^{u}o, gwówny, równy Rozpr. IX, 155, 156, 164 сс.

Въ лясовскомъ: právda, dávno, zbávca, zakładka, várka Rozpr. VIII, 86 с.

Въ бржезиньскомъ: právda, dávno, správca, vybávca, zakwádka, várka, školny, zdólny Rozpr. VIII, 189, 193 сс.

Въ опольскомъ: prá^{u}vda, vá^{u}rka Ueber d. opp. M. 13 с.

Въ луковецкомъ: kázdy, wystáwka, kochánka, kijánka, sadzáwka, mámka, maćeřánka, stodółka, obórka, jábko, sójka. Spraw. V, 152 с.

Въ Стонавкѣ: spórny, dólni Rozpr. XII, 21 с.

Въ Пышницѣ: pisástwo, lekástwo, gospodástwo (=pisarstwo, gospodarstwo, lekarstwo) Rozpr. II s. V, 380 с.

Примѣры удлиненія предъ глухимъ согласнымъ: šátka въ Сваженджѣ, Miejsk. G. Rozpr. IX, 119 с., съ долготой, явившейся быть можетъ подъ вліяніемъ долготы въ šić — šići; řycka въ луков. Spraw. V, 153 с. — ср. řyka; láska въ Сваженджѣ и

другихъ Rozpr. VIII, 86; IX, 155; XI, 154 c.; klátka Rozpr. VIII, 86 c., 193 c.; prácka Rozpr. VIII, 86, 193 cc.; d͡ź́átki Rozpr. IX, 156 c.; s$_{u}$öbótka, st$_{u}$ökrótka Rozpr. IX, 164 c.; śḿisny Rozpr. XI, 156 c., — вѣроятно, подъ вліяніемъ śḿich.

Въ нѣсколькихъ случаяхъ не находимъ удлиненія въ такомъ положеніи: matka, kačka, lepšyj, setnyj — въ Сважендзѣ; то же наблюдается порой и предъ звонкимъ согласнымъ: nožka (nozka, n$_{u}$öska) Rozpr. IX, 164 c., VIII, 189 c., zonka, kołko, przyjacołka Spraw. V, 154 c., jabłko Wisła IV, 447 c.; p$_{u}$óźny, zd$_{u}$ölny Rozpr. IX, 164 c.; sojka Rozpr. VIII, 189 c.

Анализъ приведенныхъ примѣровъ самъ по себѣ не можетъ дать твердыхъ выводовъ; съ одной стороны производныя стояли подъ вліяніемъ основныхъ или производныхъ съ иными суффиксами: nožka являлось подъ вліяніемъ noga, žonka (ср. каш. žonka), kołko, sojka — подъ вліяніемъ žona, koło, soja, p$_{u}$óźny (литературное późny) — ср. каш. pœzdny — подъ вліяніемъ poździe, pozdzić (ср. словарь Линде IV, 441 c.), zdolny подъ вліяніемъ zdołać, zdole ibid. VI, 988 c., jabko или jabłko ср. и каш. jabkœ подъ вліяніемъ jabłoń, jabłuszko, jabłonka и т. д.; слѣд. такимъ же образомъ matka, kačka (каш. matka, kaczka), если бы удлиненіе первоначально имѣло мѣсто и предъ глухимъ согласнымъ, могли получить краткость изъ mać, kaczór, kaczorowy, kaczica, setny изъ set g. pl.; gąska, cząstka (каш. gǫska, čǫstka при gąs, čąsc) могли получить долготу изъ gąsiór, gąsię, cząsteczka; такъ же каш. błotkœ, błotny стоитъ подъ вліяніемъ błoto, dłòtkœ подъ вліяніемъ dłòto и т. д. Пересмотръ всѣхъ примѣровъ былъ бы безполезенъ.

Съ другой стороны, если удлиненіе первоначально было ограничено положеніемъ предъ звонкимъ согласнымъ, то тѣсная ассоціація примѣровъ, какъ gǫbka, и примѣровъ, какъ gǫska, могла вызвать появленіе долготы и въ словахъ второго типа.

Такъ-какъ въ конечномъ закрытомъ слогѣ принципъ удлиненія предъ звонкимъ согласнымъ проведенъ вполнѣ ясно, то наиболѣе вѣроятнымъ мнѣ казалось бы именно предположеніе,

что первоначально принципъ этотъ имѣлъ значеніе и для внутреннихъ слоговъ.

Въ ф.ф. сравнительной ст. обнаруживается обычно вліяніе ф. положительныхъ: głębszy при głęboki, krótszy при krótki; prędszy при prędki, причемъ обѣ послѣднія формы быть можетъ стоятъ подъ вліяніемъ prędzej; въ формахъ — lepszy, większy, skępszy (отъ skǫpy) отсутствіе удлиненія нормально въ виду качества согласнаго, замыкающаго слогъ; первоначальная долгота, вѣроятно, сокращалась — подъ удареніемъ; то же въ mędrszy (отъ mądry), — вторичное удлиненіе не послѣдовало здѣсь, вѣроятно, въ виду того, что слогъ замыкаетъ группа -dr: если r получало удлиненіе или слоговой характеръ въ виду потери моры въ слѣдующемъ гласномъ, то измѣненіе это затѣмъ исчезало безслѣдно, такъ какъ r было отдѣлено отъ гласнаго согласнымъ d; само же d не измѣнялось въ виду выпаденія редуцированнаго гласнаго; ср. тоже въ viatr.

Что касается формы węższy при wązki, то она быть можетъ возникла подъ вліяніемъ образованій, какъ wężę 1 s. pr., zwężać; въ Сважендзѣ — vǫšy. Подробнѣе буду говорить о формахъ сравн. ст. въ третьей части работы, посвященной морфологіи сважендзскаго говора.

Отдѣльную группу образуютъ примѣры съ рефлексомъ долготы въ закрывшемся слогѣ, въ которыхъ удареніе находилось первоначально на слогѣ за редуцированнымъ гласнымъ ср. п. vápno — vopno въ Сважендзѣ и с. вáпно (бѣлор. вáпна), płótno — płutno въ Сважендзѣ и с. плáтно, р. полотнó; b́élmo въ зебржид. Rozpr. IX, 161 с.: р. бѣльмó. Сюда же, быть можетъ, относятся польскія формы именъ собирательныхъ, какъ ząpie при pęp, strącze при stręku gen. s., prącie при pręt, ḱv́ićе (Сважендзъ — при ḱv́at — ḱv́atu). По крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ такихъ формъ первоначально имѣли удареніе окончанія, которое затѣмъ или распространялось на иныя однородныя образованія или, наоборотъ, было вытѣсняемо подъ тѣми или другими вліяніями типомъ съ удареніемъ окончанія: ср. р. дубьé, звѣрьé и чакавскія: perjé, zeljé, zrnjé, zvirjé, lìšćè (gen. s. lìšćà и т. д.) при líšće, tŕnje, zŕnje, cvéće и gròzje, lìšće, pèrje, zȑnje.

Сербскія формы: дȳбље, прȳће, звӣјерје, можетъ быть, стоятъ подъ вліяніемъ дȳб — дȳба, прȳт — прȳта, звӣјере.

Въ словенскихъ grǫ́zdje, zę́ḷe — закрытое качество гласнаго указываетъ на то, что удареніе было на корнѣ.

Въ чешскомъ proutí (prut), doubí (dub), kvítí (květ), долгота

допускаетъ двоякое объясненіе: изъ положенія предъ удареніемъ и изъ восходящаго ударенія корня, получившагося вслѣдствіе потери моры въ слѣдующемъ слогѣ.

Болгарскій указываетъ на удареніе корня: дъ̀бие, дръ̀вие, кла̀сие, ло̀зие, ко̀лие, пъ̀ртие, гро̀здие, лѝстие, тръ̀ние.

Въ указанномъ положеніи: *dǫbьjé — старая долгота могла сохраняться въ польскомъ или въ силу того, что ее отдѣляли отъ слѣдующаго ударенія неполныхъ два слога, или же въ силу того, что сокращеніе долготы въ такомъ положеніи произошло уже послѣ того, какъ ъ, ь, если не выпали, то стали неслоговыми.

Что долгота въ такихъ примѣрахъ должна быть отдѣляема отъ вторичнаго польскаго удлиненія, показываетъ сербское сохраненіе долготы: с. ва́пно, пла́тно; также чешское plátno, vápno (ср. словацкое plátno, vápno) должно быть объясняемо изъ положенія долготы предъ удареніемъ.

Къ той же группѣ примѣровъ можно отнести формы gen. s. уменьшительныхъ, какъ dąbka, sączka, pączka и т. д., разсмотрѣнныя Лоренцомъ Arch. XIX, 352 с.: ср. р. дубка́, сучка́, пучка́ и т. д., с. ду́пка, голу́пка, стру́чка и т. п. Въ формахъ nom. s. также находимъ долготу: dąbek, sączek, pączek и т. д. Исключенія рѣдки: kłębek — kłębka — подъ вліяніемъ kłęba, kłebu и т. д. ср. каш. kłębk, pęczek, pępek, rzędek, sęczek — подъ вліяніемъ pęk, pęp, rzędu g. s., sęk; рядомъ и фонетическія — pączek, rządek, sączek, а pępek ср. съ с. пу̏пак — пу̏пка.

Изъ примѣровъ съ иными гласными ср. въ Сважендзѣ: v́onek, ṕosek, kv́otek, losek, gornek — параллели изъ другихъ говоровъ въ гл. 2. Можетъ быть, сюда же относится сважендзское storek. Форма nom. s. и gen. s. настолько тѣсно связаны, что, строго говоря, мы не можемъ рѣшить, фонетическаго-ли происхожденія та и другая форма: если форма nom. s. — фонетическая, то сохраненіе долготы въ ней объясняется положеніемъ предъ удареніемъ, другими словами и для п. dąbek, и для с. ду́бак, и для ч. doubek должно предполагать праформу *dǫbъ́къ; если удареніе первоначально находилось на конечномъ ъ, то оно уже въ очень

раннюю эпоху было перенесено на предшествующій слогъ; иначе приходилось бы думать, что долгота въ формѣ nom. s. стоитъ подъ вліяніемъ ф. gen. s. Въ этой послѣдней формѣ долгота можетъ имѣть различныя объясненія: 1) она сохранялась въ виду положенія предъ удареніемъ, отдаленнымъ отъ нея на неполныхъ 2 слога или же въ виду того, что сокращеніе долготы въ положеніи за два слога предъ удареніемъ произошло уже послѣ измѣненія ъ, ь въ неслоговые или выпаденія ихъ; 2) долгота получилась въ виду вторичнаго удлиненія, распространившагося со слоговъ, замыкавшихся звонкимъ согласнымъ, и на слоги съ глухимъ согласнымъ предъ ъ; 3) долгота въ формѣ род. п. возникла подъ вліяніемъ формъ им. п.

Лоренцъ Arch. XIX, 354 с. принимаетъ формы nom. s., какъ dąbek, за фонетическія, предполагая раннее перенесеніе ударенія въ *dǫbъkъ на предшествующій слогъ, и это пониманіе фактовъ кажется мнѣ въ высшей степени вѣроятнымъ. Въ формѣ gen. s. dąbka и т. п. Лоренцъ видитъ, наоборотъ, форму вторичную и предполагаетъ первоначальное отношеніе dąbek—dębka, признавая, что подтвердить такое предположеніе ничѣмъ нельзя. Мнѣ же оно кажется маловѣроятнымъ; изъ только что указанныхъ трехъ возможностей въ пониманіи формы dąbka и т. п. я остановился бы на первой — въ виду польскихъ vápno, płótno при с. bа́пно, плáтно. Вмѣстѣ съ тѣмъ законъ Лоренца: «въ предпослѣднемъ закрытомъ слогѣ носовой въ польскомъ является въ видѣ ą, если слогъ этотъ былъ ударяемъ,—въ видѣ ę, если удареніе было на окончаніи» 355 с. кажется мнѣ необоснованнымъ и неправильно формулированнымъ. Подъ удареніемъ долгота и въ какомъ нибудь *gǫbъka должна была сократиться такъ же, какъ и въ *mǫka или *dǫbъ, такъ-какъ, если бы положеніе въ слогѣ предъ ъ, ь задерживало сокращеніе, то такое задерживающее вліяніе слога съ ъ, ь — обнаруживалось бы и въ примѣрахъ, какъ — *kǫsъ (kęs), *stǫkъ (stęk), *pǫrъ (pęp), *vǫch (węch), *brátъ (brat), *čásъ (čas) и т. д., гдѣ слогъ оканчивался глухимъ согласнымъ.

Сократившаяся въ такомъ положеніи долгота, какъ и въ конечныхъ закрытыхъ слогахъ, возстановлялась въ виду измѣненія звонкаго согласнаго въ глухой; а такое измѣненіе происходило уже послѣ отпаденія и выпаденія ъ. Возстановленіе долготы въ слогахъ предъ звонкимъ согласнымъ распространялось и на параллельные случаи съ глухимъ согласнымъ. Въ случаѣ если удареніе было на окончаніи (*dǫbъká), вѣроятнѣе всего, старая долгота не сокращалась, но, если бы она сократилась, то была бы возстанавливаема вторичнымъ удлиненіемъ, какъ и въ gąbka; слѣд. форма типа dąbka во всякомъ случаѣ фонетическаго происхожденія, а аналогическаго развѣ въ такихъ примѣрахъ, какъ sączka. Лоренцъ же и въ dąbka или rzǫdka видитъ результатъ тѣхъ или другихъ аналогій 354 с. Считая фонетическимъ результатомъ въ примѣрахъ типа gąbka — ą, мы не имѣемъ права принимать за таковой же результатъ въ формахъ типа rządka — ę, какъ то дѣлаетъ Лоренцъ.

Въ кашубскомъ то же, что въ польскомъ, только nom. s. потерялъ свое e изъ ъ подъ вліяніемъ формъ косвенныхъ падежей: dǫbk — dǫbka, kǫsk — kǫska, kłǫbk — kłǫbka, krǫžk — krǫžka и т. п.

Примѣры сербскаго сохраненія долготы въ формахъ типа *dǫbъ́kъ (гла́сак, зу́бак, гра́шак и т. п.) см. у Лескина Untersuchungen 1885 г., 86 с. Относительно чешскаго (hrávek, časek, článek, dárek и т. д.) — въ указанной (въ I гл.) работѣ Махала; ср. и у Чернаго Výroční zpráva.... 1900 г., 4—5 сс.; въ словацкомъ dárok, článok, hrádok и т. п. По аналогіи hrávek, časek, dárek возникли въ чешскомъ и plůdek, drůbek, knůtek, růžek и т. п.

То же въ польскомъ: ср. въ зебржидовскомъ vózek при rovek, dołek Rozpr. IX, 164 с.; въ Сваженцѣ обычно сохраняется краткость: kotek, płotek, ftorek (dumek — съ u въ виду слѣдующаго m), какъ и въ большинствѣ другихъ говоровъ.

Въ иныхъ случаяхъ возможны иныя вліянія: такъ,—долгота въ upádek, przypádek могла явиться въ виду глагольныхъ формъ,

какъ upádać (напр. въ Свежендзѣ, Miejsk'oй Górk'ѣ Rozpr. IX, 116 с.); фонетически получилось бы upadek, przypadek ср. р. упáдокъ, припáдокъ. Въ положеніи предъ удареніемъ явилась долгота и въ сваж. ẏińec (р. вѣнéцъ — вѣнцá).

12. Вторичныя именныя, мѣстоименныя, глагольныя и иныя образованія.

Въ предыдущемъ изложеніи я обычно оставлялъ въ сторонѣ вторичныя именныя образованія, образованія мѣстоименныя, глагольныя и тому подобный грамматическій матеріалъ,—за исключеніемъ главъ, какъ 11, гдѣ этотъ матеріалъ неизбѣженъ, — въ виду его ненадежности: вторичныя именныя образованія стоятъ подъ вліяніемъ основныхъ, однѣ глагольныя формы—подъ вліяніемъ другихъ, въ прилагательныхъ могутъ быть смѣшаны акцентуативныя отношенія опредѣленной и неопредѣленной формы; такимъ образомъ, въ этомъ матеріалѣ приходится уже болѣе считаться съ вліяніями аналогіи, измѣняющей результаты чисто-фонетическихъ явленій, и ожидать меньшей закономѣрности.

Къ этому сорту фактовъ относятся примѣры, приведенные Лоренцомъ въ обоснованіе его положенія, что въ третьемъ отъ конца слогѣ носовой является долгимъ, разъ первоначальное удареніе лежало на предпослѣднемъ слогѣ Arch. XIX, 360 с.; очевидно, положеніе это въ болѣе общей формулировкѣ значитъ лишь: носовой является долгимъ въ положеніи предъ старымъ удареніемъ. —

dąbrowa: р. дубро́ва, дубра́ва, с. дȕбрава.

grządziel — grądziela: с. гре́дељ — гре́деља.

kądziel — kądziela: р. куде́ль — куде́ля, с. кȕђеља.

kąpiel — kąpiela: р. купе́ль — купе́ли.

rączyna при ręczyna: с. рȕчина.

grądzidło при grędzidło: р. грузи́ло.

gołąbię — gołąbięcia при gołębię — gołębięcia (= каш. gœłąbją): р. голубя́ — голубя́ти.

gąsie — gąsięcia: р. гуся́ — гуся́ти.
strączyna: с. стру̀чина.
dębina (= каш. dąbina): р. дуби́на.
dziesięcina: р. десяти́на, с. десѐтина.
gołębica: р. голуби́ца, с. голу̀бица.
miękina: р. мяки́на.
prężyna: р. пружи́на.
ср. еще pajęczyna: р. паути́на, но с. па̀учина.
zajęczyna, но р. за́ячина.

ак. Шахматовъ высказалъ предположеніе (Изв. VII, 316—317 с.), что *уже въ общесловянскомъ долгіе гласные сокращались предъ долгимъ ударяемымъ гласнымъ суффикса.*

Въ обоснованіе этого положенія ак. Шахматовъ указываетъ на сербское сокращеніе долгихъ гласныхъ предъ суффиксами съ долгимъ гласнымъ, установленное Лескиномъ Arch. XXI, 321 и сл., тогда-какъ предъ суффиксами съ ъ, ь и въ большинствѣ случаевъ съ о, е этого сокращенія не находимъ. Такъ-какъ гласный долгій суффикса находился подъ восходящимъ удареніемъ, слѣд. долженъ былъ въ сербскомъ сократиться, то сокращеніе предшествующаго коренного гласнаго предъ нимъ было бы непонятно, какъ сербское явленіе, замѣчаетъ ак. Шахматовъ.

Сокращеніе коренного гласнаго въ такомъ положеніи могло произойти въ эпоху до сокращенія восходящей долготы въ сербскомъ, но это еще не значитъ: — непремѣнно въ общесловянскую.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ак. Шахматовъ указываетъ и на чешскія: družina (впрочемъ краткость и въ druh), krupice, měřice при kroupa, míra.

Анализъ приведенныхъ польскихъ примѣровъ самъ по себѣ не даетъ твердыхъ результатовъ: dębina, miękina, prężyna, dziesięcina, golębica, pajęczyna, zajęczyna какъ разъ не могутъ имѣть значенія въ вопросѣ, такъ-какъ стоятъ подъ вліяніемъ — dęba, dębu и т. д. (ср. dębczak, dębczyna, dębianka, dębiasty, dębiany, dębica, dębiec, dębniak, dębnica), mięki, pręga, dziesięć, gołębia, gołębiu и т. д., pajęczy, zajęczy; также ręczyna могло возник-

нуть подъ вліяніемъ ręka, ręczny, ręczyć; gołębię — gołębięcia подъ вліяніемъ golębia; чередованіе grędzidło и grądzidło объясняется параллельнымъ существованіемъ grzęznąć при grząznąć; при словѣ kąpiel необходимо помнить глаголъ kąpać; обратныя — gąsięcia, gołąbięcia могли возникнуть подъ вліяніемъ формы nom. s. gąsię, gołąbię гдѣ сохраненіе долготы предъ ударяемымъ гласнымъ можетъ быть объяснено тѣмъ, что гласный этотъ — въ конечномъ открытомъ слогѣ очень рано сократился.

Остаются: grądziel — grądziela, kądziel — kądziela, но чешскій указываетъ въ этихъ случаяхъ на суффиксъ -el, а не -ělь: koudel—koudele, hřídel—hřídele; далѣе rączyna (ręka), которое однако стояло въ соотвѣтствіи съ (нефонетическимъ) rączka, и sąsiad.

Но и въ послѣднемъ примѣрѣ, въ виду его единичности, нельзя видѣть доводъ противъ мысли ак. Шахматова. Префиксъ są въ этомъ словѣ могъ стоять подъ вліяніемъ иныхъ аналогичныхъ образованій, хотя бы и исчезнувшихъ въ польскомъ.

Иныя образованія съ суффиксами, какъ cielęcina, przędziwo, jagnięcina, prosięcina, stępica, częstość см. Arch. XIX, 359 с. иллюстрируютъ правило, установленное въ 4 главѣ: долгота подъ удареніемъ сокращается (ср. р. теля́тина, с. jàгнетина, прàсетина, сту̏пица, пре̏диво).

Особо должны быть разсмотрѣны случаи, гдѣ долгимъ является въ силу положенія предъ удареніемъ не гласный корня, но гласный суффикса.

Сюда въ польскомъ относятся суффиксы -ář, -ák, -áč, -ál.

Производныя съ суффиксомъ -ar, какъ показываетъ сербскій и русскій, имѣли два типа ударенія: въ однихъ суффиксальное -а находилось первоначально въ положеніи предъ удареніемъ, въ другихъ — послѣ ударенія: ср. с. врàта̑р, глàва̑р, звjѐзда̑р, злàта̑р, звòна̑р, кр̀чма̑р, лѐка̑р, госпòда̑р; gen. s. — врата́ра, глава́ра, звjезда́ра, злата́ра и т. д. и — ри̏ба̑р, мли̏на̑р, пу̏шка̑р, пе̏ка̑р, пи̏са̑р при пѝса̑р; gen. s. ри̏ба̄ра, мли̏на̄ра, пу̏шка̄ра и т. д.

Въ русскомъ: звонáрь—звонаря́, главáрь—главаря́, косáрь—косаря́, пушкáрь — пушкаря́, но: пи́сарь, лѣ́карь, пе́карь.

Эти двѣ схемы могли затѣмъ слиться въ одну или же вліять одна на другую въ томъ или другомъ словянскомъ языкѣ; въ отдѣльныхъ случаяхъ замѣчается между отдѣльными языками разногласіе: ср. р. лѣ́карь съ с. лѐкâр — лекáра и малор. лікáр, чак. lekár—lekārá, с. пу̏шкâр и р. пушкáрь, с. мли̏нâр, но бѣлор. млинáръ.

Въ чешскомъ языкѣ отражается первоначальная двойственность: hvězdář — hvězdáře, krčmář — krčmáře, hospodář — áře, rybář — áře, mlynář — áře; въ этихъ примѣрахъ долгота сохранена въ виду положенія ā предъ старымъ удареніемъ (по крайней мѣрѣ въ косвенныхъ падежахъ, откуда она могла быть перенесена и въ nom. s.), хотя въ сербскомъ ри̏бâр; съ другой стороны — zvonař не смотря на русское звонáрь—я́ и с. звòнâр — звонáра, lékař — соотвѣтственно русскому лѣ́карь, puśkař ср. с. пу̏шкâр, pekař ср. р. пе́карь и с. пѐкâр, pisař ср. с. пи̏сâр и р. пи́сарь.

Въ этихъ, второго типа примѣрахъ краткость должна быть объясняема положеніемъ ā послѣ ударенія.

Словацкій проводитъ долготу и во второй типъ: mlynár, hviezdár, zvonár, krčmár, hospodár, rybár и — pekár, pisár, zvonár, lekár.

Въ польскихъ говорахъ также сохранились указанія на первоначальную двойственность.

Въ Сважендзѣ слышалъ я лишь формы съ рефлексомъ долготы: gospodoš — oža, kozloš — kozloža, skotoš — oža, lekoš — lekoža. Но, напримѣръ, въ говорѣ Krzęcina Rozpr. II s. XI, 341 с. находимъ при случаяхъ сохраненія долготы во всей схемѣ склоненія, какъ: „oknář — áře, stolář — áře, mųenář — áře, примѣры краткости въ косвенныхъ падежахъ: pisařa, pekařa, malařa, послѣднее слово заимствованное; первые два ср. съ р. пе́карь, пи́сарь, с. пѐкâр, пи̏сâр и ч. pekař, pisař. Долгота же въ формѣ им. п. — pekář, pisář — результатъ вторичнаго удлиненія въ закрытомъ слогѣ предъ r.

Сокращеніе въ косвенныхъ падежахъ, какъ и въ чешскомъ, должно быть объясняемо положеніемъ долготы (вѣроятно, нисходящей) послѣ ударенія.

То же ср. въ лясовскомъ говорѣ Rozpr. VIII, 83 с.: gospodář — ářa, řeźbář — ářa, stolář — ářa, krovář — ářa, но: ṕisář — pisařa, mynář — ařa, kuchář — ařa, ṕekář — ařa, łgár — ařa, lékář — ařa, karčmář — ařa.

Въ зебржидовскомъ Rozpr. VIII, 191 с.: stolář—ářa, ᵘovcář—ářa, gospodář — ářa, śv́iṅář — ářa, но: mynář — ařa, ṕekář — ařa, ṕisář — ařa.

Въ кашубскомъ, повидимому, типъ съ долготой обобщенъ: lèkôř — ôřa, pisôř — ôřa, młénôř — ôřa, stolôř — ôřa, karčmôř — ôřa, kuchôř — ôřa, kramôř — ôřa (заимствованное — ср. въ лясовскомъ говорѣ kraᵉmář — ařa, ч. kramář, с. кра̀ма̂р — крама́ра).

Суффиксъ — ač. Сербскій и русскій указываютъ на одинъ лишь типъ: съ первоначальнымъ удареніемъ окончанія: с. да̀ва̄ч — дава́ча, раси̏па̄ч — расипа́ча и т. п.; р. уса́чъ — усача́, рога́чъ — рогача́, кола́чъ — колача́ и т. п.

Въ чешскомъ въ виду правила о сохраненіи долготы предъ старымъ удареніемъ: boháč, koláč, oráč, roháč и т. д. (словац. boháč, koláč, oráč и т. д.). То же въ польскомъ и кашубскомъ:— ср. сважендзскія rogoč, groč, bogoč и аналогичные примѣры въ другихъ говорахъ rogoᵘč, kᵤołoᵘč, groᵘč въ Miejsk'ой Górk'ѣ, Rozpr. IX, 117 с., tkác, kᵘołác, grác, bᵘogác въ лясовскомъ Rozpr. VIII, 83 с. и др. см. II гл. 105 с.

Въ кашубскомъ — у Рамулта: bajôč, kœłôč, grôč, tkôč.

Суффиксъ -ak. Въ сербскомъ два типа: съ удареніемъ флексіи или корня: ру̂дња̂к, ӱ̏ја̂к, ки̏ја̂к, ли̏ња̂к и т. п. и ши̏ша̂к, лѐжа̂к, кр̀жа̂к и т. .

Въ русскомъ лишь первый типъ: простакъ, рыба́къ, земля́къ, моря́къ и т. д.; gen. s. простака́, рыбака́ и т. д. То же въ чешскомъ, словацкомъ, польскомъ, кашубскомъ: гласный -ā суффикса предъ удареніемъ сохраняется долгимъ: ч. junák, rybák, žebrák,

spěvák, chudák, husák и т. д., словацк. junák, chudák, tesák и т. п.; сважендзскія — žebrok, robok, polok, rybok, łajdok, b́ijok, ćelok, d͡źećok, kurčok, pśok; то же въ иныхъ говорахъ ср. II гл.; каш. bjèdôk, rébôk, robôk, kurčôk и т. д.

Суффиксъ -al. Въ сербскомъ два типа: бо̏га̑љ, гу̏ба̑љ, ку̏са̑љ и т. п. и 2) дрòзда̑љ, мр̀ка̑љ и т. п.

Въ русскомъ суффиксъ очень рѣдокъ и встрѣчается лишь съ удареніемъ суффиксальнаго гласнаго: ср. кова́ль—коваля́, враль. Въ чешскомъ ср. nosál. Въ польскомъ всюду долгота во всѣхъ падежахъ: сваж. kovol—kovola, лясовск. k^{u}ovál, moskál, drôgál, guorál Rozpr. VIII, 83 c.; зебржид. kovál, górál, drǫgál, vǫsál, moskál, въ gen. s. — ála. Типъ съ краткимъ -a не засвидѣтельствованъ. Въ кашубскомъ: kœvôl, vǫsôl, mœskôl,—gen. s. — ôla.

Въ древне-польскомъ ср. czubaacz, przebiwaacza, jednaaczem, pyssaarz Семен. 16 с.

Анализъ сложныхъ суффиксовъ, какъ -áček, -ášek — ср. напримѣръ въ лясовскомъ говорѣ Rozpr. VIII, 83 c.—v^{u}ojácek, ptásek или въ Łukowcu Spraw. V, 152 c. chłopácek, fruktásek и. т. п. — не представляетъ интереса, такъ какъ суффиксы эти стоятъ подъ вліяніемъ простыхъ: v^{u}ojácek подъ вліяніемъ v^{u}oják, ptásek подъ вліяніемъ pták; затѣмъ такой суффиксъ -ášek или -áček могъ быть переносимъ и на слова, не имѣвшія производныхъ съ суффиксомъ -ák.

Правило о сохраненіи долготы предъ старымъ удареніемъ иллюстрируется и такими примѣрами, въ которыхъ «наклоненный» гласный относится къ префиксу: ср. въ Сважендзѣ примѣры, какъ norut: с. на́род, р. наро́дъ; zokun: с. за́кон, р. зако́нъ; zochut: с. за́ход; въ Krzęcinie: návoz: р. наво́зъ; nápařtek: р. напе́рстокъ; zábawa: р. заба́ва, с. за́бава; zámek: р. замо́къ; zádatek: р. зада́токъ Rozpr. II s. XI, 341; въ опольск. zá^{u}leśe: р. залѣ́сье; ná^{u}prawa: с. на́права; ná^{u}přód: р. напере́дъ, с. нàпре̑д Ueber d. opp. M. 10 c.; въ Miejsk. Górk'ѣ: zo^{u}połka, zo^{u}ćerka, zo^{u}sługa, zo^{u}sufka Rozpr. IX, 119 c. Въ др.-польскомъ: zaakonnich Семен. 16 с.

То же — въ кашубскомъ: nôpřòd, nôròd, zôgarda, zôgòn, zôchòd, zôkòn, zômk и т. п.

Въ чешскомъ: zábava, záduch, záchvat, záplata, nástava, národ, nárok, zákon и т. п.; въ словацкомъ: nárok, národ, zástava, zákon и т. д.

Если вѣрна гипотеза ак. Шахматова, что старая долгота въ положеніи предъ долгимъ ударяемымъ гласнымъ сокращалась уже въ общесловянскомъ, то фонетическими дóлжно признать только тѣ изъ приведенныхъ примѣровъ, въ которыхъ гласный корня кратокъ: zākon, nārod и т. п. Изъ этихъ примѣровъ долгота могла быть перенесена и въ такіе случаи, какъ zābava, zāsluga. Такъ-какъ всѣ примѣры такого рода тѣсно ассоціировались въ одну группу, то взаимное вліяніе ихъ было неизбѣжно.

Долгота первоначально долгихъ гласныхъ предлога переносилась и на первоначально краткіе гласные: ч. dů̄kaz, dů̄chod, spů̄sob.

ср. ак. Шахматовъ «Объ общихъ явленіяхъ въ греческомъ и славянскомъ удареніяхъ» 2 с. Сборникъ статей въ честь проф. Корша.

Въ иныхъ случаяхъ долгота являлась подъ вліяніемъ аналогіи въ польскомъ въ положеніи, гдѣ она не могла сохраниться: въ Сважендзѣ: zoduch ср. с. за̏ду̑х; въ говорѣ с. Krzęcina Rozpr. XI, 341 с. — zápowédź ср. р. зáповѣдь и с. за̏пови̑д, nálezy śe ibid. ср. с. налѐжати се — налѐжи̑м се; záviść (напр. опольское Opp. M. 10 с.) соотвѣтствуетъ с. зáвист при р. зáвисть, кашубское zôpis ср. съ с. зáпис, но р. зáпись.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ изслѣдователи отмѣчаютъ краткость первоначально долгаго гласнаго предлога: zaspómoga, zaku̯ad, zakrę^{n}t Krzęc. 341 с. — ср. р. заклáдъ, с. зáклад. Эти случаи, должно быть, фонетическія: zaspómoga изъ *zaspomóga; второй и третій примѣры быть можетъ — въ виду закона, принимаемаго ак. Шахматовымъ.

Такъ-какъ вліянія аналогіи въ данной категоріи несомнѣнны, то анализъ каждаго отдѣльнаго случая не имѣетъ интереса.

Замѣчу лишь, что въ такихъ примѣрахъ, какъ dlo mńe (Сва-

жендзъ) долгота могла получиться въ виду положенія гласнаго въ закрытомъ слогѣ внутри сочетанія предъ m; отсюда долгота могла переноситься и въ иныя положенія, какъ dlo ńego (Сваженджъ). Въ др.-польскомъ ср naan изъ nā-nь = in eum, ną́ń, zą́ń, dlą Семен. 16, 27 сс.

Во флексіи долгота является въ instr. s.: syné́m, drzevé́m, polé́m; dat. pl. synóm, drzevóm, głovám; въ gen. pl. synóv, polóv (флексія -óv въ говорахъ переносится въ имена средняго и даже женскаго рода); ср. въ др.-п. woleem, brateem instr. s., synoow g. pl. synoom dat. pl. Семен. 18, 20 сс. Въ этихъ случаяхъ долгота явилась вслѣдствіе вторичнаго удлиненія.

Въ dat. pl. fem. въ современномъ языкѣ -ám (-um Сваж.), въ др.-п. -aam: mąszatkaam Семен. 16 с.; флексія находилась въ извѣстныхъ словахъ въ положеніи послѣ ударенія (ср. р. жа́бамъ, с. жа̏бама) и вѣроятно сохраняла долготу гласнаго (повидимому восходящую: ру́ки — рука́мъ, с. ру̑ке — ру́кама), въ другихъ — подъ удареніемъ сокращалась (р. хвала́мъ, с. хва́лама). но въ виду слѣдующаго согласнаго въ закрытомъ слогѣ получало удлиненіе; ср. въ кашубскомъ -ōm Bronisch 55 с., въ чешскомъ и словацкомъ -ám. Instr. pl. и loc. pl. fem. въ современныхъ говорахъ оканчивается на -ami, -ach (напр. въ Сваженджѣ) ср. въ кашубскомъ -āmï, -ăch, съ рефлексомъ краткости -a Bronisch 55 с. Въ древне-польскомъ -āmi, -āch: robotaami, dzedzynaami, syostrą́mi, ranaach, godzynaach Семен. 16 с. Въ чешскомъ и словацкомъ -ami при -ámi, -ách. Вѣроятно, древне-польскія -āmi, -āch, возникли въ положеніи послѣ ударенія и затѣмъ были переносимы на иные случаи, гдѣ гласный -a находился подъ удареніемъ и слѣд. долженъ былъ сократиться. Быть можетъ, вліяли также примѣры, какъ sądzaach Семен. 16 с., гдѣ ā получилось изъ стяженія. То же толкованіе должно быть приложено къ словацкому -āmi при -ami и -āch, такъ-какъ восходящая долгота (ср. р. рука́ми при ру́ки) подъ удареніемъ здѣсь, какъ и въ польскомъ, сокращается. Въ современныхъ польскихъ говорахъ типъ chvalámi, chvalách̆ъ очевидно одержалъ верхъ и -ămi, -ăch

вытѣснило -āmi, -āch, возникшія въ примѣрахъ типа žábāmi, žábāchъ.

Въ чешскомъ и въ примѣрахъ типа chvalámi, chvaláchъ долгота суффикса должна была сохраниться; chvālámi должно было дать chvălámi, но такъ какъ коренное a было долгимъ въ иныхъ падежахъ, то долгота его поддерживалась и въ данной формѣ; оттого, быть можетъ, сократилось второе ударяемое -a; получившееся такимъ образомъ -ami могло быть переносимо и на другіе случаи.

Долгое — a является далѣе въ др.-п. въ nom. s. f.: sprawá, rąká, wyná, slyachtá Prace Fil. II 1, 131 с. и въ gen. s. m.-n.: krolą, occzą=patris, obyczają, myeszyóczaą, dyablą, bogą, paną, roką, Rzijmą, Egyptą, lupiestwą, prawą Семен. 26 с.; то же въ nom.-acc. pl. n. — slová; polyá Prace Fil. II 1, 132 с. Въ этихъ случаяхъ др.-п. долгота скорѣе всего — фактъ графическій: приведенные примѣры явились подъ вліяніемъ параллельныхъ формъ nom. s., какъ sądzaa, braczaa, panoszaa, burzaa Семен. 15 с., и формъ nom. pl., gen. s. n., какъ polozenyą, pokolenyaa, zbauenaa = salutis ibid.; въ формахъ gen. s. аналогія сперва могла захватить имена ср. р., какъ polyá, pravá, lupiestwą, затѣмъ распространилась и на формы мужескаго рода.

Долгое — e является въ др.-польскомъ въ флексіи gen. s. fem.: rolee, braczee, pusczec Семен. 20 с.; въ dat. s. f. komorzee ibid.; въ loc. s. m.-n.: dworzee, lyeczyee ibid.; nom.-acc. pl. f.: przythczee, sądzee, czyesszee, rolee ibid., loc. pl.: lyeczeech, grodzeech ibid. 21 с.

Флексія — e въ gen. s., nom.-acc. pl. именъ темы -ja въ древне-польскомъ соотвѣтствуетъ древне-русской флексіи этихъ именъ — ѣ. Въ нѣкоторыхъ говорахъ, какъ лясовскій, она сохранилась до сихъ поръ ср. Rozpr. VIII. 129 с.: ze studńe, z kuzńe, v°ole gen. s., z fra°ncyje; въ другихъ, какъ свяжендзскій, замѣнилась флексіей -i, подъ вліяніемъ ф. gen. s. góry, żeny и т. п.

Долгота этого -e въ braczee, sądzee объясняется стяже-

ніемъ, по аналогіи она распространяется и на такія имена, какъ rola, puszcza, такъ же, какъ и въ формахъ nom.-acc. s.

Флексія — ′ēch въ loc. pl., вѣроятно, обязана сохраненіемъ долготы въ ě положенію послѣ ударенія. Съ теченіемъ времени она была вытѣснена флексіей -a темъ: -ach.

Единичные примѣры долготы въ dat. s. komorzee и loc. s. dworzee, lyeszec врядъ ли имѣютъ фонетическое значеніе.

Лось Prace Fil. II 1, 134 с. приводитъ нѣсколько примѣровъ флексіи -ǫ́ch въ древне-польскомъ въ формахъ loc. pl., — съ ǫ́=ó: luzǫ́ch, moczǫ́ch. Эта загадочная флексія врядъ ли не результатъ вліянія dat. pl. на -om: mężóm, końóm, polóm; отношеніе krovamъ: krovachъ, *synъmъ: *synъchъ вызвало, быть можетъ, panochъ или krajochъ, polochъ при panomъ, krajomъ, polomъ; такъ какъ въ послѣднихъ формахъ — o — являлось долгимъ вслѣдствіе вторичнаго удлиненія, то долгота эта могла быть перенесена и на новое -och.

Въ области чешскаго языка -och также встрѣчается не только въ говорахъ словацкихъ, гдѣ ъ измѣняется въ o, но и въ моравскихъ ср. Gebauer Hist. Ml. III 1, 61 с.

Въ мѣстоименномъ склоненіи долгота является въ формахъ личныхъ мѣстоименій: já, vás, nás, vám, nám (въ Сважендзѣ jo, vos, nos, vum, num) ср. эти формы напр. въ лясовскомъ говорѣ Rozpr. VIII, 136, 137 сс. и др. см. 107 с.

Происхожденіе долготы въ já, вѣроятно, объясняется вторичнымъ удлиненіемъ, явившимся въ *jazъ ср. Beitr. VIII, 224 с.; такъ можно думать въ виду словацкой краткости: -ja; вообще же показанія отдѣльныхъ языковъ не сходятся, и происхожденіе данной формы неясно: с. jâ не соотвѣтствуетъ чешскому já. Быть можетъ, двойственность ударенія формы явилась вслѣдствіе двойственности ея употребленія: энклитическаго и самостоятельнаго; въ чешскомъ долгота въ такомъ случаѣ могла сохраниться при энклитическомъ употребленіи — предъ удареніемъ. Въ кашубскомъ также долгота: jô. То-же обстоятельство могло играть роль въ развитіи формъ nás, vás, nám, vám: польскому nás, vás

ср. др.-п. nąsz Семен. 28 с.=nos,—соотвѣтствуетъ и словацкая, и чешская долгота: nás, vás, но въ сербскомъ — nâc, vâc; если согласныя показанія польскаго, словацкаго и чешскаго возводить къ Ф. *nāsъ́, vāsъ́, то сербская форма получилась такъ же, какъ и форма грӣjех (при gen. s. гријѐха) — изъ *grěchъ́. Но возможно и то, что чешско-словацкія и польскія формы — результатъ сохраненія старой долготы въ виду извѣстнаго отношенія къ ударенію въ энклитическихъ сочетаніяхъ. Въ кашубскомъ рефлексъ краткости: nās, vās Bronisch 65 с.

Сербскія формы на̏ма, ва̏ма, если онѣ вѣрно отражаютъ первоначальныя акцентуативныя отношенія, гармонировали бы чешскимъ nám, vám, но изъ первоначальнаго восходящаго ударенія коренного гласнаго необъяснимы словацкія nám, vám и польскія nám, vám (др.-п. naam, vaam Семен. 15—16 сс.) ср. каш. nõm Bronisch 65 с. Въ этихъ языкахъ долгота могла сохраниться въ виду сохраненія ея въ энклитическихъ сочетаніяхъ, въ польскомъ и кашубскомъ также въ виду вторичнаго удлиненія.

Польское sám (сваж. sum, параллели изъ другихъ говоровъ см. на 107 с.), др.-п. sąm Семен. 28 с., каш. sôm, быть можетъ получило долготу вслѣдствіе вторичнаго удлиненія, ибо въ открытомъ слогѣ краткость — sama, samo, каш. sama, samo; однако сербскій и русскій указываютъ на первоначальное ударѐніе окончанія: с. са̑м — са́ма, са́мо, р. самъ — сама́ — само́.

Чешско-словацкія формы: (sám)—sama, samo также не соотвѣтствуютъ показаніямъ русскаго и сербскаго языковъ.

Въ польскихъ формахъ притяжательныхъ мѣстоименій — mój, tvój, svój — вторичное удлиненѐ.

Въ др.-польскомъ въ соотвѣтствіи современному, напр. сваженд̀скому, naš находимъ *nāš: nąsch, nąscha, nąschych Семен. 28 с. Не рѣшаю, имѣютъ ли эти факты фонетическое значеніе или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ современная польская и кашубская формы соотвѣтствуютъ краткостью гласнаго русскимъ и сербскимъ показаніямъ: р. нашъ — на́ша — на́ше, с. на̏ш — на̏ша,

нa̋ше; но въ чешскомъ противъ ожиданія — naše при náš, vaše при váš (словацкое náš, váš).

Общепольское który (ср. опольское ktory Ueber opp. M. 16 с.) сохранило быть можетъ результатъ вторичнаго удлиненія въ формѣ *ktōrъ.

Вторичнымъ же удлиненіемъ до́лжно объяснять долготу въ káżdy, сваж. koždyj (ср. др.-п. kaaszdi Семен. 17 с.); происхожденіе долготы въ żádny (сваж. žodnyj) ср. др.-п. ząd̨nego = nullius Семен. 28 с. не вполнѣ ясно, такъ-какъ неясна этимологія слова. Миклошичъ Etymol. Wört. 409 с. считаетъ польское żádny заимствованіемъ изъ чешскаго žádný, а это послѣднее ставитъ въ связь съ корнемъ žęd-, но такое объясненіе врядъ ли пріемлемо. Въ польскомъ — żádny и żądny по значенію строго различаются, а въ чешскомъ žádny скорѣе звуковое совпаденіе двухъ различныхъ словъ, чѣмъ одно слово съ двумя значеніями.

Удачнѣе этимологіи Бругмана Indog. F. V, 375. Вѣроятно, п. żádny — вслѣдствіе вторичнаго удлиненія.

Что касается формъ téch, tém, témi у изслѣдователя лясовскаго говора Rozpr. VIII, 137 с., то я сомнѣваюсь въ вѣрности ихъ написанія у автора: формы эти соотвѣтствуютъ старо-словянскимъ тѣхъ, тѣмъ, тѣми; въ другихъ говорахъ, какъ напр. въ Сважендзѣ, находимъ tych, tym, tymi — по аналогіи dobrych, -ym, -ymi. Вѣроятно, и формы лясовскія слѣдуетъ писать съ y. Такъ же непонятны мнѣ лясовскія mojéch, mojém, mojémi вмѣсто mojich, mojim, mojimi ibid. 138 с.

Обращаюсь къ формамъ прилагательныхъ.

Первоначальные типы формъ прилагательныхъ, на которые указываетъ сербскій: бла̑г — бла́га — бла́го, ма̑л — ма̑ла — ма̑ло, пу̏н — пу̏но — пу̏но, — въ словянскихъ языкахъ болѣе или менѣе смѣшались. Соотвѣтствующіе типы полныхъ прилагательныхъ также оказали взаимное вліяніе другъ на друга; быть можетъ, этимъ объясняется сербское би̏јелӣ при бије́ла — бије́ло и обратно — ду̀гӣ, мѐкӣ при ду̏г — ду̏га — ду̏го, мѐ̏к, мѐ̏ка, мѐ̏ко. Но какъ бы ни объяснялось это различіе между формами полными и краткими относительно ударенія, взаимное вліяніе тѣхъ и другихъ формъ нарушало первоначальныя отношенія. Та-

кимъ образомъ, въ показаніяхъ отдѣльныхъ словянскихъ языковъ уже не находимъ строгаго соотвѣтствія: ср. р. с-полна́, полна́, полно́ при по́лный (и по́лно) и с. пу̏н — пу̏на — пу̏но, р. стара́ — старо́ при ста́рый и с. ста̏р — ста̏ра — ста̏ро, р. толста́ при то́лстый и с. ту̏ст — ту̏ста — ту̏сто, р. мягка́ при мя́гко, мя́гкій и с. мѐк — мѐка — мѐко. Мы видимъ, что показаніямъ сербскихъ краткихъ формъ иногда болѣе соотвѣтствуетъ русская полная форма, чѣмъ краткая; чешскія husto adv., hustý, tup — tupa — tupo, slep — slepa — slepo — slepý не гармонируютъ сербскимъ слијѐпа — слијѐпо, ту́па — ту́по, гу́ста — гу́сто и русскому густо́й (гу́сто), слѣпа́ — слѣпо́й (но слѣ́по), тупа́ — тупо́й.

Въ польскомъ находимъ съ рефлексомъ долготы:

báły (Сваж. bołyj) см. 110 с., ср. Семен. biaal 17 с.: р. бѣла́ (но бѣ́лый), с. би̏о — бијѐла — бијѐло.

śv́ižyj Сваж.: р. свѣжа́, свѣжо́ (но свѣ́жій), ч. svěží.

čórnyj Сваж. и др. см. 110 с., каш. čôrny: р. черна́, черно́, с. цр́на, цр́но, словацкое čierný.

stáry въ Łukowcu Spraw. V, 152 с., stàra Семен. 59 с., каш. stôri, вопреки с. ста̏р — ста̏ра — ста̏ро и р. ста́рый при стара́.

mo^{u}rtvy см. 110 с.: р. мертва́, мертво́, но ме́ртвый.

krótki (krutki Сваж.): р. коротка́, но коро́ткій, с. кра́так.

Наоборотъ, съ рефлексомъ краткости: —

сваж. śḿałyj: р. смѣ́лый, смѣ́ло adv., ч. směle adv., smělý.

сваж. levyj, каш. levy: с. љ̏јевӣ, р. лѣ́вый, лѣ́во.

сваж. ṕešyj, с. пј̏еше, р. пѣ́ше, пѣ́шій.

сваж. ślepyj, каш. slepœ, slepy: р. слѣ́по adv. но — слѣпа́, слѣпо́й, с. слијѐпа — слијѐпо, чеш. slep, slepý.

сваж. twardyj: с. тврд́а, тврд́о, но р. тве́рдо, тве́рдый.

сваж. połnyj — с. пу̏н — пу̏на — пу̏но, но р. с-полна́, полно́ при по́лно, по́лный.

cały Rozpr. VIII, 72 с., но cáły Spraw. V, 151 с.: р. цѣ́лый, но с. ц̏ијел — цијѐла, цијѐло (ц̏ијелӣ, ц̏ијела̂, ц̏ијело̂).

п. gęsty, каш. gąsti: р. гу́сто, но густо́й; с. гу́ста — гу́сто, ч. husto adv. hustý.

п. kręty, каш. krąti: р. крутóй, но кру́то, с. кру́та — кру́то.

сваж. młody, каш. młodi: р. молода́, молодóй, но мóлодъ, мóлодо, с. мла́да — мла́до.

п. święty, каш. swiąti: р. святóй, но свя́то, с. све́та — све́то.

п. tęgi, каш. tądźi: р. тугóй, но ту́го, с. ту́га — ту́го.

п. tępy, каш. tąpœ: р. тупóй, но ту́по, с. ту́па — ту́по.

п. częsty, каш. čąsti: р. ча́стый, ча́сто, но с. че́ста — че́сто.

сваж. zdrovyj, каш. zdrowœ; р. здорóво при здóрово, здорóвый, с. здра̏в — здра̏ва — здра̏во.

п. mięki: р. мя́гкій, мя́гко adv., с. мȅк — мȅка — мȅко.

Чтобы покончить съ прилагательными, остается замѣтить, что измѣненіе употребляющагося для образованія превосходной степени -naj- въ náj- т. е. nāj (сваж. noj-) обусловлено переходомъ стараго і въ неслоговое: потеря слогового качества въ і отразилась удлиненіемъ предшествующаго слога.

Въ формахъ числительныхъ: jedyn изъ jedьnъ, др.-п. jedęn Семен. 29 получило ē (é, y) вслѣдствіе вторичнаго удлиненія. Др.-п. dwą т. е. *dwā Семен. 26 с. въ отдѣльномъ употребленіи врядъ ли — фонетическая форма; она, быть можетъ, существовала въ энклитическомъ употребленіи или въ сложномъ *dvänāśće, если ударение падало на слѣдующій слогъ.

Въ формахъ др.-п. piączinąscie Семен. 28 с., современныхъ jedynośće, dvanośće, tšynośće и т. д. (Сважендзъ ср. параллели въ другихъ говорахъ на 106 с.) — о изъ á — ā получилось или въ виду удлиненія а въ формахъ dvanadesęte и т. д. вслѣдствіе выпаденія слѣдующаго слога или въ виду стяженія: dvanadesęte> *dvanaesęte *> dvanaeste > dvanāśće ср. с. једàнаест, два́наест, три́наест, а въ говорахъ једàнēс, два́нēс, три́нēс, напр. въ сараевскомъ, дубровницкомъ Rad 121, 203 с.; 65 т. 156 с. 174 с. Если а въ dva — въ сложномъ dvanāśće было долгимъ въ виду положенія предъ ударениемъ, то оно или сокращалось въ виду долготы ударяемаго слога, или же краткость являлась изъ Ф. dva въ отдѣльномъ употребленіи.

Въ порядковыхъ: въ др.-п. wtoore Семен. 19 удлиненіе воз-

никло въ Ф. vtorъ; современное čvárty (Сважендзъ — čvortyj, Miejsk. G. čwo^{n}rty Rozpr. IX, 119 и др. ср. 2 гл.) получило долготу не фонетически, такъ-же, какъ и piąty, szósty, siódmy, ósmy: подъ вліяніемъ *vъtorъ́, šestъ́, sedmъ́, osmъ́ получили ударе́ніе окончанія и četvьrtъ, pętъ (ср. р. второ́й, шесто́й, седмо́й, восьмо́й при тре́тій, четве́ртый, пя́тый); въ такихъ, полученныхъ нефонетическимъ путемъ, условіяхъ могла сохраниться долгота и въ čvárty, piąty. Подъ обратнымъ вліяніемъ pętъ́, četvьrtъ́, также vъtorъ́ могла явиться долгота въ šósty, śódmy, ósmy; въ силу тѣхъ же вліяній находимъ долготу и въ dzieviąty, dziesiąty.

Въ формахъ нарѣчій: tero, zaro или teroų, zaroų долгота объясняется удлиненіемъ въ terāz, zarāz ср. Beitr. VIII, 224 с.; то же въ dźiśo изъ dźiśāj, др.-п. dzyszya Семен. 27 с., др.-п. thakoosz Семен. 19 с., въ союзахъ choćoš (изъ choćāž), др.-п. yakoosz Семен. 19 с.

Закончу обзоръ грамматическаго матеріала глагольными образованіями.

Глагольнымъ образованіямъ съ носовымъ въ корнѣ посвятилъ отдѣльную главу своего изслѣдованія Лоренцъ Arch. XIX, 366—375 сс. Приведенный имъ матеріалъ въ общемъ подтверждаетъ основные законы развитія польской долготы: подъ ударе́ніемъ старая долгота сокращается, предъ ударе́ніемъ сохраняется.

Остановлюсь на инфинитивныхъ образованіяхъ съ иными гласными въ корнѣ. Односложные infinitiv'ы, какъ vléc, rość, mŕeć и т. д. были уже разсмотрѣны въ 10 главѣ.

Изслѣдователи отмѣчаютъ инфинитивныя формы третьяго и четвертаго, изрѣдка второго класса съ рефлексомъ долготы въ коренномъ гласномъ ср. Rozpr. VIII, 82, 189 сс.; IX, 155, 124 сс.; XI, 152—153 сс.; II s. V, 374 с; XI, 340 с. Spraw. V, 151 с. и другія.

Приведу тѣ изъ нихъ, параллели которымъ можно легко указать въ другихъ словянскихъ языкахъ, опредѣляющихъ первоначальное мѣсто ударенія.

dávać Rozpr. XI, 152 с.: р. дава́ть, с. да́вати.

gádać Сваж.: р. гада́ть.

kázać Сваж.: р. с-каза́ть, по-каза́ть и т. п., с. ка́зати; ср. отглагольное существительное kázańe. Сваж.

látać Rozpr. II s. XI, 340 с.: р. лета́ть (правильнѣе: лѣтать), с. лиjѐтати.

máv́ać Rozpr. IX, 155 с., rozmáv́ać Spraw. V, 151 с.: м.-р. розмовля́ти, б.-р. размовля́ць.

ⁿögrádzać Rozpr. IX, 155 с : р. ограждáть.

náprav́ać Rozpr. XI, 152 с.: р. направля́ть.

pomágać Сваж.: р. помага́ть, с. пома́гати.

přeguńać Сваж.: р. прогоня́ть.

skákać Сваж.: р. скака́ть, с. ска́кати.

zarábać Rozpr. IX, 155 с.: б.-р. заробля́ць.

bádać Rozpr. IX, 155 с.: с. ба́дати (съ инымъ значеніемъ).

ł́ámać Wisła IV, 447 с.: р. лама́ть.

upádać Сваж.: р. упада́ть.

ź́évac (ź́ivać) Сваж. р. зѣва́ть, с. зиjѐвати.

ƀylić (sic т. е. ƀilić изъ ƀélić) Mat. i prace I 1, 56 с.: р. бѣли́ть, с. бијѐлити.

chváĺić Сваж.: р. хвали́ть, с. хва́лити.

páĺić Сваж.: р. пали́ть, с. па́лити.

vábić Rozpr. IX, 155 с.: с. ва́бити.

udáv́ić śe ibid.: р. удави́ться, с. уда́витисе.

sádź́ić Сваж.: р. сади́ть, с. са́дити.

gžyšyć (т. е. grzéšyć) Сваж.: р. грѣши́ть, с. грiјѐшити.

kłóć́ić (kłućić) Сваж.: р. колоти́ть.

młóć́ić (młyć́ić) Сваж.: р. молоти́ть, с. мла́тити.

vr„óć́ić Rozpr. IX, 121 с.: р. вороти́ть.

ličyć (изъ léčyć) Сваж.: р. лѣчи́ть.

ųłyčyć (изъ vłóczyć) Сваж.: р. волочи́ть.

stšylać (изъ strzélać) Сваж.: р. стрѣля́ть.

Такимъ образомъ, и инфинитивныя формы, повидимому, подтверждаютъ правило о сохраненіи долготы предъ удареніемъ;

ср. и др.-польскіе примѣры, какъ: nàkàrmić (р. накорми́ть), dáwáć (р. дава́ть), ukàzàć (р. указа́ть), rozmnážác (р. размнажа́ть) Семен. 59 с.

Наоборотъ, краткость въ формахъ: ḿeć Сваж., uḿeć, ḿeżyć ibid., b̀egać, ch̀ć̀eć, ć̀ešyć, vygadovać, przykazovać Rozpr. II s. XI, 340 с.—въ виду положенія первоначально долгаго гласнаго подъ ударе́ніемъ: ср. р. имѣ́ть, умѣ́ть, мѣ́рить, бѣ́гать, хотѣ́ть (польская ф. изъ chъtěti), тѣ́шить, выга́дывать, прика́зывать.

Отступленія немногочислены: páchnǫć Сваж.: р. па́хнуть; gńévać śe Сваж.: р. гнѣ́ваюсь; płákać Spraw. V, 151 с.; съ другой стороны: dźelić: р. дѣли́ть, śpešyć: р. спѣши́ть Rozpr. IX, 124 с.; śed͡źeć Сваж.: р. сидѣ́ть; ǫbe̋sać Сваж.: р. обѣща́ть; ср. въ примѣрахъ Лоренца: dosięgać ср. р. досяга́ть, tępić — р. тупи́ть, ręczyć śe — wręczyć ср. р. (по)ручи́ться, вручи́ть, swięćić — р. свяги́ть, dębić — р. дуби́ть, szczęd͡źić — р. щади́ть, gęszczyć — (с)густи́ть, miękczyć — р. мягчи́ть, okręglić — р. округли́ть, jęczeć — с. jéčati, miękczeć — р. мягча́ть, tępieć — р. тупѣ́ть, zgęścieć — р. густѣ́ть.

Нѣкоторыя изъ этихъ исключеній легко объясняются вліяніемъ родственныхъ именныхъ образованій: tępić — подъ вліяніемъ tępy, ręczyć — подъ вліяніемъ ręka, święćić — święty, gęszczyć — gęsty, miękczeć — mięki, jęczeć — jęk, dosięgać — sięgu gen. s.

Вообще взаимное вліяніе глаголовъ одного и того же класса нарушало первоначальныя отношенія: подъ вліяніемъ kázać, gádać, źévać и т. д. могло явиться gńévać (śę), płákać, подъ вліяніемъ ḿeřyć, ćešyć — явилось быть можетъ śpešyć, dźelić.

Не знаю, какъ объяснить др.-п. -āć, ′ēć въ такихъ примѣрахъ, какъ spaacz=dormire, daacz=dare, braacz=sumere, kazaacz=jubere, poslaacz = mittere, zalowaacz = accusare Семен. 13 с., myeecz=habere ibid. 19 с. На первый взглядъ является мысль, что въ древне-польскомъ еще не сократилась восходяще ударенная долгота (с. да̏ти, бра̏ти, спа̏ти), но такое предположеніе было бы слишкомъ мало обосновано: въ примѣрахъ долготы въ имен-

ныхъ образованіяхъ этой мысли благопріятствовали бы др.-п. czásu Семен. 30 с. (с. ча̏с), plączem ibid. 27 с. (с. пла̏ч), мѣстоименіе nąsz 28 с. (с. на̏ш), но примѣры эти единичны и рядомъ съ ними—laas; prooch, rzeecz ср. с. лӣjec, рӣjеч, пра̂х (р. по́рохъ).

Полагаю, что ā въ данныхъ формахъ явилось нефонетически: въ формахъ daacz, spaacz, braacz — подъ вліяніемъ stāć, dźāć, lāć и т. п., гдѣ ā — изъ стяженія; въ Ф.Ф. kazaacz, poslaacz — подъ вліяніемъ глаголовъ типа dělati, plákati и т. п., гдѣ суффиксальное a находилось за удареніемъ и, вѣроятно, сохранялось долгимъ, такъ-какъ было восходяще-долгимъ: на это указываютъ сербскія Ф.Ф. спа̏ти, бра̏ти, косвенное указаніе даютъ и формы дје̏лати, при̏гати, бри̏згати и т. п. при ка́зати—ка̂жѣм, ска́кати—ска̂чѣм и т. п.; различіе между этими двумя типами глаголовъ объясняется тѣмъ, что въ kazati коренной гласный представлялъ долготу нисходящую, гласный же суффикса — восходящую; вслѣдствіе этого происходило перенесеніе ударенія, параллельное перенесенію его въ *bordá при *bórdǫ (удареніе корня въ сербской Ф. ка̂жѣм и т. п. — подъ вліяніемъ 2 и 3 л.); наоборотъ, въ при̏гати коренной гласный представлялъ долготу того же типа, что и -a суффикса; оттого перенесенія ударенія не было; параллельныя отношенія въ глаголахъ IV класса ср. въ русскомъ: зо́лото—золоти́ть, по́рохъ — пороши́ть, го́родъ — городи́ть, го́лосъ — голоси́ть (ср. и го́лодъ — голода́ть), но — моро́зъ — моро́зить, горо́хъ — (о)горо́шить.

Въ современныхъ польскихъ говорахъ первоначальная двойственность: dělati и *pisáti сгладилась въ пользу второго типа: въ Сважендзѣ, напр.,—znać, grać, čytać, pisać и — dźałać, płakać.

Факты, аналогичные указаннымъ древнепольскимъ и, вѣроятно, одного съ ними происхожденія встрѣчаемъ въ говорахъ: ср. bolе́ć, śedźе́ć въ прашницкомъ Spraw. V, 80 с. — р. боле́ть, сиде́ть. Формы эти могли явиться подъ вліяніемъ формъ типа vidětь, гдѣ ě послѣ ударенія сохранялось долгимъ. Въ Сважендзѣ и здѣсь одержалъ побѣду типъ — bolěti: vidźeć, какъ и boleć, umieć и т. п.

Съ точки зрѣнія ак. Шахматова, принимающаго сокращеніе долготы въ положеніи предъ *долгимъ* ударяемымъ слогомъ, приведенныя инфинитивныя формы съ рефлексомъ долготы въ корнѣ не могли сохранить эту долготу фонетически: вліяли родственныя образованія, гдѣ коренной долгій гласный находился предъ краткимъ ударяемымъ слогомъ, — въ данномъ случаѣ формы настоящаго времени: skākáti не измѣнилось въ skăkáti въ виду вліянія skāčǫ̆; chvālĭti получилось подъ вліяніемъ chvălǫ̆; конечно, изъ gādáti должно было получиться gădać, такъ какъ форма наст. времени gādájǫ также должна была измѣниться въ gădājǫ; но требовать сохраненія этого различія между gādáti и skākáti мы не въ правѣ, такъ какъ gādāti стояло подъ вліяніемъ перваго типа: skākāti, kāzāti и др. Во всякомъ случаѣ нѣкоторыя изъ вышеприведенныхъ отступленій являются съ этой точки зрѣнія фактами фонетическими: ǫobesać ср. obѣщáть—obѣщáю, dosięgać: досягáю, miękczeć: мягчáю, tępieć: тупѣю, zgęścieć: густѣю.

Вообще же польскій языкъ не говоритъ ясно ни за, ни противъ гипотезы ак. Шахматова; формы praesens'a и infinitiv'a въ немъ въ отношеніи количества не разнятся: brunić (brónić) — bruńe 1 s. pr., kázać—káže, chválić—chvále Сваж., ciągnąć—ciągnę, męczyć—męczę, sępić—sępię и т. д. Иное—въ кашубскомъ; я не могу здѣсь входить въ подробное изслѣдованіе кашубскаго «Verbal-Ablaut», какъ онъ является въ діалектѣ Heisternest'a по Броншу 56 и сл.: полезно прежде всего собрать больше матеріала изъ другихъ говоровъ, для того, чтобы получить правильное представленіе объ этомъ явленіи; но не могу не замѣтить пока, что въ нѣкоторыхъ кашубскихъ фактахъ мысль ак. Шахматова, повидимому, находитъ себѣ прямое подтвержденіе. Обычная схема кашубскаго Ablaut'a такова: infin. и imperat. представляютъ краткій гласный корня, остальныя формы — долгій.

Противоположность: chrōnić — chrŏńŏ, pšĭsac — pšišŏ, vrōcëc — vrŏcŏ, kąsëc — kǫšŏ, skakac — skŏčŏ, kāzăc — kŏžŏ — прекрасно соотвѣтствуетъ мысли ак. Шахматова.

Въ формѣ imperativ'a краткость вмѣсто ожидаемой долготы могла бы быть объяснена вліяніемъ повелительныхъ же формъ множ. числа.

Во всякомъ случаѣ, если кашубскій Ablaut обязанъ своимъ возникновеніемъ тѣмъ условіямъ, на которыя указываетъ гипотеза ак. Шахматова, то первоначальныя отношенія нарушены вліяніями аналогіи: подъ вліяніемъ střēlić — střēlŏ явилось — střēlăc — střēlāǯŏ вм. střēlaǯo, затѣмъ gādăc — gôdaǯŏ вм. gādaǯŏ; наоборотъ, подъ вліяніемъ такихъ фонетическихъ отношеній, какъ mëslëc — mëslŏ, явилось sēdzēc — sēdzŏ вм. sēdzŏ, а отношенія типа střēlic — střēlŏ проникли и въ глаголы съ первоначально краткимъ гласнымъ: žēnīc — žēńŏ.

Не буду долго останавливаться на анализѣ другихъ глагольныхъ формъ, какъ причастныя; онѣ отчасти стоятъ подъ вліяніемъ формъ infinitiv'a и praesens'a; отчасти же допускаютъ тѣ же объясненія, что и послѣднія. Такъ, формы partic. praet. act. на — ł въ глаголахъ типа čytáti, bolĕti должны были имѣть -a, -ĕ краткимъ (сократившимся подъ удареніемъ); въ формѣ муж. р. — a, ĕ, получили вторичное удлиненіе: čytoų — čytała, boloų — bolała въ Сваж. Въ тѣхъ же формахъ отъ глаголовъ типа plákati, vídĕti гласный -a, -ĕ первоначально, вѣроятно, былъ дологъ во всѣхъ формахъ: płakāł — płakāła — płakāło; если теперь находимъ — płakała, płakało, то формы эти явились при płakāł подъ вліяніемъ отношеній čytāł — čytała — čytało.

Долгота въ partic. praet. pass.: др.-п. daan, daana, znaan, myaan, pisaan и т. п. Семен. 13—14 сс. могла явиться отчасти въ зависимости отъ тѣхъ же условій, что и въ иныхъ формахъ тѣхъ же глаголовъ, отчасти въ положеніи предъ удареніемъ: ср. дана́, дано́. Затѣмъ происходили въ томъ или другомъ направленія уравненія (Ausgleichungen).

Вообще долгота въ глагольныхъ формахъ нерѣдко должна быть объясняема аналогіей рядомъ стоящихъ глагольныхъ же образованій: др.-п. maayą 3 pl. Семен. 13 с. безъ сомнѣнія явилось подъ вліяніемъ maasz, maa т. е. māsz, mā, быть можетъ

только графически. Въ современномъ языкѣ — напр. въ Сважендзѣ jiš, ji, jimy, jiće ср. лясовск. jés, jé, jémy, jéće Rozpr. VIII, 158 с. возникли при jim (jém) подъ вліяніемъ параллельныхъ отношеній: mám: máš, má и т. д. То же въ vìš, vi, vìmy, vìće при vìm (лясовское: vém, vés, vé, véva, véta, vémy, véće ibid.).

Болѣе детальный анализъ такихъ фактовъ отлагаю на послѣднюю часть работы, посвященную морфологіи сважендзскаго говора.

13. Къ хронологіи явленій.

Предшествующее изслѣдованіе привело насъ къ слѣдующимъ результатамъ.

1. *Старая долгота подъ первоначальнымъ ударéніемъ въ открытомъ слогѣ сокращается въ польскомъ и кашубскомъ, равно какъ и въ словацкомъ, независимо отъ качества ударенія* (ср. тезисъ 1 Лоренца).

2. *Старая долгота въ открытомъ слогѣ предъ ударéніемъ сохраняется въ польскомъ и кашубскомъ, какъ и въ чешско-словацкомъ и сербскомъ, если ударяемый слогъ кратокъ.*

3. *По отношенію къ долготѣ, находившейся предъ долгимъ ударяемымъ слогомъ, вопросъ не можетъ быть рѣшенъ съ увѣренностью, но въ виду нѣкоторыхъ фактовъ* (кашубскій Verbal-Ablaut) можно считать вѣроятнымъ, что краткость въ польскихъ примѣрахъ, какъ — mięk̇ina, prężina, gołębica могла быть и фонетическаго, а не аналогическаго происхожденія, и что слѣд. *можно предполагать для польскаго и кашубскаго сокращеніе старой долготы въ данномъ положеніи.* 2-е и 3-е положенія вносятъ поправку въ 3 тезисъ Лоренца.

4. *Старая долгота въ слогѣ, не непосредственно предшествующемъ ударенію въ польскомъ и, вѣроятно, въ кашубскомъ, какъ и въ сербскомъ и чешскомъ, сократилась* (ср. 5 тезисъ Лоренца).

5. *Старая долгота въ открытомъ слогѣ послѣ ударенія отчасти сохранялась, отчасти сокращалась, вѣроятно въ зависи-*

мости отъ качества ея: сохранялась долгота восходящая послѣ ударенія (f-tyn čos при čas = с. час) ср. 6 тезисъ Лоренца.

Относящійся къ положенію долготы послѣ ударенія 8 тезисъ Лоренца — не обоснованъ, такъ-какъ иллюстрирующіе его два примѣра: rajęczyna и zajęczyna (с. па̀учина, р. за́ячина), какъ признаетъ самъ Лоренцъ 363 с., могутъ быть объясняемы вліяніемъ прилагательныкъ rajęczy, zajęczy.

6. *Старая долгота въ открытомъ конечномъ слогѣ сокращена въ польскомъ и кашубскомъ, какъ и въ сербскомъ и чешско-словацкомъ* (ср. 10 тезисъ Лоренца).

7. *Новая долгота получается въ результатѣ стяженія гласныхъ.*

8. *Первоначально краткіе гласные вообще остаются въ открытомъ слогѣ краткими.* Отступленія отъ этого правила представляются не вполнѣ ясными по своему происхожденію. Возможно, что удлиненію подвергались краткіе гласные подъ восходящимъ удареніемъ, какъ и въ чешскомъ, въ большинствѣ же случаевъ удлиненіе — аналогическаго происхожденія.

9. Въ конечномъ (новомъ-) закрытомъ слогѣ на мѣстѣ старой долготы находимъ долготу лишь въ томъ случаѣ, если слогъ замыкается звонкимъ или сонорнымъ согласнымъ, въ противномъ случаѣ — краткость. Такъ какъ въ тѣхъ же условіяхъ находимъ долготу на мѣстѣ первоначальной краткости, то естественно говорить не о сохраненіи долготы въ данномъ положеніи, но о вторичномъ удлиненіи сократившейся долготы. Слѣд.—*Старая долгота въ (новомъ) закрытомъ конечномъ слогѣ сокращалась, какъ и въ открытомъ, въ польскомъ и кашубскомъ, еще до отпаденія ъ, ь.*

10. *Какъ исконно-краткіе, такъ и исконно-долгіе, но сократившіеся, гласные подвергались вторичному удлиненію въ положеніи предъ сонорнымъ или звонкимъ согласнымъ въ конечномъ закрытомъ слогѣ въ польскомъ и кашубскомъ.* 9 тезисъ Лоренца, игнорирующій качество согласнаго, является, такимъ образомъ, неточнымъ.

11. *Во внутреннихъ закрытыхъ слогахъ старая долгота, вѣроятно, сохранялась въ польскомъ и кашубскомъ, какъ и въ сербскомъ и чешско-словацкомъ, если удареніе слѣдовало за слогомъ съ ъ, ь (plātьnó).* 4 тезисъ Лоренца, основанный на предполагаемомъ имъ *rzędka, въ противоположность дѣйствительнымъ фактамъ языка (rządka, kąska и т. п.), — невѣренъ. Ср. выше XI гл, 184 с.

12. *Во внутреннихъ закрытыхъ слогахъ подъ удареніемъ первоначальная долгота въ польскомъ и кашубскомъ, вѣроятно, сокращалась, какъ и въ открытыхъ (еще до выпаденія ъ, ь).*

13. *Исконно-краткіе и исконно-долгіе, но сократившіеся гласные во внутреннихъ закрытыхъ слогахъ подвергались вторичному удлиненію въ тѣхъ же условіяхъ, что и въ конечномъ закрытомъ слогѣ, но аналогія распространила здѣсь удлиненіе и на параллельныя образованія съ глухимъ согласнымъ, замыкавшимъ слогъ* (ср. 2 тезисъ Лоренца, не предполагающій однако первоначальной зависимости отъ качества согласнаго).

Такому удлиненію должны были подвергаться и долготы, сократившіяся въ положеніи послѣ ударенія. 7 тезисъ Лоренца, основанный на одномъ лишь pięnięędzmi не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ на одномъ примѣрѣ звуковые законы основывать нельзя.

Указанныя явленія не представляютъ, конечно, фактовъ одной и той же эпохи. ак. Шахматовъ считаетъ сокращеніе исконно-долгихъ гласныхъ въ конечномъ открытомъ слогѣ, далѣе сокращеніе ихъ во второмъ отъ ударенія слогѣ къ началу слова и въ положеніи предъ долгимъ ударяемымъ слогомъ — явленіями общесловянской эпохи. Изв. VIII, 313, 314, 317 с., — такъ-какъ то же находимъ и въ сербскомъ, и въ чешскомъ языкѣ.

Предположеніе это вполнѣ возможно, хотя и не необходимо: сходныя явленія могутъ происходить независимо въ отдѣльныхъ языкахъ, а рядъ новыхъ долготъ въ конечномъ открытомъ слогѣ,

на который указываетъ ак. Шахматовъ, при сокращеніи старой, не ведетъ неизбѣжно къ такому предположенію, такъ какъ и въ жизни сербскаго языка должно предполагать различныя эпохи; въ одну изъ нихъ, болѣе раннюю, могла старая долгота сокращаться, въ другую, болѣе позднюю, возникли новыя долготы.

Къ эпохѣ, несомнѣнно спеціально польской, вѣрнѣе польско-кашубской, относится сокращеніе старой долготы подъ удареніемъ.

Словацкое и діалектическое чешское (моравское) сокращеніе восходящей долготы, можетъ быть,—явленіе спеціально чешско-словацкой жизни, болѣе позднее сравнительно съ сокращеніемъ нисходяще-ударяемой долготы.

Къ спеціальной польско-кашубской эпохѣ можетъ относиться и сокращеніе долготы въ извѣстныхъ условіяхъ послѣ ударенія, хотя бы условія эти и совпадали съ условіями такого же сокращенія въ чешскомъ.

Если принимать удлиненіе исконно-краткихъ гласныхъ подъ восходящимъ удареніемъ, то удлиненіе такое, быть можетъ, представляло діалектическое явленіе въ общей жизни западнословянскихъ языковъ.

Наконецъ, къ эпохѣ польско-кашубской относится вторичное удлиненіе въ конечныхъ и внутреннихъ закрытыхъ слогахъ предъ сонорными или звонкими согласными, такъ какъ условія эти спеціально — польско-кашубскія и такъ-какъ выпаденіе и отпаденіе ъ и ь вѣроятнѣе всего отнести къ эпохѣ особной жизни словянскихъ языковъ.

Кіевскій Миссалъ общей картиной употребленія ъ, ь даетъ право думать, что старо-словянскіе первооригиналы (второй половины IX вѣка) еще не знали ни вокализаціи, ни выпаденія и отпаденія ъ, ь.

Это положеніе не мѣшаетъ собственно относить предполагаемую ак. Шахматовымъ мѣну качества ударенія предъ слогомъ съ ъ, ь хотя бы даже къ общесловянской эпохѣ: — измѣненіе стараго качества ударенія могло произойти уже въ силу

измѣненія рефлексовъ индо-европейскихъ ŭ, ĭ въ редуцированные ъ, ь.

Остается еще вопросъ: какъ понимать долготу въ формахъ płāšč, grzēch и т. п., bogāč, rybāk и т. п.

Предполагая фонетическое ея происхожденіе, мы должны думать, что въ эпоху сокращенія старой долготы подъ удареніемъ, удареніе въ этихъ формахъ падало на конечный ъ, ь: krōlь, grěchь; перенесеніе ударенія на коренной слогъ произошло позже.

Но въ такомъ случаѣ формы типа dǫ̑bъkь фонетически должны были дать dǫ̑bek т. е. dębek: первое ъ суффикса находилось въ закрытомъ слогѣ и потому доходило вѣроятно до полной краткости, слѣд. носовой долженъ былъ такъ же сократиться, какъ онъ сокращался въ *tęgotá, какъ сокращалось а въ batogá или сочетаніе eŗ въ *vertenó (vrzeciono). Итакъ форму dąbek приходилось бы объяснять вліяніемъ косвенныхъ падежей. Однако мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ очень раннее ослабленіе конечныхъ ъ, ь и перенесеніе ударенія на предшествующій слогъ: съ этой точки зрѣнія — формы типа dąbek представляются фонетическими: dǫ̑bъkь измѣнилось въ dǫ̑bь̑kъ̑ раньше, чѣмъ наступило сокращеніе въ случаяхъ, какъ *vertenó; dǫ̑bь̑kъ̑ фонетически дало dąbek; различіе въ количествѣ коренного гласнаго въ формахъ — *bātog изъ *bātógъ̑ и batoga изъ *bātogá должно было очень рано стереться, раньше чѣмъ возникло различіе типа sād — săda въ силу вторичнаго удлиненія.

При этомъ предположеніи формы grěch, płāšč, rybāk и т. п. должны объясняться вліяніемъ косвенныхъ падежей: grēchá, płāščá, rybākа: при сравнительной малочисленности словъ этого типа было бы понятно исчезновеніе отношеній — grěchъ̑ — grēcha еще въ ту эпоху, когда не наступило вторичное удлиненіе, и когда рядомъ стояли отношенія исключительно одного типа: brătъ̑ — brăta, gădъ̑ — găda.

Дополненія и поправки.

Къ 5 с., 4—5 строки. Точнѣе, — къ эпохѣ польско-кашубской. Если бы долгота изъ стяженія получилась въ болѣе раннюю, напр. об.-зап.-словянскую эпоху, то она подъ удареніемъ сократилась бы въ польскомъ (znāš, čytāš и т. п.).

Къ 9 с., 28 стр. Въ формахъ noьažej, novencej-e является открытымъ, вѣроятно, въ виду того, что j явилось въ нихъ позже эпохи удлиненія въ конечномъ закрытомъ слогѣ.

Къ 11 с., 33 стр. Сербскія Ф.Ф. на -еп, быть можетъ, стоятъ подъ вліяніемъ формъ, какъ зѐлен, злâѣен. То-же въ словинскомъ.

Къ 11 с., 34 стр. Должно отмѣтить др.-п. Ф.Ф., кавъ ѣеѣу, mera, seno, однако при syano, myasto «О др.-п. яз.» 76 с.; написанія эти ослабляютъ увѣренность въ доисторическомъ происхожденіи измѣненія ѐ въ ′а, но не совершенно ее уничтожаютъ: такіе факты могли явиться подъ вліяніемъ родственныхъ Ф.Ф. съ ′е изъ ѐ предъ мягкимъ слогомъ.

Къ 15 с., 15 стр. Впрочемъ это замѣтилъ и самъ проф. Брандтъ ср. его рецензію на II ч. «Лекцій» Флоринскаго 1900 г. 50 стр.

Къ 15 с., 16 стр. Съ гипотезой Лоренца ср. мысль проф. Брандта въ статьѣ о польскомъ ѣ въ Сборникѣ статей въ честь Ф. Ѳ. Фортунатова (206—209 сс.): въ ′а измѣнялось лишь краткое ѐ. Мысль — неудачна: ср. gvázda, gnázdo, vánek, kvátek и т. д.

Глава 3 II части настоящаго изслѣдованія не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что долгота въ nom. s. gvázda — фонетическая

и не можетъ быть объясняема вліяніемъ loc. s., какъ дѣлаетъ проф. Брандтъ: если въ loc. s. старая долгота сохранялась, то она не могла сократиться въ nom. s.; акцентуативныя отношенія были одинаковы въ nom. и loc. s.

Къ 19 с., 14 стр. Zbiór VIII, 249 с.

Къ 20 с., 17 стр. łużko, łuno (18 стр.)—конечно съ точки зрѣнія сважендзскаго говора, измѣнившаго ó въ u.

Къ 43 с., 13 и слѣд. Написанія cołkom, dobrom, vodom и т. д. не точны; лучше: cołko^{u}m, dobro^{u}m и т. д.

Къ 45 с., 17 стр. Польское начальное ro, ło явилось изъ начальныхъ группъ *or, *ol съ нисходящей долготой: ср. п. rola и слов. rȃl — ralĩ, п. rost и с. рȃст — рȃста, п. łodźi gen. s. и с. лȃ̯ђа, п. łokieć и с. лȃкат̑.

Въ такихъ случаяхъ находимъ ro, lo и въ чешскомъ, лужицкомъ, русскомъ.

Наоборотъ, польское ra, ła въ началѣ слова — изъ *or, *ol съ восходящей долготой: ср. п. radło и с. ра̏ло, ч. rádlo; п. ramię и с. ра̏ме, ч. rámě, п. łakomy и с. ла̏ком; п. łabądź и с. ла̏буд. Въ русскомъ, чешскомъ, лужицкомъ въ этихъ случаяхъ также ra, la. г. Эндзелинъ (Сборникъ статей въ честь Ф. Ѳ. Фортунатова 535—572 сс.) находитъ невѣроятнымъ объясненіе различія количества начальныхъ сочетаній: ra, la и ro, lo — различіемъ качества ударенія въ праславянскомъ: почему благодаря вліянію восходящаго ударенія сочетаніе aĩ дало ra лишь въ началѣ слова?—ср. п. krova при ramię.

Онъ полагаетъ, что въ праслов. были ār, ȃl съ долготой въ a, полученной изъ индоевропейскаго, рядомъ съ ȁr, ȁl. Однако невѣроятнымъ представляется сохраненіе ā въ дифтонгическихъ сочетаніяхъ долгимъ уже для литовско-словянской эпохи; для словянскаго ср. совпаденіе āi̯, āu̯ съ ăi̯, ău̯.

Въ литовскомъ въ соотвѣтствіи п. ramię, rataj, łaknąć (с. ла̏ком, ра̏ме) находимъ àrms, artójis, álkstu, какъ и kárve, szálmas ср. п. krova, с. кра̏ва.

Къ 48 с., 16 стр. Вопросъ, являлось ли o въ начальномъ ro

первоначально долгимъ, какъ внутри слова, трудно съ увѣренностью рѣшить, въ виду недостаточнаго числа примѣровъ съ ro въ положеніи предъ удареніемъ: ср. róść изъ rostí, но rokita = р. ракúта, с. рàкита; rob ср. съ чак. ròb — ròba, слов. rǫ́ba, но р. рабá, с. рòба; въ rola, rost, łokieć сочетаніе ro, ło находилось подъ удареніемъ и слѣд., если и было съ ō, то должно было его сократить (малор. рóля при ріля́, р. рóста g. s., с. ла̑кат). Въ łódź, równy, różny — вторичное удлиненіе.

Начальныя ra, la являлись, вѣроятно, съ ā; ra, ła получились вслѣдствіе сокращенія ā подъ удареніемъ: radło = р. рáло, с. ра̑ло; ramię = с. ра̑ме; rataj = р. рáтай; łakomy = с. ла̑ком; łabądź = ла̑буд; łań = р. лань — ла́ни.

Къ 48 с., 29 стр. Сважендзское tłuʸc сюда не относится: оно изъ *tъltjь: ср. с. ту́ћи, м.-р. товчи́.

Къ 63 с., стр. 25 и сл. Точнѣе ṕerun, żuna, iḿuna, какъ говорятъ лица, чуждые литературному вліянію.

Къ 63 с., 31 стр. Форма ǫ́sęc въ такомъ случаѣ — нефонетическая: быть можетъ подъ вліяніемъ косвенныхъ ф.ф. ǫ́sełka, ǫ́sełku и т. д. при nom. s. ǫ́sołek.

Къ 68 с., 10 стр. Выраженіе «*закрытый* слогъ» всюду употребляю въ смыслѣ: *новый закрытый* т. е. получившійся вслѣдствіе выпаденія между согласными ъ, ь.

Къ 74 с., 34 стр. Впрочемъ серб. стѐгно — сте̑гна указываетъ на праформу съ e, а не ь въ корнѣ.

Къ 79 с., 6 стр. Въ примѣрахъ oḱinko, ṕosynka суффиксъ -inko, -ynka неорганическій, перенесенный изъ примѣровъ, какъ płaténko, studźénka (studьnъ).

Къ 79 с., 21 стр. Вмѣсто zar слѣдуетъ читать raz, фонетически ros; dar извѣстно, какъ слово литературное, обычно говорятъ podarunek; sąd, zął звучатъ, конечно, — sunt, zump.

Къ 83 с , 2 стр. По поводу suḱinko ср. то, что выше сказано объ oḱinko. 4 стр.: jaǵńe — неправильно; вѣрнѣе jagńe.

Къ 85 с., 7 стр. Слѣдуетъ читать wezmę вм. wiezmę.

Къ 88 с., 12 стр. łużko съ сважендзской точки зрѣнія изъ łóżko.

Къ 97 с., 34 стр. Въ данномъ случаѣ имѣются въ виду Beiträge zur Kunde der indogerm. Sprachen Bezzenberger'a.

Къ 98 с., 23—24 стр. Вопросъ не можетъ быть рѣшенъ, пока не собрано больше примѣровъ, гдѣ въ чакавскомъ является восходящее долгое удареніе. Чакавское král врядъ ли отражаетъ об.-слов. восходящее, какъ думаетъ ак. Шахматовъ Изв. III, 1 и сл. VI, 339 и слѣд., въ виду русскаго коро́ль. И русское коро́ль, и чак. král получились вслѣдствіе перенесенія ударенія съ конечнаго ь, перенесенія быть можетъ даже не об.-словянскаго.

Сомнѣваюсь и въ архаичности восходящаго ударенія въ чак. mlátiš и р. моло́тишь. Формы молочу́, молоти́ть показываютъ, что коренной слогъ представлялъ первоначально нисходящую долготу, ср. штокавское мла̑тиш. Не вхожу въ объясненіе этого факта, но параллельное слов. klátiš ср. съ такими словинскими фактами какъ sẹ̑dem, bȋjem, stânem — шток. сјѐдем, би̏јем, ста̏нем или mǫ́rem, mę́lem, tǫ́nem при р. могу́ — мо́жешь, мелю́ — ме́лешь, тону́ — то́нешь ср. что говоритъ объ этомъ Вальявецъ Rad CXXXII, 155 с.

Къ 99 с., 25—26 стр. Точнѣе bǫgâ, kǫ́ža.

Къ 111 с., 30 стр. Приводя чакавскія параллели, пользуюсь работой Неманича «Čakavisch-kroatische Studien. Accentlehre», 1884 г., причемъ знакъ ′ обозначаетъ долготу безъ опредѣленія ея качества.

Къ 141 с., 25—26 стр. Если п. и слов. ф.ф. указываютъ на нисходящую долготу послѣ ударенія, то ч. jeřáb, jestřáb получились вслѣдствіе того, что нисходящая долгота измѣнилась въ восходящую въ виду потери моры въ слѣдующемъ слогѣ; въ словацкомъ ф.ф. nom. s. подчинились вліянію остальныхъ.

Къ 154 с., 6 стр. Относительно слов. mǫ́rem, tǫ́nem — ср. выше дополнительное замѣчаніе къ 98 стр.; ч. můžeš сопоставляетъ въ послѣднее время со слов. mǫ́rem Pedersen Kuhn's Zeitschrift. 1902 III, 303—304 сс.

Къ 156 с. и слѣд. Къ вопросу о чешскомъ удлиненіи. Можетъ явиться мысль, что въ bo̍g̑ъ — bo̍g̑a въ nom. s. въ виду

потери моры являлось bŏ̯ŭ̯g, и отсюда удлиненіе — bûh; въ другихъ же примѣрахъ удлиненіе это исчезло подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей. Однако не странно ли, что въ словацкомъ оно исчезло во всѣхъ случаяхъ этой категоріи, а въ словахъ типа kôń изъ koń всюду сохранилось.

Къ 164 с., 15 стр. Долгота въ lāt, mȃst новая, ничего общаго не имѣющая со старымъ удлиненіемъ въ закрытомъ слогѣ, въ результатѣ котораго a измѣнялось въ ô.

Къ 169 с., 16 стр. см. Rešetar «Die Betonung....» стр. 159: gīnūt, umŭknūt.

Къ 171 с., 4 и слѣд. Быть можетъ, слѣдуетъ считать русскія ф.ф., какъ мо́лятъ при молю́, тя́нутъ при тяну́, указаніемъ на нисходящее качество долготы -ǫ, ę, но вмѣстѣ съ тѣмъ принимать измѣненіе его въ восходящее въ виду потери моры въ слѣдующемъ слогѣ.

Къ 178 с., 13 стр. Сюда же могутъ быть отнесены примѣры, какъ prǫ́tje = с. пру́ће (пру̏т), lístje = с. ли̏шће (ли̏ст), tŕńe см. Rad CXXXII, 159 с. Сопоставляя эти примѣры съ приведенными на 174 с. vlás, mǫ́ž, прихожу къ убѣжденію, что мысль ак. Шахматова о необходимости отличать по качеству старое восходящее отъ восходящаго, получавшагося изъ стараго нисходящаго въ приведенныхъ случаяхъ, вѣрна. Старое восходящее сокращалось въ сербскомъ и словинскомъ, новое по крайней мѣрѣ въ словинскомъ и, вѣроятно, и въ чакавскомъ (líśće, prúće Arch. XVII, 197 с.) сохранялось, какъ долгое восходящее. Въ чешскомъ и старая восходящая, и новая восходящая изъ нисходящаго сохранялись.

Подъ вліяніемъ литературнаго правописанія въ фонетическую передачу звуковыхъ комплексовъ вкрались въ нѣкоторыхъ случаяхъ неточности. Такъ, порой пропущенъ знакъ смягченія при согласномъ въ положеніи его предъ i: 9 с., 22 стр. zopołki вм. zopołki, ibid. 23 стр. zovistny вм. zovistnyj; 20 с., 17 стр.

čłynki вм. čłynki; 23 с., 32 стр. zminić вм. źmińić, sić — sići вм. śić — śići; 78 с., 24 стр. u̯ogiń, marchvi, brukvi вм. u̯ogiń, marchvi, brukvi.

Вмѣсто принятаго мною знака v вкралось въ нѣсколькихъ случаяхъ литературное w: 10 с., 4 стр. — kworta вм. kvorta; 44 с., 13 стр. ẃeⁱɒkšyj вм. veⁱɒkšyj; ibid. 32 с. ẃǫzać вм. vǫzać; ibid. 34 с. ẃęⁿźeńe вм. vęⁿźeńe.

Вм. ž — литературное rz: 79 с., 21 стр. morze вм. może. Наоборотъ, въ нѣсколькихъ случаяхъ фонетическое правописаніе проникло въ передачу литературныхъ формъ:

25 с., 7, 8, 10 строки: dźesiąty, dźeviąty, dźevięcioro, dzieviętnascie вм. dziesiąty, dziewiąty, dziewięcioro, dziewiętnascie.

78 с., 24 стр. въ написаніяхъ ľiu — ľnu значокъ смягченія — лишній.

Изъ замѣченныхъ опечатокъ отмѣчу важнѣйшія:

Страница.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно:*
8	22	źmijou̯	źmijou̯
9	21	nażędzie	narzędzie
10	4	alkeš	alkeš
19	33	stłuc chodny	stłuc, chodny
24	10	концетрированіе	концентрированіе
26	15	Lorenz	Lorentz.
48	29	kłuᵛc	kłuᵛć
63	31	....щее l,	....щее e,
66	16	vús	vus
84	27	hedvab	hedvaƀ
89	10	ŀołnierz,	żołnierz.
134	3, 14	Bronich	Bronisch.
136	13	обнаруживатся	обнаруживается
148	1	Колара	Коларжа
188	9	grądziel — grądziela	grządziel — grządziela

Списокъ сокращеній.

Arch. = Archiv für slavische Philologie Berlin.

B. B. = Beiträge zur Kunde der indogerm. Sprachen изд. Бецценбергеромъ.

Beitr. = Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung.... herausgegeben von A. Kuhn. Berlin 1858—1874 гг.

Брандтъ «Кр. ф. и м. п. яз.» = Краткая фонетика и морфологія польскаго языка 1894 г. Москва.

Bronisch = Kaschubische Dialectstudien von Gotthelf Bronisch 1896. Leipzig.

Gebauer Hist. Ml. = Historická mluvnice jazyka českého. Прага—Вѣна I 1894, II 1—2.

Denkschr. = Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Classe. Wien.

Ж. М. Н. Пр. = Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Zbiór = Zbiór wiadomości do antropologii krajowéj. Kraków съ 1877 г.

Изв. = Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Изслѣд. = Шахматовъ «Изслѣдованія въ области русской фонетики» 1893 г.

Лавровъ «Обзоръ» = Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка 1893 г. Москва.

List. fil. = Listy filologické. Praha.

Małecki Gramm. = Grammatyka języka polskiego większa Lwów. 1863 г.

Małecki Gramm. hist.-porówn. = Grammatyka historiczno-porównawcza języka polskiego. Lwów. 1879, I—II.

Mat. i prace = Materyały i prace komisyi językowej Akademii umiętności w Krakowie I, 1902.

L. Malinowski «Ueber d. opp. M.» = «Beiträge zur slavischen Dialectologie von Lucian Malinowski I Ueber die oppelnische Mundart in Oberschlesien» Leipzig 1873 г.

Myka Hist. und vergl. Laut-und Formenl. = Historische und vergleichende Laut-und Formenlehre der Niedersorbischen Sprache Leipzig 1891 г.

О др.-п. яз. = Бодуэнъ де Куртене «О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія» 1870 г. Лейпцигъ.

Prace fil. = Prace filologiczne.

Rad = Rad jugoslavenske Akademije znanosti i umietnosti. Zagreb.

Ramułt = Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego w Krakowie 1892 г.

Rozpr. = Rozprawy i sprawozdania z posiedzień wydziału filologicznego Akademii Umiętności w Krakowie съ 1874 г.

Семеновичъ «Ueber die Quant.» = «Ueber die vermeintliche Quantität der Vocale im altpolnischen» Leipzig 1872 г.

Sievers[5] = Grundzüge der Phonetik von Eduard Sievers 5 изд. Leipzig 1901 г.

Spraw. = Sprawozdania Komisyi językowéj Akademii Umiętności w Krakowie съ 1880 г.

Флоринскій «Лекціи» = Лекціи по словянскому языкознанію II, 1897 г.

Фортунатовъ Сравн. яз. = «Сравнительное языковѣдѣніе» Лекціи читанныя въ 1897—1898 акад. г. Литогр.

Z. K. = Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen herausgegeben von E. Kuhn und J. Schmidt.

Щепкинъ «Разсужденіе» = «Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги» 1899 г.

Указатель именъ.

Аппель 37. 69. 70. 72. 73. 76. 77. 92.

Бартошъ 138. 150. 161.
Бецценбергеръ 97. 213.
Блаттъ 19. 34. 36. 37. 38. 39. 41.
Богородицкій 119.
Бодуэнъ де К. 18. 21. 22. 29. 30. 31. 47. 49. 52. 53. 64. 84. 87. 91. 92. 115. 142. 144. 145. 146. 148. 161. 164.
Брандтъ 11. 15. 49. 51. 58. 83. 96. 119. 148. 211.
Бремеръ 84.
Бронишъ 35. 46. 47. 56. 57. 59. 61. 65. 74. 116. 117. 127. 128. 129. 134. 139. 143. 149. 161. 164. 166. 167. 168. 193. 196. 204.
Брохъ 85.
Брюкнеръ 21. 22. 23. 29. 30. 31. 47. 50. 51. 52.
Бругманъ 197.
Будмани 75.
Быстронь 75.
Бѣла 35.

Вальявецъ 99. 100. 154. 155.
Вержховскій 82.
Витановскій 36. 37.
Востоковъ 152.
Вукъ (Караджичъ) 117. 133. 155. 157.

Гапушъ 88.
Гебауэръ 19. 34. 70. 75. 99. 115. 147. 149. 150. 195.
Гиртъ 73. 100. 102. 178.
Горакъ (Horák) 171.
Грайнертъ 36. 37. 39.
Гржегоржевичъ 37. 38. 65.
Гуссъ 136.

Даль 117. 128. 156.
Даничичъ 145. 146.
Добржицкій 36. 41. 56. 77. 87.

Заборовскій 90. 91.
Завилиньскій 13. 18. 36. 81.
Зубатый (Zubatý) 47.

Ильинскій 147.
Йокль 96.

Калина 21.
Калужняцкій 92.
Катковъ 95. 97.
Коларжъ (Kolář) 21. 148.
Кольбергъ 6. 7. 19. 39. 61. 62. 63. 67. 82. 89.
Конерницкій 36. 37. 82.
Коршъ 85. 192.
Котляревскій, А. А. 30. 80. 84. 144.
Крижаничъ 145.
Крыньскій 21. 35.

Лавровъ, П. А. 80.
Лавровскій, П. А. 95.
Лескинъ 33. 50. 58. 69. 71. 74. 97. 98. 99. 100. 101. 102. 140. 147. 148. 154. 164. 172. 185. 187.
Лецѣевскій 23. 35. 37. 38. 39. 56. 62. 65. 89.

Линде 181.
Лоренцъ (Lorentz) 11. 15. 21. 24. 25. 26. 32. 33. 46. 53. 56. 59. 102. 111. 112. 117. 119. 121. 122. 139. 140. 141. 142. 160. 163. 166. 167. 169. 179. 183. 184. 185. 186. 200. 202. 206. 207. 208. 211.
Лоришъ 138.
Лось (Łoś) 5. 36. 38. 40. 77. 96. 130. 131. 149.
Лосъ (Loos) 135. 159.
Ляпуновъ, Б. М. 49. 55. 58. 59. 78.

Мажураничъ 95. 155. 157.
Малэцкій (Małecki) 12. 63. 77. 85. 86. 89. 90. 91. 94.
Малиновскій, Кс. 91.
Малиновскій, Л. 6. 19. 21. 22. 32. 36. 37. 39. 40. 42. 43. 64. 81. 95.
Матусякъ 12. 42. 96.
Махалъ 96. 173. 185.
Миккола, 21. 24. 26. 27. 31. 47. 52. 53. 59.
Миклошичъ 32. 74. 94. 95. 96. 97. 156. 163. 197.
Мончиньскій (Mączyński) 52.
Мука 10. 12.

Неманичъ 214.
Нернгъ 21. 22. 23. 50. 51.

Облакъ 11. 58. 59. 81.

Паркошъ 90. 91. 92.
Педерсенъ 214.
Петровъ, А. 6. 18. 35. 82.
Поливка 70. 73. 74. 75. 77.
Поржезинскій, В. К. 25. 102.
Потебня 21. 22. 23. 27. 29. 30. 45. 64. 119. 161.
Пухмайеръ 95. 97.

Рамултъ 46. 47. 57. 59. 69. 76. 115. 116. 117. 127. 128. 129. 134. 139. 141. 143. 149. 190.
Решетаръ 113. 115. 118. 129. 130. 164. 215.
Розвадовскій 3. 4. 37. 38. 40. 41. 81.

Сембржицкій 19. 36. 38. 83.
Семеновичъ 64. 91. 92. 93. 94. 96. 108. 109. 112. 113. 118. 129. 130. 131. 132. 133. 142. 143. 149.
Сиверсъ 1. 3. 17. 162.
Соболевскій, А. И. 10. 13. 58. 87. 145.
Сэренсенъ (Soerensen) 169.

Торе-Торнбьернсонъ 45. 125. 142.
Трулларь (Truhlař) 95.

Удѣла (Udzieła) 36. 82.
Уляновская 19. 82.

Фишеръ 150.
Флайшгансъ (Flajšhans) 99.
Флоринскій, Т. Д. 6. 10. 12. 15. 54. 55. 83. 211.
Фортунатовъ, Ф. Ѳ. 1. 10. 49. 51. 52. 53. 55. 79. 97. 98. 100. 102. 147. 148. 211. 212.

Цишевскій 37. 41.
Цоневъ 100. 101. 178.

Черный (Černý) 98. 99. 123. 135. 136. 156. 174. 185.

Шахматовъ, А. А. 10. 11. 30. 49. 51. 53. 64. 67. 68. 72. 78. 80. 84. 87. 100. 139. 143. 144. 145. 174. 175. 187. 188. 192. 204. 208. 209. 213. 215.
Шлейхеръ 14. 26.
Шмидтъ, J. 50.
Штрейтбергъ (Streitberg) 174.

Щепкинъ, В. Н. 78.

Эндзелинъ 212.

Ягичъ 21. 22. 23. 24. 27. 28. 30. 49. 50. 58. 98. 99.
Янчій (Janczy) 36. 38.

Указатель польскихъ говоровъ.

Бржезинъскій 5. 6. 13. 16. 18. 20. 36. 40. 42. 63. 65. 80. 81. 82. 104. 105. 106. 107. 108. 109. 110. 111. 130. 143. 170. 180.

Великопольскіе 6. 18. 19. 39. 62. 65. 67. 83. 89. 104.
Велюньскій 34. 36. 37. 39.

Гарволинъскій 113.
Горальскій 6. 34. 82. 130. 131.

Добржинъскіе 18.

Закопанскій 6. 35. 37. 65. 104. 105. 107. 108. 109. 110. 111.
Закопянскій 104. 105. 106. 149.
Зебржидовскій 16. 18. 34. 37. 61. 65. 81. 82. 83. 84. 104. 105. 106. 107. 108. 110. 111. 113. 128. 130. 143. 149. 165. 167. 170. 180. 182. 185. 190. 191.

Касинъскій 43. 81.
Крженцинскій 36. 37. 41. 42. 57. 63. 65. 77. 81. 104. 105. 107. 108. 110. 111. 113. 117. 128. 129. 133. 165. 170. 189. 191. 192.
Кротошинскій 6.

Луковецкій 6. 63. 65. 81. 103. 104. 105. 107. 108. 109. 110. 130. 131. 132. 144. 170. 171. 180. 191. 198.
Лясовскій 6. 12. 16. 42. 63. 65. 82. 83. 104. 105. 106. 107. 108. 109. 110. 111. 130. 132. 180. 190. 191. 194. 197. 205.

Малопольскіе 6. 18. 34. 104.
Мазурскіе 6. 18. 19. 82. 83. 104.
Мазуры прусскіе 38. 41.
Мѣйская Горка 6. 7. 16. 34. 35. 37. 38. 41. 42. 50. 65. 83. 84. 89. 104. 105. 106. 107. 108. 109. 110. 111. 130. 131. 149. 167. 170. 180. 186. 191. 199.

Опочиньскій 6. 16. 34. 36. 38. 39. 40. 61. 77. 82. 104. 105. 106. 107. 108. 109. 110. 117. 118. 128. 130. 131. 132. 139. 149. 165. 167. 180.
Оппельнскій (опольскій) 6. 19. 21. 39. 40. 41. 62. 63. 81. 89. 104. 105. 106. 107. 108. 113. 117. 130. 131. 143. 149. 180. 191. 192.

Писаржовицкій 34. 37. 81. 104. 105. 107. 108. 110. 113. 118.
Польско-словацкіе 34.

Полуки 6.
Прашницкій 37. 38. 57. 62. 63. 65. 131. 203.
Прушинскій 135.
Пышницкій 19. 34. 38. 39. 42. 63. 65. 104. 105. 106. 107. 109. 110. 111. 130. 131. 180.

Равичскій 6.
Радомскій 34.
Ропчицкій 6. 36. 63. 82.

Сважендзскій 1. 6. 7. 14. 17. 19. 20. 21. 43. 44. 48. 61. 63. 66. 69. 78. 79. 80. 81. 83. 84. 88. 104. 105. 106. 107. 108. 109. 110. 111. 113. 114. 117. 119. 121. 122. 123. 124. 125. 126. 127. 128. 131. 132. 139. 143. 144. 148. 149. 159. 160. 165. 166. 167. 170. 180. 181. 182. 183. 185. 186. 189. 191. 192. 193. 194. 195. 197. 198. 199. 200. 203. 204. 205. 211. 213.
Силезскіе 6. 18. 22. 27. 31. 39. 40. 42. 84. 104.
Славковъ 6. 37. 41. 110.
Сромовцы 35. 36. 40. 42. 62. 65. 81. 84. 149.
Стонавка 41. 65. 80. 87. 113. 149 153. 180.
Страдомскій 34. 36.